

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

◆
БАКУ—1975

1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 1

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

БАКУ — 1975

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), **ЯШЕН КАМИЛЬ**

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. Н. БАСКАКОВ

ОТРАЖЕНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ, ОБСЛУЖИВАЮЩИХ
РАЗЛИЧНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФОРМАЦИИ

Научно-техническая революция, являясь мощным стимулом экономического, культурного и социального развития, оказывает значительное влияние на язык и в первую очередь на его лексику. Возникновение в эпоху научно-технической революции новых наук и отраслей промышленности приводит к образованию понятий, находящих свое выражение в языке в виде новых терминов. В свою очередь, вновь образовавшиеся термины объединяются в терминологические системы, на основе которых формируются профессиональные подязыки, обслуживающие соответствующие отрасли науки и техники. Приобщение к науке и технике все более широких слоев общества, повышение уровня профессиональной подготовки требуют строгой унификации терминологии, отказа от избыточных терминов-синонимов, четкой дифференциации отраслевой терминологии, адекватности заимствованной лексики, используемой в качестве терминов. Остро встает вопрос об отношении науки к международной терминологии и международным языкам, о взаимодействии с ними терминологии и соответствующих функциональных стилей в национальных языках.

В настоящей статье рассматриваются социолингвистические процессы, происходящие под влиянием научно-технической революции в лексике ряда современных тюркских языков народов СССР в сопоставлении с соответствующими процессами в генетически родственном турецком языке.

Такое сопоставление лингвистических процессов, происходящих под влиянием научно-технической революции в родственных языках, обслуживающих различные общественные формации, представляет значительный интерес в собственно социолингвистическом плане, так как позволяет выявить особенности этих процессов в различных социальных условиях.

В языках советских тюркоязычных республик формируется новая терминология, отражающая в полном объеме развитие современной науки и культуры, причем особенно интенсивно возникают термины, связанные с перспективными для данной республики отраслями народного хозяйства. Так, например, успешно развиваются терминологические системы по нефтедобыче и нефтехимии в Азербайджане, по хлопководству в Узбекистане, по геологии и угледобыче в Казахстане, по ирригации и водоснабжению в Туркмении и т. д. Разработка этой терминологии производится с учетом требований науки и промышленности, задач подго-

товки научных и технических кадров и перевода научно-технической литературы по данным отраслям народного хозяйства.

Значительное развитие в настоящее время получила научно-техническая терминология и в турецком языке. Наряду с совершенствованием старых терминологических систем, обслуживающих преимущественно гуманитарные науки — философию, историю, право и другие, а также отрасли промышленности, достаточно развитые в Турции (текстильная, горнорудная, пищевая), создаются новые терминологические системы в тех отраслях промышленности, которые либо не существовали ранее (например, автомобилостроение, радиотехника), либо коренным образом усовершенствовались в эпоху научно-технической революции (химическая промышленность, металлургия и пр.).

Однако в современном турецком языке отсутствует ряд терминологических систем, нет научной и учебной литературы на турецком языке по многим отраслям науки и техники. Это объясняется общей экономической отсталостью Турции, недостаточной развитостью многих точных наук и современных отраслей промышленности, таких, например, как электроника, авиастроение, приборостроение и многие другие.

Издаваемые Турецким лингвистическим обществом терминологические словари носят преимущественно нормативный характер и не отражают истинного положения в турецкой терминологии. Кроме того, описание терминологических систем происходит стихийно. Есть, например, терминологические словари по велосипедному спорту и театру¹, но нет словарей по медицине, политехнике, сельскому хозяйству и по многим другим жизненно важным для Турции отраслям науки и техники.

Экономическое и культурное развитие социалистических наций в Советском Союзе, приведшее к образованию новой исторической общности людей — советского народа, характеризуется материальной взаимопомощью братских народов СССР и взаимопроникновением и взаимовлиянием их культур. Эта духовная и материальная интеграция порождает определенные процессы и в национальных языках, в которых начинает отчетливо проявляться тенденция к унификации наиболее употребительной научно-технической, политической и прочей терминологии.

Основными источниками формирования научно-технической терминологии в языках народов СССР, в том числе и в тюркских, являются прежде всего лексический состав родного языка и его диалектов, средства их словообразования, а также заимствования из русского языка — языка межнационального общения советских народов, и главным образом посредством последнего — международной терминологии. Унификация терминологии в тюркских языках социалистических наций представляет собой сложный и далеко не однозначный процесс, приводящий к формированию общего терминологического фонда языков народов СССР, известного в социалингвистике как «лексический фонд малого состава»².

К социалингвистическим факторам, определяющим унификацию научно-технической терминологии в тюркских языках и выполняющих максимальные социальные функции, можно отнести следующие:

а) заимствование русской терминологии из русского языка. Некоторые тюркские языки (например, киргизский) заимствуют узкоспециальную русскую терминологию в ее полном составе для той или иной отра-

¹ Н. Bekensir. Çifteler terimleri sözlüğü. Ankara, 1970. Tiyatro terimleri sözlüğü. Ankara, 1966.

² Ю. Д. Дешериев. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966, стр. 179.

сли современной науки и техники, другие (азербайджанский, узбекский) заимствуют русскую терминологию в более ограниченном масштабе, сохраняя традиционную арабско-персидскую терминологию;

б) заимствование через русский язык международной терминологии. Международная научно-техническая терминология, освоенная русским языком, через его посредство широко проникает в состав терминологических систем всех тюркских языков народов Советского Союза. Существовавшая некоторое время в двадцатых годах пуристическая тенденция калькирования международной терминологии, например, азерб. *дашбиллик* вместо *петрографија*, *субилик* вместо *гидрологија*³, оказалась несостоятельной и недолговечной. В настоящее время в азербайджанском языке среди многочисленных лексических заимствований, в большинстве относящихся к международной терминологии и заимствованной через посредство русского языка, около 28% латинско-греческого происхождения, 18% французского и по 6% русского, английского и немецкого происхождения⁴. Таким образом, утверждение некоторых зарубежных специалистов о якобы осуществляемой в СССР «русификации» языков народов СССР совершенно беспочвенно. В ряде терминологических систем, например в химии, в азербайджанском языке многие наименования химических элементов и процессов выражены международными терминами, которые известны и окказионально употребляются и в русском языке: русск. *кремний* — азерб. *силисиум*, русск. *углерод* — азерб. *карбон*, русск. *восстановление* — азерб. *редукција*, русск. *окисление* — азерб. *оксидләшмә*;

в) замена в развитых тюркских языках постепенно отмирающей арабской и персидской терминологии международной и русской лексикой⁵, например в азербайджанском языке: *шура* — *совет*, *фиргә* — *партия*, *эмсал* — *коэффициент*, в туркменском языке: *тәзад* — *антагонизм*. Арабско-персидская терминология в данных языках либо со временем частично становится архаичной (см. приведенные примеры), либо продолжает сохраняться, выражая общие, отвлеченные понятия в различных терминологических системах, например в азербайджанском языке: *сүр'әт* 'скорость', *фәза* 'пространство', *масафә* 'расстояние' и т. п.;

г) создание новой терминологии путем словосложения, при котором один из компонентов — заимствованный русский или международный термин, например: туркм. *ультрасәс* 'ультразвук', *инфрагызыл* 'инфракрасный'⁶, азерб. *гамма-шугәлар* 'гамма-лучи', *механики гатышыг* 'механическая смесь', *диффузија эмсалы* 'коэффициент диффузии' и т. п.

Все указанные факторы в той или иной мере способствуют унификации научно-технической терминологии в языках тюркоязычных народов СССР, что ведет к еще большему экономическому и культурному сближению всех народов Советского Союза.

Иначе развиваются в эпоху научно-технической революции лингвистические процессы в турецком языке. Сильные националистические тенденции в языковой политике продолжают стимулировать бескомпромиссный пуризм, который в настоящее время уже не ограничивается только заменой арабско-персидской лексики, но направлен против любых заим-

³ М. Ш. Гасымов. Основы терминологии азербайджанского языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1972, стр. 41.

⁴ Г. Алиев. Русские заимствования в азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1973, стр. 9.

⁵ Н. А. Баскаков. Современное состояние терминологии в языках народов СССР. М., 1959, стр. 8.

⁶ Там же.

ствований из европейских языков, в том числе и против современной международной терминологии.

Турецкое лингвистическое общество, организованное в 1932 г. при содействии Ататюрка, является официальной общественной организацией, определяющей на протяжении сорока с лишним лет языковую политику в стране. Под руководством Общества была проделана большая работа по очищению турецкого языка от многочисленных арабско-персидских заимствований. Так, если в османском языке, как принято называть турецкий язык в Турции до 1923 г., количество заимствований в его функциональных стилях — языке художественной литературы, прессы, языке науки составляло почти 90% всей лексики, то уже к началу тридцатых годов оно равнялось лишь 65%, а в настоящее время уменьшилось до 28%⁷. Основными способами привлечения собственно тюркской лексики взамен отвергаемых арабских и персидских слов явились: а) заимствование из диалектов турецкого языка (*derleme*); б) из литературных памятников турецкого и других тюркских языков (*tarama*); в) словотворчество (*türetme*), основанное на использовании собственно турецких словообразовательных средств. Оставляя в стороне вопрос о продуктивности указанных методов, следует отметить, что в целом эта работа по обновлению турецкого языка (*özleşme*) совместно с реформой турецкой графики (в 1928 г. арабский алфавит был заменен латинским), получившая название «языковой революции» (*Dil devrimi*), имела положительное значение, так как привела в соответствие с типологией агглютинативного турецкого языка его лексику и графику. А это, в свою очередь, имело большой социальный смысл, поскольку способствовало сближению литературной и разговорной норм турецкого языка, а следовательно, и развитию народного просвещения.

Пуристическая деятельность Турецкого лингвистического общества, объединяющего лучших турецких языковедов и пользующегося большим влиянием в стране, в настоящее время выражается в стремлении изгнать из турецкого языка международную терминологию, активно заимствуемую под влиянием научно-технической революции. По данным Общества, количество заимствованной из европейских языков лексики в основном словарном составе турецкого языка повысилось с 4% в 1901 г. до 15% в настоящее время, что само по себе не представляется значительным. Однако в 1970 г. Обществом была создана специальная комиссия для разработки мер по очищению турецкой лексики от европейских заимствований. В 1972 г. были изданы первые словари турецких неологизмов, призванных заменить европейскую лексику⁸. Были предложены, помимо известного ранее способа аффиксации (*türetme*), новые принципы создания неологизмов, а именно: словосложение (*birleştirme*), словосочетание (*birden çok sözcükle karşılama*) и перенос значения (*anlam aktarımı*)⁹, что явилось новым этапом в словотворчестве в турецком языке. Примечательна проявляющаяся в настоящее время некоторая терпимость к бытующим в языке арабско-персидским словам, которые стали даже выступать в качестве компонентов новых лексических образований, например: перс.-тур. *renksemez* 'ахроматический', перс.-тур. *taççeker* 'корнограф', тур.-араб. *ağtabaka* 'рети́на'.

Хотя предлагаемые неологизмы, по мнению авторов указанных словарей, могут быть усвоены языком лишь частично, представляется не-

⁷ «Dil devrimi üzerine». Ankara, 1967, стр. 8.

⁸ Batı kaynaklı sözcüklerine karşılık bulma denemesi. Hazırlayanlar prof. dr. S. Sınanoğlu, T. Saraç, E. Özdemir. Ankara, 1972. Batı dilleri sözcüklerine karşılıklar kılavuzu. Hazırlayan K. Demiray. Ankara, 1972.

⁹ E. Özdemir. Terim hazırlama kılavuzu. Ankara, 1973, стр. 23.

продуктивным создавать замену для таких, например, понятий, как наименование наук: *varlıkbilim* вместо *ontoloji* 'онтология', *kazançbilim* вместо *ekonomi* 'экономика', *çevrebilim* вместо *ekoloji* 'экология'; наименования из области промышленности: *kurgu* вместо *montaj* 'монтаж', *denetim* вместо *kontrol* 'контроль', *uygulayım* вместо *teknik* 'техника', *teknikçim* вместо *standart* 'стандарт', *bilgisayar* вместо *kompyüter* 'компьютер', *üretiş* вместо *jeneratör* 'генератор'; экономическая и политическая терминология: *mal değişimi* вместо *kliring* 'клиринг', *değerdeşümü* вместо *enflasyon* 'инфляция', *olmaz* вместо *veto* 'вето', *yayılmçılık* вместо *emperyalizm* 'империализм', *tanıtı* вместо *reklâm* 'реклама', *tanıtım* вместо *propaganda* 'пропаганда' и т. п. Подобная тенденция замены общепринятой международной терминологии неологизмами имела и в ряде тюркских языков народов Советского Союза еще в двадцатых годах. Так, например, в казахском языке предлагались такие замены: *коммунизм* — *ортакшылдык*, в татарском языке *паровоз* — *ут арабасы*, в туркменском языке — *антагонизм* — *барлышыксыз гаршылыг* и т. п.¹⁰ Подавляющее большинство этих калек не выдержало испытания временем и было забыто. Турецкие лингвисты не учли этот негативный опыт, и большинство изобретенных ими слов, по-видимому, также не будет включено в словарный состав современного турецкого языка.

Предлагаемые турецкие эквиваленты международных терминов имеют к тому же ряд этимологических и лексико-семантических недочетов. Можно допустить целесообразность замены иноязычных словообразовательных формантов турецкими при сохранении заимствованной основы, например: *kristalizasyon* > *kristalleşme*, *metalizasyon* > *metallenim*. Но является ли последовательной с точки зрения самих сторонников «очищения» турецкого языка (*özleşme*) замена продуктивных международных терминов эквивалентами арабского происхождения: *demografi* — *nüfusbilim*, *klasifikasyon* — *sınıflanma*, *sınıflandırma*? Не представляется рациональным создание нескольких синонимов для одного международного термина; например: *anestezi* — *uyuşturma*, *duyumsuzlaştırma*, *uyuma*, *bayıltma*, *emperyalizm* — *yayılmçılık*, *buyuruculuk*, *elkoyuculuk*; *heterojen* — *çokyapımlı*, *ayrışık*; *homojen* — *benzeşik*, *bağdaşık*, *türdeş*, *biryapımlı*. Для ряда международных терминов, имеющих узкоспециальное употребление, предлагаются турецкие эквиваленты — слова, имеющие слишком широкое значение, например: *ambargo* > *yasaklama*, *uvertür* > *başlangıç*, *açılış*, *diyagram* > *çizge* или, напротив, слишком узкое значение: *kanal* > *suyolu*.

Не представляются удачными как по форме, так и по содержанию составные термины — эквиваленты известных международных терминов: *ajans* > *haber kurumu* досл. 'общество новостей', *trafik* > *gidiş-geliş* досл. 'уход-приход', *fabrika* > *yapımevi* досл. 'производственный дом', *enflasyon* > *para bolluğu* досл. 'изобилие денег', *emisyon* > *kâğıt para çıkarma* досл. 'выпуск бумажных денег', *ekskavatör* > *kazar-atar* досл. 'копает-бросает' и т. п.

Соотнесение некоторых современных турецких терминов-неологизмов с соответствующими терминами в близкородственном азербайджанском языке¹¹, являющемся одним из наиболее развитых тюркских языков в Советском Союзе, позволяет сделать ряд заключений:

¹⁰ Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 9.

¹¹ См.: «Русско-азербайджанский словарь терминов по электронике». Баку, 1958, составители З. И. Кязимзаде, М. М. Саламзаде; «Словарь терминов по технологии металлов и металловедению». Баку, 1970, составитель Н. Х. Гасымзаде; «Словарь гидрогеологических терминов». Баку, 1972, составители М. Э. Кашкай, Г. А. Исманлов, З. А. Мусаев.

1. Подавляющее большинство международных терминов, заменяемых в турецком языке неологизмами, сохраняется в азербайджанском языке либо в той форме, в которой они заимствовались через русский язык, например: тур. *radyasyon* > *işınım*, азерб. *radiasiya*, тур. *enjektör* > *iğne*, азерб. *инжектор*, тур. *analiz* > *çözümleme*, азерб. *анализ*, тур. *konvertör* > *değiştirgeç*, азерб. *конвертер*; либо адаптируются в соответствии с законами азербайджанского языка: тур. *heterojen* > *ayrışık*, азерб. *гетерокен*, тур. *mikrostrüktür* > *içyapı*, азерб. *микроструктур*.

2. Значительное число международных терминов, заменяемых в турецком языке неологизмами, в азербайджанском языке выражаются: а) собственно азербайджанскими словами: азерб. *guyashдырма* — тур. *montaj* > *kurgu*, азерб. *титрәдичи* — тур. *vibratör* > *sarsaç*; б) русскими заимствованиями: азерб. *тормоз* — тур. *fren* > *durdurac*; в) арабскими основами: азерб. *дөвран* — тур. *sirkülasyon* > *dolaşım*, азерб. *мүгавимәт* — тур. *rezistans* > *direnc*, азерб. *тәнзимләјичи* — тур. *regülatör* > *düzenleç*.

Существенным различием в эпоху научно-технической революции между научно-технической терминологией тюркоязычных народов Советского Союза, в том числе и азербайджанского, с одной стороны, и турецкой научно-технической терминологией — с другой, является преобладание в первой международной лексики и наличие русских заимствований, что способствует развитию все более тесных взаимосвязей народов Советского Союза в области науки и культуры, в то время как попытка изгнать из турецкой терминологии все международные термины ведет в конечном счете к изоляции турецкой науки и культуры.

Следует отметить, что пуристическая политика, проводимая Турецким лингвистическим обществом, наталкивается на ряд препятствий объективного и субъективного характера. К объективным следует отнести экономическую и политическую зависимость Турции от развитых капиталистических стран и прежде всего от США, что способствует активному проникновению в современный турецкий язык значительного количества главным образом английской лексики, большая часть которой не совпадает с общепризнанной международной терминологией, например: *lojistik* 'тыловой', *briefing* 'инструктаж', *homing* 'самонаведение', *blad preşür* 'кровяное давление', *self servis* 'самообслуживание', *spark* 'зажигание', *low vites* 'низшая скорость' и т. п.

Ограниченные возможности подготовки в Турции специалистов высшей квалификации в различных областях науки, техники, военного дела и т. д. приводят к необходимости готовить эти кадры в Европе и США. Вернувшись в Турцию, эти специалисты вводят в обиход специальную терминологию, усвоенную ими в период учебы. Так, например, в современной турецкой химической терминологии существует несколько вариантов термина «период соединения»: собственно турецкий: *kavuşum dönemi*, турецко-немецкий *sinodik devir*, французский *revolüsyon sinodik*, английский *sinodik periyod*¹². Существенное влияние на проникновение в турецкий язык иноязычных терминов оказывают специальная переводная литература и преподавание на иностранных языках в некоторых специальных учебных заведениях в самой Турции (*Orta Doğu Teknik Üniversitesi*).

К субъективным факторам, ограничивающим политику пуризма, следует отнести противодействие ей со стороны части турецкой ин-

¹² Prof. dr. A. Kızılrnak. Terimeer sorunu üzerine. — «Türk dili», № 232. Ankara, 1971, стр. 294.

теллигенции и некоторых политических кругов¹³, опасаящихся, что чрезмерный пуризм нарушает преемственность традиций турецкой литературы и культуры. Действительно, ряд произведений классиков турецкой литературы вплоть до двадцатых годов XX в. «переводится» на современный рафинированный турецкий язык (*Arı Türkçe*). Даже текст турецкой конституции в зависимости от политических ситуаций дважды претерпевал изменения: в 1945 г. был модернизирован, в 1952 г. вновь «арабизирован» и в 1961 г. восстановлен в первоначальном варианте.

В 1966 г. в Стамбуле было создано Общество защиты и развития турецкого языка (*Türk dili koruma ve geliştirme cemiyeti*) — антипод Турецкого лингвистического общества, выступающее против ортодоксальной пуристической политики последнего.

В заключение можно отметить, что если в тюркских языках социалистических наций научно-техническая революция стимулирует унификацию терминологии, базирующуюся на научных методах разработки теории лексикологии с учетом специфики национальных языков и отвечающую интересам всего советского народа, то в условиях буржуазной Турции влияние научно-технической революции на турецкий язык сопряжено с ожесточенной борьбой между националистической политикой пуризма и стихийным, практически нерегулируемым процессом проникновения лексики и терминологии из различных европейских языков и прежде всего из английского языка. Такое противодействие весьма затрудняет создание в турецком языке унифицированной терминологии, которая могла бы быть успешно использована при реализации достижений научно-технической революции.

¹³ А. С. Levend. *Türk dilinde gelişme ve sadeleşme evreleri*, 3. baskı. Ankara, 1972, стр. 506.

М. М. ХУСАИНОВ

О ПРИРОДЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

(НА МАТЕРИАЛЕ АФФИКСАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ
В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ)

Вопросы словообразования в турецком языке в последние десятилетия стали объектом всестороннего изучения. Этому в значительной мере способствовала реформа турецкого языка. За сравнительно небольшой срок турецкими лингвистами были зафиксированы и систематизированы многочисленные способы и средства словообразования. Причем научный интерес проявляется не только к отдельным фактам словообразования, к современному состоянию и историческому развитию этого процесса, но и к самой теории словообразования. Особенно много работ турецких лингвистов посвящено аффиксальному словообразованию, которое, бесспорно, является наиболее важным и продуктивным способом. Однако этот способ, обладающий большими возможностями, не считается единственным и всеобъемлющим, поскольку современный турецкий язык располагает и другими средствами обогащения словаря (словосложение, лексикализация, конверсия).

Вместе с тем многие вопросы (даже наиболее изученное аффиксальное словообразование) теоретически недостаточно исследованы, и здесь требуется дальнейшее изучение. В лингвистической литературе нередко допускается смешение функций: словообразовательные аффиксы иногда отождествляются со словоизменятельными формантами, не указываются грамматические значения производных слов, особенно в тех случаях, когда авторы обращаются к словообразованию, преследуя главным образом лексикологические цели. Зачастую остаются не до конца выясненными и семантические соотношения производящих и производных основ. И, наконец, все еще не разграничены продуктивные и непродуктивные аффиксальные средства.

Возрастающий в нашей стране интерес к изучению словообразования в тюркских языках вызван интенсивным развитием национальных литературных языков тюркских народов в послеоктябрьский период. Аффиксальное словообразование, изучаемое на материале различных тюркских языков, стало объектом специальных исследований советских тюркологов¹. Общепризнанным элементом словопроизводства в

¹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II. Фонетика и морфология (Части речи и словообразование). М., 1952. Э. В. Севортыан. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962; *его же*. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966. А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 101—134 и др. А. А. Юлдашев. Система словообразования и спряжение глагола в башкирском языке. М., 1958. Т. М. Гарипов. Башкирское именное словообразование. Уфа, 1959. П. Азимов. Туркменский язык (словообразовательные аффиксы). Ашхабад, 1950. С. А. Джафаров. Словообразование в азербайджанском языке. Баку, 1960. Б. О. Орузбаева. Словообразование в киргизском языке. Автореф. докт. дисс. Фрунзе, 1964. С. Кудайбергенов. Синтетический способ образования глагола в киргизском языке. Автореф. докт. дисс. Фрунзе, 1968.

этих работах считается аффикс, входящий в состав двухкомпонентной модели. Данная концепция исходит из традиционного представления о словообразовательном процессе как своеобразной структурно-семантической трансформации производящей основы в производную с участием того или иного словообразовательного средства, в том числе аффикса. Эта концепция принята как в советской, так и зарубежной тюркологии в исследованиях, посвященных словообразованию.

В данной статье рассматривается природа словообразовательной модели, которая понимается нами как поликомпонентная структура в системе аффиксального словопроизводства. Поскольку аффикс является неизменным компонентом модели и его многозначность проявляется на разных грамматических уровнях, мы считаем необходимым остановиться именно на нем.

Аффикс как морфологическое средство функционирует не только в области словообразования, но и в словоизменении и формообразовании. Отсюда следует, что по своему функциональному назначению аффиксы распадаются на три группы: словообразовательные, словоизменятельные и формообразовательные аффиксы. Поскольку на уровне морфологии одним термином «аффикс» выражается несколько значений, возникает необходимость их дифференциации.

Как известно, словоизменятельные аффиксы образуют грамматические категории — надежда, числа, принадлежности, сказуемости, и, будучи в каждой конкретной сфере универсальной формой, они охватывают в равной степени все слова данной части речи.

Однако словообразовательные аффиксы, в отличие от их словоизменятельных форм, не могут присоединяться к любой основе.

Сказанное выше можно разъяснить на следующих примерах из турецкого языка. Неологизмы-имена *seçim* 'выборы', *devrim* 'революция', *eğitim* 'воспитание', 'обучение', *donatım* 'экипировка', 'снабжение', 'снаряжение', *güdüm* 'управление', 'руководство', основное денотативное значение которых — название процесса (действия), являются именами, мотивированными глаголом. Они образованы при помощи продуктивной модели с аффиксом *-im* (*-im/-um/-üm*), относящейся к системе образования имен. А такие высокопродуктивные модели, как «основа+*-la/-le; -lan/-len; -lat/-let; -laş/-leş*» и ряд других производных от них, составляют систему образования глаголов синтетического типа, мотивированных именем. По этим и другим моделям, входящим в систему глаголообразования, был создан ряд новых глаголов (мотивированных неологизмами-именами), которые обогатили словарь современного турецкого языка. Сюда можно отнести: *sergilemek* (от *sergi* 'выставка'), заменивший глагол аналитического типа с именной основой арабского происхождения *teşhir etmek* 'выставлять', 'демонстрировать'; *yayımlamak* (от *yayım* 'издание'), заменивший глагол аналитического типа с именной основой арабского происхождения *neşr etmek* 'издавать', 'публиковать'; *özetlemek* (от *özet* 'резюме'), заменивший глагол аналитического типа с именной основой арабского происхождения *hulâsa etmek* 'резюмировать', 'заключать'; *açıklamak* (от *açık* 'открытый'), заменивший глаголы аналитического типа с именной основой арабского происхождения *izah etmek*, *tavzih etmek* 'разъяснять', 'объяснять', 'освещать (вопрос)'; *kamulaştırmak* (от *kamu* 'общество'), заменивший глагол аналитического типа с именной основой арабского происхождения *istimlâk etmek* 'обобществлять', 'национализировать'.

Аффиксы формообразования, составляющие третью группу, охватывают целый ряд форм, которые не входят в систему словообразования

и словоизменения. В турецком языке при помощи аффиксов формообразования создаются такие морфологические категории, как причастия, деепричастия и имена действия. Аффиксы формообразования в какой-то степени близки по значениям к словоизменительным формам. Эта близость обнаруживается в их функциональных значениях. Они не образуют новых слов, выступая лишь в качестве форм, выражающих грамматические отношения слов в предложении. Как показывает анализ современного турецкого языка, некоторые аффиксы формообразования обладают признаками как словообразования, так и словоизменения. Это прежде всего относится к залоговым формам турецкого глагола. Как известно, в тюркологии одни исследователи относят их образование к грамматическому формообразованию (Э. В. Севортян, А. Н. Кононов), другие решают эту проблему в пользу словообразования лексико-грамматического характера (Н. К. Дмитриев, Н. А. Баскаков, Б. А. Серебренников), а третьи усматривают в них одновременно свойства и формообразования, и словообразования (К. З. Зиннатуллина)².

Однако рассмотренными выше положениями о различии аффиксов словообразования, словоизменения и формообразования по их функционально-грамматическим свойствам вопрос аффиксального словопроизводства не исчерпывается. Решение его вряд ли возможно без предварительного рассмотрения самой проблемы словообразовательной модели. Последняя, как о том свидетельствуют многочисленные работы, является центральной функционирующей единицей словообразовательной системы. «Ведь одной из важнейших задач словообразования, — пишет Н. М. Шанский, — является установление активно действующих правил и моделей, в соответствии с которыми создаются новые лексические единицы»³.

Термин «словообразовательная модель» ввел в научный обиход академик В. В. Виноградов⁴, в работах которого и была, по существу впервые, поставлена эта проблема, разработанная в дальнейшем другими лингвистами. Несмотря на то, что исследование проблемы словообразовательной модели начато сравнительно недавно, уже сейчас можно говорить о различных направлениях в ее разработке, среди которых наиболее отчетливо выделяются два.

Сторонники первого из этих направлений придерживаются теории двухкомпонентной модели, а представители второго — теории поликомпонентной модели. Наиболее распространенной и, можно сказать, общепринятой в тюркологии является теория двухкомпонентной модели. Она рассматривает словообразовательную модель как сочетание производящей основы и аффикса. Эта концепция основывается на том, что словообразование представляет собой своеобразный процесс струк-

² Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке, стр. 550; А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 190—255; Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 132, 179; Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II, ч. I, стр. 333 и др.; Б. А. Серебренников. О залоге в финно-угорских и тюркских языках. — В сб.: «Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР». Уфа, 1958, стр. 62—72; К. З. Зиннатуллина. Залог глагола в современном татарском литературном языке. Казань, 1969, стр. 219—220 и др.

³ Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию. Автореф. докт. дисс. М., 1966, стр. 22.

⁴ В. В. Виноградов. Вопросы современного русского словообразования. — «Русский язык в школе», 1951, № 2, стр. 2; см. также: В. В. Виноградов. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка. — «Известия АН СССР, ОЛЯ», 1951, т. 10, вып. 3, стр. 227, в разделе «О некоторых типических моделях словообразования».

турно-семантической трансформации производящей основы в производную при помощи того или иного словообразовательного аффикса.

Концепция поликомпонентной модели относительно нова в теории словообразования. В 1963 году в статье М. Д. Степановой «О грамматическом моделировании» была высказана мысль, что к «инвентарю» словообразовательной модели следует относить не только «первичную лексическую основу» (производящую основу) и словообразовательные средства, но и «вторичную лексическую основу» (производную основу)⁵. Эта мысль М. Д. Степановой позднее была поддержана другими учеными, занимающимися вопросами словообразования. Как справедливо отмечает киргизский ученый С. Кудайбергенов, «традиционное положение о том, что „производный глагол состоит из сочетания имени и словообразующего аффикса” или глаголы образуются от имени с помощью присоединения к ним аффикса, имеет в виду лишь морфологическую структуру производного глагола и далеко не раскрывает действительное положение вещей. В нем отсутствует тот внутренний механизм, который представляет собой семантическое соотношение именной основы и производного глагола»⁶.

Следует подчеркнуть, что, говоря о структуре словообразовательной модели, мы имеем в виду не только количественную сторону, число компонентов, составляющих двухкомпонентную или поликомпонентную модель, но и характеристику функционального назначения этих компонентов. Именно это обстоятельство позволяет говорить о существовании двух упомянутых выше концепций в подходе к словообразованию. Однако эти концепции не являются взаимоисключающими, каждая из них может найти применение в зависимости от уровня исследования, причем вторая концепция логически вытекает из первой, уточняя и развивая некоторые ее положения.

При аффиксальном словопроизводстве мы располагаем производящими и производными лексическими единицами, между которыми существует словопроизводная связь (связь производящей основы с аффиксом не следует представлять как формальный механический процесс их слияния), а также словообразующим элементом. Поликомпонентная модель может быть представлена состоящей из:

- а) семантики производных слов (она же выражает и семантику модели);
- б) семантики производящих слов, которая по существу является семантической основой или базой словопроизводства;
- в) семантики словообразующего аффикса, вводящего производимое слово в системное отношение с производными словами соответствующих, находящихся во взаимодействии, разрядов;
- г) смысловой словопроизводной связи между производящей основой и производными элементами (что особенно важно учитывать в тех случаях, когда производящая основа имеет несколько значений);
- д) звукового состава производящей основы (это фонетическая база, определяющая выбор по аналогии в соответствии с законами сингармонизма следующего словообразовательного элемента, то есть аффикса);
- е) звукового состава словообразовательного форманта, то есть аффикса (один из фонетических вариантов данного словообразующего аффикса).

⁵ См.: М. Д. Степанова. О грамматическом моделировании. — «Иностранные языки в школе», 1963, № 3.

⁶ С. Кудайбергенов. Указ. автореф., стр. 9.

Определяя способ аффиксального образования неологизмов в турецком языке, мы исходим не из механического сложения производящей основы с определенным минимально значимым элементом в заданном порядке. Рассмотрение аффиксальной словообразовательной модели неологизмов как простого сочетания основы (без указания ее структуры и семантических особенностей) с аффиксом привело бы нас к одностороннему представлению о морфологической структуре неологизма, например, модель «основа+аффикс *-im*» для неологизмов *basım* 'издание', 'книгопечатание'; *tarım* 'земледелие', 'сельское хозяйство'; *seçim* 'выборы'; *devrim* 'революция'; *girişim* 'инициатива'; *çözüm* 'разрешение' (вопроса), 'решение' (задачи); *tutum* 'позиция' (линия поведения); *onarım* 'ремонт', 'починка'; *kesim* 'участок', 'сектор' и др.

При такой трактовке модель отождествляется с аффиксом и не учитывается внутренний механизм, представляющий собой семантическое соотношение основы с производным словом. В этой связи уместно привести высказывание Н. К. Дмитриева: «Аффикс представляет собой звуковой комплекс, который фонетически зависит от основы и потому варьируется и который, не функционируя самостоятельно, приобретает семантическое единство только в соединении с основой»⁷.

Обобщая изложенное выше, можно сделать вывод, что словообразовательной моделью, применительно к современному турецкому языку, можно считать многокомпонентное структурно-семантическое единство объективно существующих языковых субстанций (то есть производящей основы и определенного аффикса), используемое как образец для создания неологизмов путем аффиксации.

Рассмотрим на примерах содержание основных компонентов поликомпонентной структуры производного слова с учетом также семантики модели.

1) Модель с аффиксом *-man/-men*, мотивированная глаголом, образует неологизмы — имена существительные со значением названия профессии.

*Öğretmen (muallim)*⁸ 'учитель', 'преподаватель' — от глагольной основы *öğret-* 'учить', 'обучать'; *düzeltilen (musahhah)* 'корректор' — от глагольной основы *düzeltil-* 'исправлять', 'поправлять'; *dizmen (mürettip)* 'наборщик' — от глагольной основы *diz-* 'нанизывать, набирать'; *güldürmen (komediye)* 'комик', 'комедиант' — от глагольной основы *güldür-* 'рассмешить', 'смешить', 'заставить смеяться'; *seçmen (müntehip)* 'избиратель' — от глагольной основы *seç-* 'выбирать', 'отбирать', 'выделять'; *sayman (muhasip)* 'бухгалтер', 'счетовод' — от глагольной основы *say-* 'считать'; *yazman (kâtip)* 'секретарь', 'делопроизводитель' — от глагольной основы *yaz-* 'писать'; *çevirmen (mütercim)* 'переводчик' — от глагольной основы *çevir-* 'переводить'.

2) Модель с аффиксом *-cı/-çi* ($\frac{-ci, -cu, -cü}{-çi, -çu, -çü}$), мотивированная именем, образует неологизмы — имена существительные со значением деятеля.

Devrimci (inkılâpçi) 'революционер' — от именной основы неологизма *devrim* 'революция'; *özenci (amatör)* 'любитель' — от именной основы неологизма *özen* 'забота', 'внимание' (к какому-либо лицу); *usçu (rasyonalist)* 'рационалист' — от именной основы неологизма *us* 'разум'; *ulusçu (milliyetçi)* 'националист' — от именной основы неологизма *ulus*

⁷ Н. К. Дмитриев. Турецкий язык. М., 1960, стр. 35—36.

⁸ В скобках здесь и далее указаны слова, замененные неологизмами.

'нация'; *sömürgeci (müstemlekeci)* 'колонизатор', 'эксплуататор' — от именной основы неологизма *sömürge* 'колония'; *dilekçi (müstedî)* 'проситель' — от именной основы неологизма *dilek* 'желание', 'просьба'; *denetçi (murakıp)* 'контролер' — от именной основы неологизма *denet* 'наблюдение', 'контроль', 'надзор'; *kovcu (gaybetçi)* 'клеветник', 'хулителъ' — от именной основы неологизма *kov* 'клевета', 'хула', 'злословие'.

3) Модель с аффиксом *-it (-it, -ut, -üt)*, мотивированная глаголом, образует неологизмы — имена существительные со значением названия процесса и объекта.

Kısıt (kacır) 'опека' (над имуществом) — от глагольной основы *kıs-* 'сжимать', 'сокращать'; *kanıt (delil)* 'доказательство', 'довод', 'аргумент' — от глагольной основы *kan-* 'убедиться'; *taşıt (nakliye)* 'транспорт' — от глагольной основы *taşı-* 'перевозить'; *kesit (makia)* 'разрез', 'линия', 'черта' (мат.) — от глагольной основы *kes-* 'разрезать'; *yakıt (mahrukat)* 'горючее', 'топливо' — от глагольной основы *yak-* 'жечь', 'зажигать'; *yapıt (eser)* 'произведение' — от глагольной основы *yap-* 'сделать', 'выполнять'; *konut (mesken)* 'жилище', 'местожительство' — от глагольной основы *kön-* 'останавливаться' (на ночлег).

Как видно из этих примеров, семантика данной модели определяется установлением ее типовых значений в процессе образования новых слов. В приведенных примерах типовым значением модели с аффиксом *-man/-men* является образование неологизмов — имен существительных со значением названия профессии, а следующая модель с аффиксом *-ci/-çi* по типовому значению образует неологизмы — имена существительные со значением деятеля. Объясняется это тем, что образование новых слов посредством словообразовательной модели происходит преимущественно по ее типовому значению.

Однако в практике словообразования в турецком языке встречается определенное количество моделей со смешанной или не четко установленной семантикой. Прежде всего это относится к малопродуктивным моделям.

Следовательно, семантика словообразовательной модели выводится путем обобщения лексических значений производных слов, образованных тем или иным словообразовательным аффиксом и выражающих определенный круг понятий. Производные слова, созданные в соответствии с данной моделью, по своим лексическим значениям группируются в классы слов, выражающие семантику модели, как, например: «предмет», «орудие производства», «профессия» и т. д.

При подходе к аффиксальному словообразованию, с точки зрения поликомпонентной концепции, одновременно (благодаря другому типовому значению семантики модели) решается и такой важный вопрос, как отнесение неологизма к той или иной части речи. Известно, что продуктивная модель с аффиксом *-lı (-li, -lu, -lü)*, мотивированная именем существительным, образует прилагательные, а продуктивная модель с аффиксом *-im (-im, -um, -üm)*, мотивированная глаголом, образует имена существительные. В эту формулировку можно было бы вставить слово «преимущественно», ибо каждая, даже продуктивная модель образует какое-то количество слов, не относящихся к ее типовому значению; например: *emekli* 'пенсионер' (от *emek* 'труд'), *okullu* 'школьник' (от *okul* 'школа'), *izinli* 'отпускник' (от *izin* 'отпуск', 'разрешение') и др.

Остановимся также на определении значения следующего компонента поликомпонентной структуры аффиксального словообразования.

Вопрос о семантическом ядре производящей основы связан с вопросом формирования значения нового слова, образованного по определенной модели. Как известно, производящая основа неологизмов турецкого языка бывает однозначной, многозначной или же, наконец, близкой по значению к соответствующим словам-синонимам. Нетрудно установить значение неологизма, образованного от основы в принципе однозначной. Например, неологизм *ekin* 'посев' образован от однозначной основы *ek-* 'сеять', или то же самое можно сказать о неологизмах *bölge (mintaka)* 'район' от основы *böl-* 'делить'; *anıt (âbide)* 'памятник' от основы *an-* 'вспоминать'; *ikici (sünaiyeci)* 'дуалист' от основы *iki-* 'два'.

В тех случаях, когда производящей основой прилагательных являются имена существительные или же от именных основ образуются производные со значением профессии, деятеля, выбор семантического ядра производится по семантическому значению неологизма, в котором ярко выражена роль модели как образца создания нового слова. Так, от именной основы *güdüm* в значении «управление» было образовано прилагательное *güdümlü* 'управляемый'.

«В качестве общей тенденции можно отметить, — пишет Э. В. Севортян, — образование производного слова от одного из основных значений исходного слова, что в свою очередь является выражением более общей тенденции к сохранению в словаре основных значений корнеслов данного языка»⁹.

Неологизм может быть образован от многозначной производящей основы, что находит особенно яркое выражение в тех случаях, когда он мотивирован глаголом. Например, модель с аффиксом *-gi/-ki*, мотивированная глаголом, образует имя существительное, обозначающее название процесса: *yangı (iltihap)* 'воспаление'; 'инфекция' (от глагольной основы *yan-* 'гореть, сгорать; страдать, сокрушаться, потерпеть, пострадать'; 'погибнуть' и т. д.); *görgü (tecrübe)* 'опыт, опытность' (от глагольной основы *gör-* 'видеть; замечать; различать; находить, рассматривать, считать' и т. д.); *duygu (his)* 'чувство, ощущение' (от глагольной основы *duy-* 'чувствовать, ощущать; слышать, замечать; узнавать'); *şaşkı (hayret)* 'удивление, изумление' (от глагольной основы *şaş-* 'удивляться, поражаться, смущаться, теряться; сбиваться с пути; ошибаться, заблуждаться; отклониться; промахнуться' и т. д.).

Как видно из приведенных примеров, неологизм, как правило, образуется от одного из значений производящей основы, являющейся семантическим ядром данной модели. В качестве семантического ядра выступает именно то значение производящей основы, которое соответствует характеру и обобщенному значению модели. Например, обобщенное значение модели имени с аффиксом *-ım (-im/-um/-üm)*, мотивированной глаголом, представляет собой название действия: *seçim* 'выборы' (*seç-* 'выбирать; отбирать; выделять, отличать, различать; распознавать, опознавать; замечать'); *üretim* 'производство' (*üret-* 'производить, вырабатывать, изготавливать, добывать богатства недр' и пр.); *gelişim* 'развитие' (*geliş-* 'развиваться, развиться, вырастать' и т. д.). Существительные, образованные моделью имени с аффиксом *-man/-men*, мотивированные глаголом, — *öğretmen, düzeltmen, çevirmen* и т. п., понимаются как название определенной профессии. В данном случае модель, образующая неологизм, указывает на название профессии человека, а семантическое ядро производящей основы уточняет, какую именно ра-

⁹ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, стр. 9.

боту он выполняет. Совершенно очевидно, что значение неологизма не выражается полностью лишь одними особенностями производящей основы. Вопрос определения значения неологизма решается с учетом всех в совокупности структурных и семантических характеристик как производящей основы, так и модели. При этом не следует недооценивать ни роль производящей основы, ни значение модели. Это положение может быть подтверждено следующими примерами: неологизмы — имена, мотивированные глаголом, образованные по разным моделям: *konu* 'тема', *oturum* 'заседание', *verim* 'производительность', *sergi* 'выставка', *görgü* 'опыт', *yüzgeç* 'плавник' при морфологическом анализе членятся на составные части, находящиеся в определенном структурно-семантическом взаимоотношении друг с другом. Однако различия в значении основ неологизмов не мешают им соответствовать одной и той же модели, а морфологический анализ дает возможность установить принадлежность исходной основы к определенной части речи, то есть мотивированное ею слово всегда включает мотивирующую основу и формант¹⁰. Мотивирующей основой неологизмов аффиксального образования может быть имя или глагол. Как уже отмечалось выше, морфемы неологизма — основа и аффикс — взаимосвязаны, однако для выяснения мотивированности неологизма следует учитывать его морфологическую соотношенность: имя существительное, мотивированное глаголом; имя прилагательное, мотивированное глаголом; имя существительное, мотивированное именем и т. д. Например:

а) неологизмы — имена существительные, мотивированные глаголами: *bilgi (malumat)* 'знание', 'сведение' (от глагольной основы *bil-* 'знать', 'предполагать'); *yazar (muharrir)* 'писатель' (от глагольной основы *yaz-* 'писать'); *esin (ilham)* 'вдохновение', 'внушение' (от глагольной основы *es-* 'дуть, веять'); *ağlatı (facia, trajedi)* 'трагедия' (от глагольной основы *ağla-* 'плакать, горевать'); *kanıt (delil)* 'доказательство', 'довод' (от глагольной основы *kan-* 'убедиться');

б) неологизмы — прилагательные, мотивированные глаголом: *dergin (müdevven)* 'собранный', 'систематизированный' (от глагольной основы *der-* 'собирать, отбирать'); *düşünsel (fikri)* 'предполагаемый', 'мыслительный' (от глагольной основы *düşün* 'думать, предполагать, считать'); *çözük* 'решенный', 'развязанный' [от глагольной основы *çöz-* 'разрешать (проблему, вопрос), решить задачу']; *devingen (müteharrik)* 'самоходный', 'движущийся', 'подвижной' (от глагольной основы *devin-* 'двигаться, перемещаться'); *sanal (mevhum)* 'воображаемый', 'мнимый', 'мифический' (от глагольной основы *san-* 'считать, полагать; думать');

в) неологизмы — прилагательные, мотивированные именем существительным: *yangılı (mültehip, iltihaplı)* 'воспаленный' (от именной основы *yangı* 'воспаление'); *özenli (itinalı)* 'старательный', 'внимательный' (от именной основы *özen* 'старание, усердие'); *özdeksel (maddi)* 'материальный', 'вещественный' (от именной основы *özdek* 'материя, вещество, тело'); *inaksal (nassı)* 'догматический' (от именной основы *inak* 'догма'); *gizinsel (tasavvufi)* 'мистический' (от именной основы *gizen* 'тайна, мистика') и др.

Немаловажное значение имеет также вопрос семантики аффикса, обусловленной системностью словообразовательных формантов. «Так, словообразовательные (прежде всего аффиксальные) формы имен объединяются в особую, — утверждает Э. В. Севортян, — богато развитую

¹⁰ См.: «Грамматика современного русского литературного языка», под редакцией Н. Ю. Шведовой. М., 1970, стр. 38.

систему образования имен со своими специфическими аффиксами, отличными от аффиксов глаголообразования, в свою очередь составляющими особую систему глагольного словопроизводства»¹¹.

Следовательно, установление системности в словообразовании позволяет провести строгую дифференциацию сферы применения словообразовательных аффиксов на основе их грамматической потенции в образовании новых слов, то есть конкретного указания отношения того или иного словообразовательного аффикса к одной из частей речи. Наконец, чрезвычайно важно при системном рассмотрении иметь в виду также и то обстоятельство, что аффиксы глагольного словообразования не образуют имена, и наоборот. «Внутри же систем, — как отмечает Э. В. Севортян, — наблюдаются более тесные объединения, в результате чего, например, в именном словообразовании особо выделяется разряд аффиксов, при помощи которых образуются существительные лишь от именных основ, и особо — другой разряд для производства существительных лишь от глагольных основ»¹².

Так, например, модель с аффиксом *-la/-le* является одной из высокопродуктивных моделей образования глагола. В турецком, а также в других тюркских языках по указанной модели образуются глаголы почти от всех частей речи¹³.

Между тем есть и такие модели, при помощи которых образуются глаголы лишь от определенных именных основ. Например, в турецком языке имеются довольно строго дифференцированные модели, образующие различные по значению (с точки зрения переходности и непереходности) глаголы только от именных основ: модель с аффиксом *-a/-e*: *boşatmak* 'развестись' — от именной основы *boş* 'пустой'; *yaşamak* 'жить' — от именной основы *yaş* 'возраст'; модель с аффиксом *-l*: *kısaltmak* 'сокращаться' — от именной основы *kısa* 'короткий'; *taşalmak* 'окаменеть' — от именной основы *taş* 'камень'; модель с аффиксом *-r*: *kararmak* 'чернеть', 'темнеть' — от именной основы *kara* 'черный'; *başarmak* 'завершить', 'кончат' — от именной основы *baş* 'голова'; модель с аффиксом *-ik (-ik, -uk, -ük)*: *acıkmak* 'проголодаться' — от именной основы *aç* 'голодный'; *gecikmek* 'опаздывать' — от именной основы *geç* 'поздний'.

Вместе с тем следует отметить, что в современном турецком языке имеется целая группа моделей, основная функция которых заключается в образовании имен от глагольных основ. В отличие от предыдущих этот разряд моделей гораздо многочисленнее, причем многие из них являются высокопродуктивными и обладают широкими семантическими возможностями образования неологизмов — имен, мотивированных глаголом. Весьма показательными примерами могут служить следующие высокопродуктивные модели с аффиксами: $-g \frac{i}{i} / -g \frac{u}{ü}$, $-k \frac{i}{i} / -k \frac{u}{ü}$;

$\frac{i}{i}$, $\frac{u}{ü}$, $\frac{im}{im}$, $\frac{um}{üm}$, $\frac{it}{it}$, $\frac{ut}{üt}$; $-g \frac{an}{en} / -g \frac{in}{in} / -g \frac{un}{ün}$, $-k \frac{an}{en} / -k \frac{in}{in} / -k \frac{un}{ün}$; $-\frac{in}{in}$, $-\frac{ün}{ün}$;

$-g \frac{a}{e} / -k \frac{a}{e}$; $-t \frac{i}{i} / -t \frac{u}{ü}$; $-g \frac{aç}{eç} / -g \frac{iç}{iç} / -g \frac{uç}{üç}$, $-k \frac{aç}{eç} / -k \frac{iç}{iç} / -k \frac{uç}{üç}$; $-\frac{ar}{er}$ и др.

Как показывает анализ семантики аффикса, обусловленной системностью словообразовательных формантов, существующие в современ-

¹¹ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке, стр. 12.

¹² Там же, стр. 12 и сл.

¹³ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 256.

ном турецком языке словообразовательные формы не обладают универсальностью относительно мотивирующей основы. Иначе говоря, словообразовательные аффиксы неспособны создавать новые слова из любого словесного материала, даже в рамках одной части речи, ибо они не обладают самостоятельностью. Семантика словообразовательного аффикса заключается в избирательном участии аффиксальных морфем в словообразовании, согласно существующим в языке поликомпонентным моделям.

Значение и роль остальных элементов в этом вопросе (звуковой состав производящей основы, звуковой состав словообразовательного форманта), безусловно, не являются само собой разумеющимся в поликомпонентном понимании структуры аффиксального словообразования. Однако в турецком языке, где существует закон сингармонизма, выбор следующего словообразовательного элемента представляет собой в какой-то степени закономерное языковое явление. Таким образом, структура аффиксального словообразования представляется нам как поликомпонентное структурно-семантическое единство.

Подытоживая сказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Словообразовательная модель синтетического типа служит образцом для создания неологизмов путем аффиксации. Под словообразовательной моделью подразумевается структурно-семантическая схема построения нового производного слова.

2. Словообразовательная модель неологизма отражает в обобщенном виде значение производящей основы и словообразовательного аффикса. Она характеризует взаимоотношения основы и аффикса, роль которых в формировании значения производного слова является решающей.

3. Семантика словообразовательной модели складывается из определенных компонентов. Путем обобщения лексических значений производных слов выделяется входящая в значение модели обобщенная семантика неологизмов, например: «орудие производства», «профессия» и т. д. Это первое значение модели. Путем обобщения лексических значений производных слов обнаруживается грамматическая характеристика, которая является вторым типовым значением модели — «предмет», «действие», «признак» и т. п. Таким образом, образование нового слова по известной модели происходит не только по структуре, но и по семантике, то есть по структурно-семантическому образцу.

М. МУРАТАЛИЕВ

СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ И СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Определяя сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, исследователи тюркских языков обычно прежде всего учитывают особенности компонентов сложного предложения, характеризующихся законченностью или, напротив, незаконченностью мысли, выраженной сказуемым. Исходя из этого, к сложносочиненным относят предложения, состоящие из нескольких простых предложений, связанных между собой сочинительными и подчинительными союзами или бессоюзно-интонационно¹. При этом сказуемые компонентов сложносочиненного предложения, по мнению этих ученых, выражают законченную мысль, и поэтому компоненты такого предложения не зависят друг от друга и их можно расчленить на отдельные самостоятельные предложения². Например: *Оның толкыганын Эмир байкаган жок, өйткени ол аң-таң болып барлык назарын Эбдирахманның туруниң жан тамамастай өзгерип кеткенине аударды*³ 'Его волнения Эмир не заметил, потому что его внимание было обращено на неузнаваемый внешний вид Абдирахмана'.

Если же сказуемое первого компонента сложного предложения является причастием или деепричастием, либо оканчивается на аффикс условного наклонения *-sa*, а также, если при сказуемом придаточного предложения имеются послелоги, то такие предложения относятся к сложноподчиненным. При этом сказуемое одного из компонентов сложного предложения выражает незаконченную мысль, что делает компоненты зависимыми друг от друга и поэтому нерасчленимыми на отдельные самостоятельные предложения⁴.

Аналогичную мысль высказывает и К. К. Сартбаев, который считает, что при определении сложноподчиненных предложений главным является грамматическая форма сказуемого компонента сложного предложения⁵. При этом сказуемое первого компонента сложноподчиненного предложения, по его мнению, должно выражать незаконченную мысль, что и ставит первый компонент в зависимое положение от второго⁶. Этой точки зрения придерживается и А. Турсунов⁷.

¹ См.: «Қазирги қазақ тілі». Алматы, 1954, стр. 527; М. Балақаев, Т. К. Қордобаев. Қазирги қазақ тілі. Синтаксис. Алматы, 1971, стр. 230—231.

² М. Балақаев, Т. К. Қордобаев. Указ. раб., стр. 230—231.

³ Там же, стр. 236.

⁴ Там же, стр. 259—260.

⁵ К. К. Сартбаев. Кыргыз тилинин кошмо суйлөмунун синтаксиси. Фрунзе, 1957, стр. 21—22.

⁶ Там же, стр. 21, 51, 52.

⁷ Э. Абдылдаев, А. Турсунов. Кыргыз тили, 9—10 класстар учун окуу кнштеби. Фрунзе, 1973, стр. 138 и 148.

В. А. Богородицким дается следующее определение сложного предложения: «... во всяком сложном предложении его части составляют одно связанное целое, так что, будучи взяты отдельно, уже не могут иметь вполне прежнего смысла или даже совсем невозможны, подобно тому как морфологические части слова существуют только в самом слове, но не отдельно от него; таким образом, ни та, ни другая часть сложного предложения, строго говоря, не являются самостоятельными, но лишь совместно образуют одно целое»⁸.

Синтаксические связи между компонентами сложных предложений бывают двух видов. Первый из них заключается в связи равноправных в смысловом и грамматическом отношениях, независимых друг от друга компонентов сложного предложения. Второй — в связи неравноправных компонентов сложного предложения, которые, по определению В. А. Богородицкого, состоят из главного и зависимого — придаточного предложения⁹. Следовательно, равноправные компоненты сложного предложения образуют сложносочиненное, а неравноправные — сложноподчиненное предложения. Поэтому основными признаками, различающими сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, некоторые ученые считают особенности смысловой и грамматической связи их компонентов¹⁰.

Сказуемые компонентов сложносочиненных предложений в киргизском языке могут выражать законченную или незаконченную мысль, причем эти компоненты в семантическом отношении являются равноправными. Следовательно, выявить в составе такого предложения главный или придаточный компонент невозможно: *Четин гүлдөп, тал бүрдөдү* (Т. Сыдыкбеков) 'Расцвела рябина, (и) ива распустила почки'. *Бир даары огородунда жүрсө, бир даары өз үйүндө эс алууда* (Ж. Таштемиров) 'Одни работают на огороде, другие отдыхают дома'. *Алар андан ары бири бирине кеп салбай, ар кимиси өз кыялы менен алп урушуп жүрүп олтурушту* (К. Каимов) 'Они больше друг с другом не разговаривали, (а) каждый из них раздумывал о своих делах'. *Өлөр үй өлбөй, өлбөс үй өлдү* 'Умерла не та корова, которая должна была умереть, (а) та, которая должна была жить'. *Айдар көпчүлүк үчүн кам көрсө, Таштан өз оокаты үчүн кам көрүүдө* 'Айдар заботится об обществе, (а) Таштан заботится о себе'. *Жакада чеп чабылып бүтүн, аштык эгиндер да жыйналган* (К. Каимов) 'В предгорьях трава была скошена, (и) хлеба были убраны'.

Компоненты сложносочиненного предложения в киргизском языке, как и в других тюркских языках, соединяются либо без союзов (сочинительной интонацией), либо при помощи сочинительных союзов (соединительных: *агу, жапа, жапа да, да*; противительных: *а, ал еми, бирок, антсе да* и др.; разделительных: *желпне, же болбосо, жакы* и др.)¹¹.

Бессоюзная связь компонентов сложносочиненного предложения осуществляется при помощи сказуемых, выраженных причастной, деепричастной или какой-либо иной отглагольной формой:

⁸ В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М., 1935, стр. 229.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 406, 408, 412; М. Ш. Ширалиев. Проблема сложноподчиненного предложения. — В сб.: «Вопросы грамматики тюркских языков». Алма-Ата, 1959, стр. 83—88; Н. А. Баскаков. (Выступления). — Там же, стр. 107—108, 235; У. Б. Алиев. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972, стр. 262; Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 335—365.

¹¹ О классификации союзов в киргизском языке см.: М. Мураталиев. Азыркы кыргыз тилиндеги байламатлар. Фрунзе, 1959.

Саат чакылдан жылып, убакыт өтүп жатты (К. Жантешев) 'Звонят часы, время уходит'. *Күн кечтеди, үй болсо алыс* (К. Баялинов) 'Вечерест, а дорога далека'.

Первый компонент первого сложносочиненного предложения, сказуемое которого имеет деспричастную форму на *-ып*, семантически равноправен со вторым.

Характер взаимоотношений компонентов сложносочиненных предложений киргизского языка, как и ряда других тюркских языков, служит выражению одновременности, последовательности, причинности, противопоставлению и так далее действий, событий и т. п. Приведем некоторые примеры.

Одновременность явлений, событий: *Чагылган чагылып, жаан төгүп, турат* (К. Жантешев) 'Молния сверкает, идет проливной дождь'.

Последовательность действий: *Түн кирди, сансыз жылдыздар көрүнө баштады* (К. Жантешев) 'Наступила ночь, появились бесчисленные звезды'.

Причинность действий: *Жерсиз элдин күнү жок, элсиз жердин түрү жок* (поговорка) 'Без земли нет жизни (не могут жить люди), без людей не было бы красоты земли'.

Противопоставление действий: *Көп жашаган билбейт, а көптү көргөн билет* (поговорка) 'Знает не тот, кто долго жил, а тот, кто много видел'.

Определение критериев отличия сложноподчиненного предложения от сложносочиненного является одной из наиболее спорных проблем. Так, некоторые тюркологи признаком сложноподчиненного предложения, как уже отмечалось, считают форму сказуемого одного из компонентов, выражающего незаконченную мысль¹², относя такие слова, как *öjtkeni*, *опуң үшүп*, *šопуң үшүп*, *šol seberli* и т. п., к подчиняющим союзам. Те же сложные предложения, компоненты которых хотя и связаны такими союзами, но выражают законченную мысль, относятся ими к сложносочиненным¹³.

По мнению других тюркологов, при определении сложноподчиненного предложения необходимо исходить из смысловой и грамматической зависимости придаточного предложения от главного. Н. К. Дмитриев считал, что придаточное предложение характеризуется двумя основными признаками: относительной самостоятельностью мысли и наличием сказуемого, выраженного личной формой¹⁴.

Этой же точки зрения придерживаются и другие исследователи тюркских языков, признающие, что основной формой связи придаточного предложения с главным является форма, реализуемая посредством подчинительных союзов, союзных слов¹⁵ или бессоюзной связи¹⁶.

По мнению А. Н. Баскакова, придаточные предложения любого типа могут присоединяться к главному бессоюзным способом¹⁷.

¹² М. Балақаев, Т. К. Қордобаев. Указ. раб., стр. 259.

¹³ Т. К. Қордобаев. Тарихи синтаксис мәселелері. Алматы, 1964, стр. 168—169; М. Балақаев, Т. К. Қордобаев. Указ. раб., стр. 236.

¹⁴ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 245.

¹⁵ М. Ш. Ширалиев. Указ. раб., стр. 84; Н. А. Баскаков. (Выступления). — В сб.: «Вопросы грамматики тюркских языков», стр. 235.

¹⁶ Н. З. Гаджиева. Критерии выделения придаточных предложений в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы грамматики тюркских языков», стр. 107; Т. И. Байтугаева. (Выступления). — Там же, стр. 183.

¹⁷ А. Н. Баскаков. Некоторые спорные вопросы синтаксиса бессоюзных сложноподчиненных предложений в турецком языке. — «Советская тюркология», 1972, № 3, стр. 76.

При определении сложноподчиненных предложений, на наш взгляд, необходимо также учитывать семантику составляющих компонентов и связывающие последние грамматические средства, ибо компоненты, связанные подчинительной интонацией, то есть с помощью союзных пауз¹⁸, являющихся основным признаком интонационной связи¹⁹, во-первых, выражают в отдельности либо законченную, либо незаконченную мысль, и, во-вторых, по семантике и грамматической форме можно судить об их равноправности или же, наоборот, неравноправности. Таким образом, становится возможным выделение из них главного и придаточного предложений.

Известно, что главное предложение выражает результат действия, и в нем можно предположить наличие вопроса, обращенного к придаточному; придаточное же предложение, отвечая на этот вопрос, в то же время указывает на обстоятельства (причину, время, условие, место, следствие и др.), при которых совершается действие главного предложения. Придаточные предложения поясняют один или группу членов главного предложения²⁰, либо главное предложение в целом²¹. Если придаточное предложение отвечает на вопрос о причине действия, явления и т. п., выражаемого главным предложением, то оно является придаточным предложением причины; если же на вопрос, уточняющий время действия и т. п., то придаточным предложением времени и т. д. Например: *Чогулуш болбой калды (эмне үчүн?), анткени докладчы ооруп калыптыр* 'Собрание не состоялось (почему?), потому что докладчик болен'. *Чогулуш бүткөндөн кийин, концерт башталат (качан?)* 'Когда кончится собрание, начнется концерт (когда?)'.

Вышеизложенное указывает на то, что придаточные предложения в киргизском языке характеризуются следующими признаками: во-первых, будучи одним из компонентов сложноподчиненного предложения, они имеют свои главные члены, отсутствующее подлежащее (что возможно) всегда подразумевается благодаря соответствующему личному аффиксу сказуемого; во-вторых, сказуемые придаточного предложения выражаются личной или неличной формой глагола, ибо в киргизском языке и безличное предложение выполняет функцию придаточного предложения: *Бизге сапар тартууга жакын калган үчүн, жолдошторубуз узатып чыгышты* (М. Жангазиев) 'Так как нам пора было отправиться в дорогу, товарищи проводили нас'; в-третьих, связь придаточных предложений с главным осуществляется либо бессоюзно, либо при помощи подчинительных союзов (*antkeni, sebebi, oşonduktan, oşon üçün, oşol sebeptuu, nege deseñ, эмне үчүн deseñ, eger, egerde* и др.) или послелогов (*kijin, soñ, şejin, deñge* и др.), выражающих незаконченную или законченную мысль.

К бессоюзным сложноподчиненным предложениям относятся конструкции, в которых сказуемые придаточных предложений принимают аффиксы причастной, деепричастной или какой-либо личной или неличной отглагольной формы: *Биз белге чыга бергенде, жаан төгө баштады* (Н. Байтемиров) 'Когда мы добрались до вершины, начал идти проливной дождь'. *Тартип кайда болсо, жеңиш ошол жерде* (поговорка) 'Где дисциплина, там и успех'. *Зоолору күмүш кымкап кийгенсип, Алай тоолору асман мелжийт* (К. Жантешев) 'Скалы Алтайских гор,

¹⁸ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 407.

¹⁹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6-е. М., 1938, стр. 419.

²⁰ М. Ш. Ширалиев. Указ. раб., стр. 84.

²¹ В этой статье речь идет об обстоятельственных придаточных предложениях.

словно одеты в серебряные халаты (досл.: Скалы, словно одеты в серебряные халаты, Алайские горы упираются в небо)'.²²

*Каалабайбыз согушту,
Душман колун сунбаса
(А. Токомбаев)*

'Мы не желаем войны,
Если враг сам не нападет на нас'.

Бардык кеспитен мугалимдик кесип жооптуу, анткени мугалим эртеңки замандын кишилерин тарбиялашат (Т. Сыдыкбеков) 'Всех профессий ответственной профессия учителя, так как учитель воспитывает человека будущего'. *Бурма ыйлаган болуу керек: узун кирпичтери ымдалышып турат* (А. Токомбаев) 'Бурма, наверное, плакала: ее длинные ресницы влажны'.

Что касается причастных и деепричастных оборотов, то мы согласны с теми тюркологами, которые считают, что эти конструкции не отвечают требованиям, предъявляемым к придаточным предложениям²².

Несколько слов о причастных оборотах.

В киргизском языке причастные обороты на -ган, -аг и так далее рассматриваются нами как особый тип словосочетания, а не как предложения, ибо, во-первых, причастные обороты при наличии определяемых слов отвечают на вопрос «который?» и выполняют функции определений: *Асан айткан* (который?) *сөз ар кимге жакты*; во-вторых, при выпадении определяемого слова причастный оборот принимает грамматическую форму последнего (окончание) и выполняет его функцию. Сравним: *Асан айткан сөзгө сен капа болбо* 'Ты не имей обиду на слова Асана'. *Асан айтканга сен капа болбо* 'Ты не имей обиду на сказанное Асаном'. Наконец, в-третьих, при выпадении определяемого слова причастные обороты, как и другие второстепенные члены предложения, склоняются по падежам и, следовательно, расширяют свои функции члена предложения.

Им. *Асан айткан* (подлежащее) *ар кимге жакты* 'То, что сказано Асаном, понравилось всем'.

Род. *Асан айткандын* (определение) *жүйөөсү бар* 'В сказанном слове Асана есть доля правды'.

Дат. *Асан айтканга* (дополнение) *сен капа болбо* 'Ты не имей обиду на сказанное Асаном'.

Вин. *Асан айтканды* (дополнение) *эсиңден чыгарбы* 'Ты запомни сказанное Асаном'.

Мест. *Асан айтканда* (дополнение) *терең маани бар* 'Высказанное Асаном содержит глубокое значение'.

Исх. *Асан айткандан* (дополнение) *үлгү ал* 'Бери пример с высказанного Асаном'.

Что касается конструкций, содержащих форму -ganda, -gandan, kijin, то они, несомненно, относятся к придаточным предложениям, так как вполне отвечают требованиям, предъявляемым к таким предложениям.

Существует мнение, что без интонации нет и предложения²³. Нам же кажется, что не следует придерживаться подобной точки зрения при

²² См.: М. Ш. Ширалиев. Указ. раб.; Н. А. Баскаков. (Выступление). — В сб.: «Вопросы грамматики тюркских языков», стр. 233, 235; И. А. Батминов. Части речи в киргизском языке. — «Вопросы языкознания», 1955, № 2, стр. 76.

²³ К. К. Сартбаев. (Выступление). — В сб.: «Вопросы грамматики тюркских языков», стр. 228.

определении признаков придаточного предложения в киргизском языке. Когда состав компонентов сложного предложения сужается настолько, что в них остаются только одни сказуемые, принимающие личные окончания, подчинительная интонационная связь между ними почти утрачивается. Если же компоненты сложного предложения расширяют свой состав, то интонационная связь между ними становится более заметной. Например: 1) *Айтсам укпадың* (здесь между компонентами отсутствует интонационная связь) 'Когда (я) говорил, (ты) не слышал'. 2) *Мен кечээ сага айтсам, сен укпай басып кеттиң* (здесь интонация заметна). 'Когда я вчера говорил тебе, ты не стал слушать меня'.

Таким образом, основные различия между сложносочиненным и сложноподчиненным предложениями сводятся к следующему: во-первых, к наличию соответственно равноправности и неравноправности их компонентов в семантическом отношении; во-вторых, в сложносочиненном предложении главное и придаточное предложения не отличимы; в-третьих, порядок расположения компонентов в сложносочиненном предложении устойчив, в сложноподчиненном он изменчив, ибо придаточное предложение может стоять и впереди, и в середине, и после главного предложения, причем сказуемые компонентов сложносочиненного и сложноподчиненного предложений выражают законченную или незаконченную мысль; в-четвертых, компоненты сложносочиненного предложения могут соединяться при помощи сочинительных союзов и бессоюзным способом (сочинительной интонацией), а компоненты сложноподчиненного предложения — при помощи подчинительных союзов, послелогов и бессоюзным способом (подчинительной интонацией).

Х. М. ЕСЕНОВ

ПРИЧАСТНЫЙ ОБОРОТ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

(В СРАВНЕНИИ С ТЕМ ЖЕ ОБОРОТОМ В НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ)

Проблема сложноподчиненного предложения в тюркских языках тесно связана с характером и природой синтаксических оборотов. Именно поэтому в некоторых тюркских языках, в том числе в казахском, предложения с синтаксическими оборотами ошибочно относят к сложноподчиненным предложениям. Объясняется это недостаточной разработанностью проблемы синтаксических оборотов.

Синтаксические обороты составляют компонент соответствующих осложненных предложений, которые до настоящего времени не были предметом специального изучения в тюркологии. Как особый конструктивный тип осложненное предложение было отмечено Г. А. Абдурахмановым¹.

Как известно, предложения с синтаксическими оборотами образуются при помощи деепричастий, причастий, условной формы и имен действия, выступающих в качестве замыкающе-стержневых слов зависимого компонента (оборота) по отношению к основному компоненту (предложению). В соответствии с этим синтаксические обороты бывают обычно представлены деепричастными, причастными, условными и приименными конструкциями. В настоящей статье нами рассматривается структура причастного оборота (далее — ПО) преимущественно на материале казахского языка.

Эволюция той или иной синтаксической категории органически связана с общим ходом развития конкретного языка, ибо процесс становления литературной нормы всегда способствует совершенствованию грамматических конструкций данного языка. Расширение сферы употребления причастных и других оборотов также обусловлено развитием литературных языков. В этой связи С. К. Кенесбаев пишет: «Казахский литературный язык советской эпохи давал богатейший материал для исследования сложной синтаксической конструкции: появились новые типы синтаксических оборотов, не говоря уже о расширении функций членов предложения»². Новые типы синтаксических оборотов пока еще изучаются недостаточно. Некоторое исключение составляют лишь азербайджанские языковеды³. Обычно в научных работах данная конструкция рассматри-

¹ Г. А. Абдурахманов. *Ўзбек тилида мураккап гаплар масаласига доир*. — «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари». Тошкент, 1962, № 3; *его же*. Изучение синтаксиса тюркских языков. — «Советская тюркология», 1970, № 1, стр. 44—45.

² С. К. Кенесбаев. Основные вехи изучения языка казахского народа. — В сб.: «Октябрь и наука Казахстана». Алма-Ата, 1967, стр. 531.

³ Ю. М. Сеидов. Деепричастные обороты в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1955; А. С. Абилов. Причастные обороты в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1962; см. также: Г. Абдурахманов. *Ажратилган иккинчи даражали бўлақлар*. Тошкент, 1955; К. Эхмэр. *Башкорт телендә ябай һейләм синтаксисе*. Өфө, 1957; А. Турсунов. Деепричастие в современном киргизском языке. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1958; Ю. Д. Жанмавов. Деепричастие в кумыкском литературном языке. М., 1967.

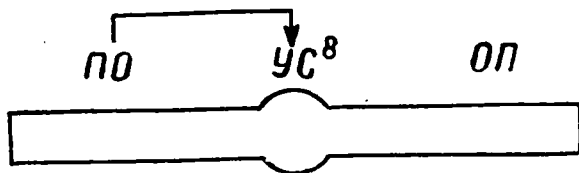
вадается лишь с точки зрения функций и значений причастий и деепричастий, тогда как синтаксические обороты должны изучаться как самостоятельная категория в каждом тюркском языке. Только в этом случае могут быть раскрыты специфические особенности структуры и их грамматическая природа. Совершенно прав М. Ш. Ширалиев, когда пишет: «До сих пор еще не созданы крупные монографические исследования, посвященные причастным и деепричастным оборотам, раскрывающие их логическую и грамматическую природу, отличие от определительных словосочетаний и предложений»⁴.

Причастие по самой своей природе тяготеет и к имени, и к глаголу. Поэтому функция причастия дифференцируется в зависимости от характера его употребления, сочетаемости с другими словами и, наконец, свойств предикации в предложении. Причастие в предложении выступает в функции различных его членов: в простом предложении — в атрибутивной и глагольной функции, в осложненном — участником организации оборотов и в сложном — в функции сказуемого придаточного предложения⁵. Н. А. Баскаков считает причастия атрибутивно-определительными формами глагола, имея при этом, по-видимому, в виду их многообразные функции в предложении⁶. Тюркское причастие вообще должно рассматриваться как атрибутивно-предикативное, ибо в нем совмещаются как атрибутивные, так и предикативные функции.

Причастие, как и другие формы глагола, выступает в роли организующего центра оборота, замыкая его. Вместе с относящимися к нему словами оно определяет содержание основного предложения (далее — ОП⁷). Здесь следует учитывать, что обороты, образованные при помощи причастия, имеют различный характер. Так, например, в некоторых случаях ПО находится в тесной связи со структурой ОП и зависит от субъ-ектных или объектных членов последнего.

Рассмотрим структуру следующего предложения: **Баласы жақсы оқыған Асан** *нiң бiзгiн көңiлдi отыр* 'Асан, сын которого хорошо учится, сегодня в прекрасном настроении'. Как видно из данного примера, ПО (**баласы жақсы оқыған**) произношением не выделяется и, следовательно, не обособляется. Обособление его возможно лишь совместно с определяемым словом **Асан**. Это обуславливается атрибутивной функцией ПО по отношению к определяемому слову, что можно представить в виде следующей схемы:

Схема 1

Такой вид ПО, названный нами **смыкающим причастным оборотом**, при переводе с казахского на русский язык в большинстве случа-

⁴ М. Ш. Ширалиев. Заметки о сложноподчиненном бессоюзном предложении. — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 13.

⁵ Х. М. Есенов. Основные средства связи компонентов сложноподчиненных предложений. — «Советская тюркология», 1972, № 4, стр. 49.

⁶ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II. Фонетика и морфология, ч. I. М., 1952, стр. 423.

⁷ Под ОП здесь понимается замыкающее, ведущее предикативное предложение, определяющееся причастным оборотом.

⁸ УС — управляемое слово ОП

ев выступает в структуре сложноподчиненного предложения. Исследователи, считающие данный вид ПО придаточным предложением, опираются в основном на этот аргумент. Несомненно, прав Н. А. Баскаков, отмечающий: «Можно сослаться, например, на характерное для исследователей современной традиционной грамматики многих тюркских языков смещение причастного оборота и придаточного предложения вследствие того, что придаточному предложению в русском языке в структуре тюркских языков чаще по смыслу соответствует конструкция причастного оборота, синхроничная придаточному предложению»⁹.

Существует и другой вид ПО, который вместе с относящимися к нему словами обособляется от ОП и на письме выделяется запятыми. Обособленность причастного оборота, выделяемого запятыми, придает ему некоторую смысловую самостоятельность, сближает его с придаточным предложением. Отнесение некоторыми исследователями ПО к сложноподчиненному предложению объясняется большей частью именно этим внешним сходством данных категорий.

Рассмотрим структуру подобного предложения: *Дауғара баяғы қашып кеткенінде, орысқа барып жалданады екен ғой* (Б. Майлин) 'Бывавший когда-то Даугара, оказывается, служил у русских'.

Здесь ПО (*Дауғара баяғы қашып кеткенінде*) обособлен и не вклинивается в структуру ОП. Такой оборот мы назовем **примыкающим** причастным оборотом, так как обособление здесь происходит не путем смыкания с управляемым словом, а через примыкание, то есть находясь в свободном отношении с ОП. Таким образом, в примыкающем обороте связь с ОП будет менее тесной, нежели в смыкающемся.

Связь примыкающего ПО с ОП можно представить следующим образом:

Ниже мы подробнее рассмотрим примыкающий ПО.

Из вышесказанного следует, что ПО — это не придаточное предложение, а детерминативная часть ОП. Детерминативное причастие не выполняет функций сказуемого, а выступает в составе оборота в адвербиальном (обстоятельственном) значении по отношению к своему ОП. Утрата ПО предикативных свойств объясняется тем, что оборот и ОП имеют одно и то же действующее лицо. Таким образом, образование предложений с ПО происходит путем концентрации компонентов вокруг одного грамматического подлежащего.

В казахском языке наиболее продуктивным способом образования ПО является употребление формы на *-ған*, поэтому говоря о данном обороте, мы в основном подразумеваем причастия с этим показателем. При образовании примыкающего оборота такое причастие употребляется в формах пространственных падежей или в сочетании со служебными словами. Рассмотрим каждый из этих двух вариантов ПО в отдельности.

ПО + падежные аффиксы. Исходная форма причастия на *-ған* никогда не образует примыкающего ПО. При образовании ПО к причастию прибавляются аффиксы пространственных падежей, то есть формы мест-

⁹ Н. А. Баскаков. К проблеме историко-типологического изучения грамматики тюркских языков. — «Вопросы языкознания», 1969, № 4, стр. 57.

ного (-ған+да), исходного (-ған+нан) и совместного (-ған+мен) падежей. В казахском литературном языке, так же как и в других тюркских языках, чаще всего употребляется ПО на -ғанда, выражающий время и условия совершения действия ОП.

Парадигматика ПО на -ғанға, выражающего значение времени, по своему составу бывает простой и сложной. Грамматическое подлежащее в ней не имеет постоянного места: оно может находиться как в составе оборота, так и в составе ОП, что определяется стилистическими требованиями — при употреблении подлежащего в составе оборота внимание акцентируется на нем. Если организующее (причастное) слово употребляется в прошедшем времени, то глагольное сказуемое ОП в большинстве случаев также выступает в форме прошедшего времени. Обратимся к примерам: **Жиылысты басқарушыларға үлестіргенде, біреуін Раушанға да берді** (Б. Майлин)¹⁰ 'При избрании рабочего президиума была предложена и кандидатура Раушана'.

Хакас.: **Узупчатханда, мин хомай түсті түзедім** 'Когда я спал, я видел плохой сон'¹¹.

Башк.: **Мәктәпкә килгәндә, Салих рус телен башка иптәштәренә караганда ла насарырак белә ине** (С. Агиш) 'При поступлении в школу Салих знал русский язык даже хуже своих товарищей'¹².

Ккалп.: **Ол дуканшы болып жұмысқа келгенде, 20 жасында ғана еди** (Г. Төреева)¹³ 'Когда он приступил к работе продавца, ему было всего 20 лет'.

ПО встречается и в языке древнетюркских письменных памятников: **Јаңру контугда кісрә аның біліг анта өјүр арміс** '(Те же) поселясь вплотную, затем усваивали себе там дурное мудрование'¹⁴.

Иногда в ПО после причастного слова употребляются частицы -ак, -ғана, усиливающие временное значение ОП:

Оны көргенде-ак, істің жайын бірден аңғардым 'Как только увидел его, я сразу понял, в чем дело'.

В этом же предложении можно употребить и частицу *ғана*:

Оны көргенде ғана, істің жайын бірден аңғардым 'Как только увидел его, я сразу понял, в чем дело'.

Узб.: **Акам уни бир кўрганда ёк, жинни бўлади қолади** (Х. Хакимзода) 'Как только мой брат [хоть] раз увидит ее, он [в тот же миг] сойдет с ума'¹⁵.

Кумыкск.: **Гелгендокъ этерсен** 'Сделаешь, как только придешь?'¹⁶

О причастии, после которого употребляется частица -ақ, Ю. Д. Джанмавов пишет следующее: «Форма местного падежа глагольных имен на

¹⁰ Примеры, взятые из казахского языка, не оговариваются.

¹¹ А. И. Инкижекова-Грекул. Причастия в хакасском языке. — В сб.: «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию». М., 1953, стр. 121.

¹² К. З. Ахмеров. Обстоятельственные обороты в грамматической системе башкирского языка. — В сб.: «Вопросы башкирской филологии». М., 1953, стр. 27.

¹³ М. Дайлетов. Ҳазирги заман қарақалпақ тилинде кеңейтилген пысықлауыш. — «Вестник каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР». Нукус, 1966, № 1, стр. 77. Зависимую конструкцию автор рассматривает как развернутое обстоятельство. Следует иметь в виду, что некоторые примеры, взятые нами из тюркологической литературы, не характеризуются авторами, как предложения с ПО. Исходя из структурных особенностей этих конструкций, мы сами квалифицируем их как предложения с ПО.

¹⁴ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М., 1951, стр. 28.

¹⁵ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 378.

¹⁶ Ю. Д. Джанмавов. Указ. раб., стр. 21.

-ған, -ген, после которой следует формант -окъ, семантически и морфологически изолировалась и перешла в разряд деепричастий»¹⁷.

На наш взгляд, присоединение частицы -ақ к причастному слову придает ему лишь стилистическую окраску, но не превращает его в деепричастное слово.

ПО, содержащий причастия на -ғанда, может употребляться в значении у с л о в и я; при этом причастное слово в большинстве случаев имеет отрицательную форму. Здесь значение условия действия иногда переплетается с временными оттенками.

Рабиғаны күйеуіне бергізбегенде, мен өзім алу үшін бергізбей отырған болдым (Б. Майлин) 'Получилось так, будто я потому разрешил Рабиге выйти замуж, что сам хотел взять ее в жены'.

Қалп.: **Мен де оқыға кеткенде, сизлер менин бирге питкерип келер едим** (Ж. Аймурзаев)¹⁸ 'Если бы я тоже отправился учиться, то вернулся бы вместе с вами, закончив обучение'.

Узб.: **Эртароқ келганимда, уни учратар эканман**¹⁹ 'Пришел бы пораньше, встретил бы его.'

ПО на -ғаннан, -ғандыктан выражает значение причины по отношению к ОП. В этом случае сказуемое ОП представляется главным образом формами прошедшего времени, например:

Сіздің кәріңізден қорыққаннан .., өзім келіп тұрмын (Б. Майлин) 'Испугавшись вашего нрава, я пришел сам'. **Көп жыл ағаш арасында өскендіктен, жер бетінің ой-шұңқырына да зирек еді** (Ғ. Мүсірепов) 'Так как он вырос среди лесов, то знает каждую тропинку'.

ПО на -ғанмен передает значение у с т у п к и. В этом случае ПО по своему адвербиальному характеру противопоставляется содержанию ОП. Однако, независимо от утверждения или отрицания сообщаемого, высказываемое претворяется в жизнь. В соответствии с этим причастия и сказуемые ОП оформляются различно: в одних случаях стержневое слово ПО и сказуемое ОП выражаются отрицательной формой, а в других — причастное слово имеет отрицательную, а сказуемое ОП положительную форму, или наоборот.

Приведем несколько примеров:

Ол мәселенің дұрысын айтпағанмен де, өзінікінен кайтпады 'Хотя он и не говорил правду о сущности дела, однако не отступил от своего'. **Кетпенде Дәулетке жете алмағанмен, Айбарша да көпшіліктің көзін сүйсіндіретіндей рекордтар берді** (С. Мұқанов) 'Хотя Айбарша и не догнала Даулета, но она установила рекорды, вызвавшие восхищение у многих'. **Совет тұсында сауданы қойғанымен, ақша табуды қоймады мырза** (Ғ. Мұстафин) 'Хотя этот господин и бросил в советское время спекуляцию, однако он продолжал наживать деньги'.

Қалп.: **Ол темир болған менен арзанға түсіп тұрған жоқ** (Ә. Хожаниязов)²⁰ 'Хотя оно и железное, досталось нам недешево'.

Узб.: **Сен хатни алганинг билан жавоб бермадинг** 'Хоть ты и получил письмо, [но] не ответил'²¹.

Итак, ПО с падежными аффиксами выражает в предложении значения времени, условия, причины и уступки.

ПО+служебные слова. Примыкающий ПО может быть образован сочетанием причастия с управляющими союзами или союзными словами. Таким образом, служебные слова, как и падежные аффиксы, также явля-

¹⁷ Ю. Д. Джанмавов. Указ. раб., стр. 21.

¹⁸ Д. С. Насыров. Қарақалпақ тилинде келбетлик феил. Нөкис, 1964, стр. 86.

¹⁹ «Хозирги ўзбек адабий тили, II. Синтаксис». Тошкент, 1966, стр. 239.

²⁰ М. Дайлетов. Указ. раб., стр. 82.

²¹ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 363.

ются средством образования ПО. Служебные слова управляют причастиями в первоначальной форме и в форме исходного падежа. Для образования ПО чаще всего употребляются союзы *соң, кезде* (в первоначальной форме) и *кейін, бері* (в форме исходного падежа).

ПО на *-ған соң*. Данный тип ПО в зависимости от характера употребления в предложениях передает различные значения, чаще всего значение причины. В этом случае сказуемое ОП обычно представляется формами прошедшего или настояще-прошедшего времени. Причастие ПО иногда употребляется в отрицательной форме, что усиливает значение причины, выражаемой ПО:

Шұжықтан көбірек жеген соң, Байсеит көңілденіп алды (С. Сейфуллин) 'Наевшись шужуку, Байсеит развеселился'. **Қатты желге қарап жүре алмаған соң, Мюльгаузен көбіне бір қырындап келеді** (Ә. Нұрпейісов) 'Затрудняясь идти против сильного ветра, Мюльгаузен пробирался большей частью боком'.

В языке художественных произведений, издававшихся в дореволюционный период, вместо формы *-ған соң*, иногда встречается в том же значении форма *-ған үшін*. При этом ПО может употребляться и в позиции к ОП:

Патша сол қожаны алып келмегені үшін, бұларды және дарға асуға бұйырады... (Қазақ ертегілері) 'Так как этого хозяина не привели, царь приказал их всех повесить'. **Бәрінен де қоймаған Қодар құлға тиюді Баян сұлу жек көретін еді, әрі жүріп-тұрып қоймастан өзін аламын деп ұмтылғаны үшін** (Әдеби мұра) 'Больше всех Баян-слу ненавидела пристававшего к ней раба Кодара, не только не оставившего ее в покое, но стремившегося жениться на ней'.

ПО на *-ған соң* может выражать и значение времени:

Мақпалдың сырқатын естіген соң, Сыр бойынан әке-шешесі келді (С. Мұқанов) 'Узнав о болезни Мақпал, с берегов Сыр-Дарьи приехали ее родители'.

Иногда в том же значении употребляется ПО на *-ғаннан соң*:

Жақып қалыңдығының барлық сөзін естігеннен соң, ойға түскендей болып үндемей отырып қалды (М. Әуезов) 'Услышав все слова своей нареченной, Жакып некоторое время сидел молча, словно задумавшись'.

Такой тип ПО встречается и в других тюркских языках.

Узб.: *Бирнеча минут сўзлашгандан сўнг Йўлчи сўрады...* (Ойбек) 'Юльчи, после того как они поговорили несколько минут, спросил...' ²²

Ққалп.: *Сұйды себелеп болғаннан соң шертектің астын шанғытпай ғана сыпырап шықты* (Т. Ножимов) ²³ 'Побрызгав водой, он подмел под навесом'.

Встречаются, хотя и редко, случаи, когда ПО на *-ған соң* выражает значение условия:

Өзім Нияз болған соң, қорлыққа неғып шыдайын (Н. Байғанин) 'Если я Нияз, то могу ли я терпеть оскорбление'.

ПО на *-ған кезде*. Образованный таким образом ПО употребляется только в значении времени. Это объясняется тем, что смысл самого служебного слова *кезде* тесно связан с понятием времени:

Абай өзінің інісін көп көріспей жүріп кеп қараған кезде, жаңа Әйгерімше ұдайы таңданып барып танитын (М. Әуезов) 'Абай..

²² А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 378.

²³ Д. С. Насыров. Указ. раб., стр. 81.

встречаясь со своим братом после долгой разлуки, всегда с удивлением взирал на то, как стал теперь выглядеть Айгерим'.

Значение времени может передаваться также ПО в форме *-ған шағында, -ған жерде, -ған сайын*:

Сонымен көктем күнінің түске жақындаған шағында, екі қабат үйдің барлық астыңғы, үстіңгі бөлмелерінен калың жұрт ақтарылып шыға бастады (М. Әуезов) 'Таким образом, к середине весеннего дня из верхних и нижних комнат двухэтажного дома начал валить народ'. **Ербол мен Тоғжанның көріскенін көрген жерде, кеңілдері жай тапқандай болды** (М. Әуезов) 'При виде встречи Ербола и Тоғжан у них отлегло от сердца'. **Сағымның суына шомылып денесіне шаң жоғалтпай түрленген сайын, тоғай жарқырай түседі** (С. Мұқанов) 'Лес зеленеет ярче, поглощая больше влаги и смывая с себя всю пыль'.

ПО на *-ғаннан кейін*. Этот тип ПО выражает значение времени. В такой конструкции вначале предполагается осуществление сообщаемого в ПО факта, с которым связана последующая реализация основного действия ОП. Таким образом, характер протекания действия здесь в основном определяется процессом адвербиализации ПО:

Жылқыдан босанып келгеннен кейін, мен тағы да белгілі Жаманшұбарда жүре бастадым (С. Мұқанов) 'Освободившись от пастыбы, я вернулся в знаменитый Жаманшубар'.

Клалп.: *Жайласып алғаннан кейін кемпір мен ғарры кол ұщы талап етиуге киристи* (С. Тәжиахмет)²⁴ 'Устроившись, старик и старуха дружно приступили к работе'.

ПО на *-ғаннан бері*. Такое причастное образование также выражает значение времени.

Ол бұл ауылмен дәмдес болғаннан бері.. ойына ой қосумен болды (М. Иманжанов) 'По мере налаживания отношений с аулом, мысли его прояснялись'.

Башк.: *Буровойза эшлей башлагандан бирле, ул куп окуны, бик куп нәмегә ойрәнде* (А. Бикчентаев) 'С тех пор, как начал работать на буровой, он многое прочитал и многому научился'²⁵.

Из сказанного можно заключить, что придаточный оборот, употребляясь в атрибутивной и адвербиальной функциях, значительно увеличивает общий объем предложения. Такая конструкция рассматривается нами как осложненное предложение. Предложения с причастными и другими оборотами формируются вокруг одного грамматического подлежащего, развертывающего действие. Подобная закономерность наблюдается также и в языках иных систем. Так, например, в немецком языке «в обособленном причастном обороте речь всегда идет о том же лице или предмете, что и в предложении в целом»²⁶: *Ein Elektron aufnehmend, wird dieses Atom ionisiert* 'Присоединяя электрон, этот атом ионизируется'²⁷.

Таким образом, придаточный оборот, как нам кажется, не следует рассматривать как придаточное предложение в системе сложноподчиненного, ибо он не обладает основным признаком предложения — предикативностью. Придаточный оборот — это детерминативный компонент по отношению к основному предложению.

²⁴ Д. С. Насыров. Указ. раб., стр. 79.

²⁵ К. З. Ахмеров. Указ. раб., стр. 27.

²⁶ Н. А. Шелингер. Немецкий язык. Перевод определений и обособленных причастных оборотов. Учебное пособие. Л., 1961, стр. 13.

²⁷ Там же.

К. НАМАЗОВ, Т. ХОДЖАЕВ

О ВИДАХ КОСВЕННОЙ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

К спорным и мало разработанным вопросам тюркологии относятся способы выражения косвенной речи.

Отдельные тюркологи¹, основываясь на особенностях грамматического оформления, отрицают существование косвенной речи как своего рода самостоятельного средства выражения чужой речи. Так, например, Х. Байлиев отмечает, что «чужая речь по-туркменски всегда передается только в форме прямой речи, а форма передачи косвенной речи отсутствует совершенно»². У. Б. Алиев пишет: «В карачаево-балкарском языке нет особых форм для выражения значений косвенной речи, есть только форма прямой речи, которая употребляется в одинаковой мере как прямая и как косвенная речь»³. Считая прямую речь единственным способом передачи чужой речи, эти лингвисты не видят никакой разницы в оформлении конструкций прямой и косвенной речи.

Однако большинство тюркологов в отличие от только что названных считает, что косвенная речь в тюркских языках имеет как свои грамматические формы, так и соответствующие признаки. Тем не менее пока еще ни одна из работ не содержит конкретных указаний на все возможные способы косвенного выражения чужого высказывания. Без учета всего разнообразия форм косвенной речи изучение ее особенностей будет носить односторонний характер и не позволит пролить необходимый свет на это интереснейшее грамматическое явление⁴.

В результате исследования структуры конструкций косвенной речи А. Нурмаханова и А. Исраилов приходят к заключению, что косвенная речь существует во всех тюркских языках, причем самыми употребительными ее формами в последних являются причастные обороты или сочетания с послелогом (*ҳақида*, *тўғрисида*, *хусусида* 'о', 'про')⁵.

¹ См.: А. Н. Боровков. Учебник уйгурского языка. Л., 1935; А. П. Поцелуевский. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад, 1943; Х. Байлиев. К семантике форм «дийип» и «диен» и в связи с этим вопрос о передаче косвенной речи в туркменском языке. Ашхабад, 1944; У. Б. Алиев. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972.

² Х. Байлиев. Указ. раб., стр. 6.

³ У. Б. Алиев. Указ. раб., стр. 382.

⁴ См.: Е. В. Розен. О видах косвенной речи в современном немецком языке. — В журнале «Филологические науки», 1964, № 4, стр. 57.

⁵ А. Нурмаханова. Прямая и косвенная речь в современном каракалпакском литературном языке. Канд. дисс. М., 1954, стр. 135, 171; А. Исраилов. Чужая речь в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1971, стр. 16.

Придаточное предложение, связанное с авторским повествованием союзом *ки*, считается одним из широко распространенных средств передачи косвенной речи, например, в турецком и азербайджанском языках⁶. Подобное оформление косвенной речи в придаточное предложение отмечается и в некоторых работах, посвященных изучению строя узбекского языка.

Например, Э. А. Грунина считает, что косвенная речь в узбекском языке может передаваться: 1) придаточным предложением со сказуемым в форме имени действия, 2) придаточным предложением, вводимым союзом *ки*, 3) прямой речью⁷.

Х. Курбатов также отмечает три типа косвенной речи в татарском языке, но в отличие от Э. А. Груниной подразделяет их на следующие группы: 1) косвенная речь синтетического типа, 2) косвенная речь аналитического типа, 3) косвенная речь, связанная с категорией модальности⁸.

Ознакомление с некоторыми работами, посвященными этому вопросу, показывает, что исследователи по-разному оценивают косвенную речь, и поэтому до сих пор еще нет единого подхода к определению и выявлению всех ее возможных типов как в тюркологии в целом, так и в узбекском языке в частности.

В данной статье нами предпринята попытка установить основные виды косвенной речи в современном узбекском языке, возможно, встречающиеся также и в некоторых других языках тюркской семьи.

Коротко остановимся на принципах определения видов косвенной речи в узбекском языке.

Косвенная речь в любом языке возникает на основе сказанного посторонним лицом (либо своего же, но более раннего высказывания). Эта особенность косвенной речи является одним из тех критериев, которые позволяют отграничить конструкции с косвенной речью от других синтаксических конструкций.

Одной из характерных особенностей косвенной речи в узбекском языке является произнесение или сообщение ее от имени автора (рассказчика), хотя аналогичное построение имеет часто и несобственно прямая речь. В отличие от несобственно прямой косвенная речь бывает связана с глаголами речи, мышления или с особым контекстом, после которых она следует. Все эти признаки, то есть возникновение косвенной речи непосредственно на основе речи постороннего лица, построение ее от имени автора и связь с глаголами речи, мышления или с особым контекстом в целом, — послужили в нашей работе критериями выделения косвенной речи в современном узбекском языке. В соответствии с этим нами были выделены следующие конструкции косвенной речи: а) косвенная речь в форме конструкции-оборота (I вид), б) косвенная речь как придаточное предложение (II вид), в) косвенная речь как грамматически независимое самостоятельное предложение (III вид).

Косвенная речь в форме конструкции-оборота

Это основной, широко распространенный способ передачи косвенной речи в современном узбекском языке. Рассмотрение конструкции-

⁶ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 422; А. И. Абражеев и др. Очерки по сопоставительной грамматике русского и узбекского языков. Ташкент, 1960, стр. 182.

⁷ Э. А. Грунина. Сложноподчиненные предложения в современном узбекском языке. Канд. дисс. М., 1952, стр. 192.

⁸ Х. Курбатов. Прямая, косвенная и несобственная прямая речь в современном татарском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Казань, 1954, стр. 11—12.

оборота как одного из видов выражения косвенной речи имеет ряд оснований. Во-первых, в отличие от аналогичных конструкций, не содержащих чужой речи, косвенная речь возникает непосредственно на основе речи говорящего. Во-вторых, эти конструкции строятся от имени автора, что является одним из дифференцирующих признаков такого способа передачи чужой речи. В-третьих, эти конструкции находятся в непосредственной связи с глаголами речи или мышления, требующими пояснения. Ср.: *Соқчилар бошлиғи Матеога отдан тушишни буюрди* (В. Майнк. Марко Полонинг ажойиб ва гаройиб саргузаштлари) 'Начальник стражников приказал Матео слезть с лошади'. *Умид бу фикрни илмий тадқиқот институтига албатта маълум қилажagini айтди* (Мирмуҳсин. Умид) 'Умид сказал, что он обязательно сообщит эту мысль в научно-исследовательский институт' (здесь и далее выделяются конструкции косвенной речи).

Все компоненты подобной конструкции подчинены лишь одному стержневому слову⁹ (*тушишни* в первом примере и *маълум қилажagini* — во втором), и все они в целом выступают обычно как развернутое дополнение к сказуемому авторского повествования.

Косвенная речь может быть выражена не только одним оборотом, но и несколькими параллельными оборотами в рамках одного простого предложения. Каждый оборот в таком случае имеет свое стержневое слово, которое непосредственно относится к глаголу авторского предложения. Ср.: *Иззатов пайт келганидан фойдаланиб, (1) Эронда бўлганини, (2) у ерда деҳқонлар аҳволини ўз кўзи билан кўрганини, (3) Америкада майда ҳинд қабилалари қириб юборилаётганини ҳикоя қилди* (Ш. Тошматов, Ишқ, янгиланди) 'Иззатов, воспользовавшись случаем, рассказал, что он был в Иране, там видел собственными глазами, как живут крестьяне, что в Америке истребляют мелкие индейские племена'.

Данное предложение содержит три однородных оборота косвенной речи. Однородность этих оборотов обусловлена тем, что компоненты каждого из них подчиняются своему стержневому слову (*бўлганини, кўрганини, қириб юборилаётганини*), а все стержневые слова управляются одним сказуемым (*ҳикоя қилди*). Поэтому все обороты выступают в качестве однородных членов предложения, а именно в роли распространенного дополнения.

Изучение состава стержневого слова с морфологической точки зрения показывает, что в его структуре очень часто встречаются различные аффиксы: словообразующий аффикс (-лик), аффиксы принадлежности (-им, -инг и т. п.) и показатели падежа (-ни, -га, -дан). Иногда вместо падежного окончания может выступать один из послелогов *ҳақида, тўғрисида, хусусида, борасида* 'о', 'про'. Эти послелоги и падежные окончания обычно осуществляют синтаксическую связь конструкции косвенной речи в целом с авторским предложением, в частности с его сказуемым. Указанные аффиксы и послелоги могут присоединяться к словам с морфологически различной формой. В зависимости от типа слова, к которому присоединяются аффиксы и послелоги, можно выделить следующие подвиды конструкций-оборотов косвенной речи.

1. Косвенная речь в форме причастного оборота:

Фаҳрат Малика унга ёмғир ёғаётганини, ҳовлидаги кирларини йиғиб келганини айтди (Мирмуҳсин. Чиниқиш) 'Но Малика сказала ему, что идет дождь, она собрала белье во дворе'.

⁹ Слова, выступающие организующим центром синтаксического оборота, мы называем «стержневым словом».

Косвенная речь в этом предложении состоит из двух однородных оборотов, каждый из которых имеет свой собственный организующий центр, то есть свое стержневое слово: *ёгаётганини* и *йигиб келганини*. Оба они морфологически представляют собой причастия на *-ган* (*ёгаётган, йигиб келган*) с одинаковыми аффиксами (*и+ни*) и образуют причастные обороты.

2. Косвенная речь в форме глагольно-именной конструкции:

Бўстон эртага далада иссиқ овқат бўлишини, ҳеч кимнинг тушда ҳовлисига кетмаслигини айтди (С. Назар. Яшил бойлик) 'Бустан сказала, что завтра на поле будет горячая пища, чтобы никто не уходил домой в полдень'.

Здесь косвенная речь также передается двумя однородными оборотами, в которых в качестве стержневых слов выступают формы *бўлишини* и *кетмаслигини*. Первое стержневое слово *бўлишини*, образованное на базе отглагольного имени *бўлиш*, имеет в своем составе аффиксы *и+ни*, а основой второго слова служит отглагольное имя на *-лик* (*кетмас+лик*), к которому присоединяются аффикс принадлежности *-и* и показатель винительного падежа *-ни*. На основе этих отглагольно-именных основ образуются «глагольно-именные конструкции».

3. Косвенная речь в форме именных конструкций, образованных на базе именных слов¹⁰.

Даракчи овчилар яқин жойда турналар, қарқаралар ва бошқа қушлар борлигини ҳабар қилдилар (В. Майнк. Марко Полонинг ажойиб ва ғаройиб саргузаштлари) 'Разведчики-охотники сообщили, что поблизости есть журавли, цапли и другие птицы'.

Бўрихўжа... душанба куни тирноқ олиш лозимлигини уқтирди (Мирмуҳсин. Чинқиш) 'Бурхужа указал, что ногти надо стричь в понедельник'.

Ҳамма ёқни қор босиб, йул чулга айланиб, қолганидан, адашиб кетиш ҳам осонлигини кўнглидан утказди (Ш. Рашидов. Қудратли тўлқин) 'Так как повсюду лег снег и дорога смешалась со степью, он подумал про себя, что можно легко заблудиться'.

Стержневыми словами конструкций-оборотов косвенной речи выступают в этих примерах слова *борлигини*, *лозимлигини*, *осонлигини*. В структуре данных слов также участвуют упомянутые выше аффиксы (*лиг+и+ни*). Однако, если в ранее описанных подвидах косвенной речи они присоединялись к причастию или отглагольно-именной форме, то здесь эти аффиксы присоединяются к именным основам *бор*, *лозим*, *осон*. Подобные конструкции с именным стержневым словом представляют, по нашему мнению, так называемую «конструкцию, образованную на основе именных слов» (или сокращенно-именную конструкцию).

Таким образом, стержневое слово в составе конструкции-оборота занимает особое место. Как организующий центр оно осуществляет синтаксическую связь компонентов конструкции косвенной речи, а морфологическая принадлежность стержневого слова способствует определению типа той или иной конструкции, предназначенной для косвенной передачи высказывания постороннего лица.

¹⁰ Под этим видом мы понимаем конструкцию, образованную при помощи модальных слов (*лозим, зарур* и т. п.), прилагательного, вопросительного местоимения и слов *бор, йўқ*.

Косвенная речь как придаточное предложение

Косвенная речь в форме придаточного предложения, сравнительно мало распространенная, резко отличается от конструкции-оборота косвенной речи. Если конструкция-оборот функционирует в сфере простого распространенного предложения, то данный вид косвенной речи выступает в качестве компонента сложной синтаксической конструкции, образуя вместе с авторским повествованием сложноподчиненное предложение. Компоненты сложноподчиненного предложения при этом соединяются при помощи союза *ки*. Следовательно, границы между авторским повествованием и косвенной речью в рамках сложноподчиненного предложения выступают более отчетливо. Ср.:

Отанинг гапларидан маълум бўлдики, у бир неча катта эшикларга борибди (П. Турсин. Ўкитувчи) 'Со слов отца стало известно, что он обращался к нескольким богатеям'.

Рамазон қорининг янги топиб келган гапларидан маълум бўлдики, у қандайдир катта идоралардан бирига бориб, Шермат тўлаган етимхонада ҳизмат қилишга буйруқ олибди (Там же) 'Из последних рассказов Рамазана-кары стало известно, что он, обратившись в какое-то большое учреждение, получил приказ служить в детдоме, организованном Шерматом'.

Придаточные предложения в обоих случаях выражают косвенную речь, возникшую непосредственно на основе речи постороннего лица. Каждое из них строится от имени автора, на что указывают личное местоимение *у* 'он' и согласующееся с ним сказуемое (*борибди* и *буйруқ олибди*). Эти предложения связаны со словосочетанием *гапларидан маълум бўлдики*, которым обуславливается возможность выражения косвенной речи в форме последующих придаточных предложений. Исходя именно из этих структурно-семантических особенностей (см. приведенные примеры), мы заключаем, что придаточное предложение является одним из возможных видов выражения косвенной речи в узбекском языке.

Следует заметить, что не все придаточные предложения узбекского языка, вводимые глаголами речи или мышления и оформленные по типу приведенных примеров, выступают в качестве выразителей косвенной речи. Обратимся к фактам:

Бир жангчи менга қасам ичиб дедики, гўё у, ерга ётиб осмонга қараса, ўтларнинг усиш шарпасини, булутларнинг сузиш шарпасини ҳам эшитар эмиш (Ш. Рашидов. Қудратли тўлқин) 'Один боец клятвенно меня уверял, что будто бы, если он посмотрит на небо, лежа на земле, то он услышит шелест роста трав и даже шорох плывущих облаков'.

Кенжа ботир ўзига-ўзи айтдики, буларни ташлаб кетаверсам, йигитликдан бўлмайдим (Эртак) 'Кенжа-батыр сам себе говорил, что если, мол, я уйду, покинув их, то это будет не по-молодецки (не по-мужски)'.

Ўртоқ Иззатов айтдиларки, дарахт ҳам бир ерда кўкаради (Ш. Тошматов. Ишқ янгиланди) 'Товарищ Иззатов сказал, что и дерево растет на одном месте'.

Подчеркнутые сочетания имеют следующие общие особенности: а) выступают как придаточные предложения, б) занимают постпозицию, в) связываются с авторским предложением при помощи союза *ки*, г) зависят от глагола речи в главном компоненте, д) выражают речь постороннего лица.

У этих придаточных предложений много общего, ибо все они воспроизводят чужую речь, хотя и по-разному. Придаточное предложение в

первом примере, в связи с употреблением личного местоимения 3-го лица ед. числа *у* 'он' и соответствующей личной формы глаголов (*қараса, эшитар эмиш*) от имени автора, следует рассматривать без всяких колебаний как один из видов косвенной речи, так как конструкцию, выражающую чужую речь от имени автора, мы считаем одним из основных признаков косвенной речи.

Придаточное предложение второго примера введено от лица говорящего, которому принадлежит данная чужая речь. На это указывает личное окончание глагола (*кетаверсам*). Считая построение чужой речи от имени говорящего одним из основных признаков прямой речи, мы такие придаточные предложения относим к последней. Если бы это предложение содержало косвенную речь, то глагол придаточного предложения (*кетаверсам*) имел бы личное окончание не первого, а третьего лица (*кетаверса*). Ср.: *Кенжа ботир ўзига-ўзи айтдики, (агар у) буларни ташлаб кетаверса, йигитликдан бўлмайди*.

Среди приведенных выше примеров особое место занимает третий. Если придаточные предложения первых двух примеров, основываясь на употреблении личных форм глаголов и местоимений, можно отнести к формам либо прямой, либо косвенной речи, то в третьем примере это сделать затруднительно, так как в данном случае речь в придаточном предложении идет не о самом говорящем, а о ком-то ином (конкретно, о предмете — *дарахт* 'дерево'). Этот предмет — подлежащее в предложении чужой речи — и согласующийся с ним глагол (*кўкаради*), если рассматривать их с точки зрения говорящего и рассказчика, имеют одну и ту же форму. Следовательно, в данном случае местоименные и глагольные формы не могут служить критерием определения способа передачи чужой речи.

Здесь, по нашему мнению, следует исходить из формы придаточного предложения в целом. Предложение *Дарахт ҳам бир ерда кўкаради* 'И дерево растет на одном месте' оформлено самим говорящим. Чтобы убедиться в этом, трансформируем речь постороннего лица в пунктуационно четко выделенную прямую речь, при этом никаких структурных и семантических изменений придаточного предложения не происходит. Ср.:

Ўртоқ Иззатов айтдилар: «Дарахт ҳам бир ерда кўкаради». Трансформированная конструкция свидетельствует о том, что речь постороннего лица, выраженная как прямая речь, не отличается ни по структуре, ни по семантике от формы, представленной в составе третьего предложения. Поэтому мы считаем закономерным условное отнесение предложения третьего типа к прямой, а не косвенной речи.

Таким образом, придаточные предложения чужой речи, зависящие от глаголов речи или мышления и соединяющиеся с авторским предложением при помощи союза *ки*, могут выражать как прямую, так и косвенную речь. Для различения их следует исходить не только из личных форм глаголов и местоимений, но также из общей структуры придаточного предложения чужой речи.

Косвенная речь как грамматически независимое самостоятельное предложение

Косвенная речь в узбекском языке встречается также и в форме самостоятельного предложения. Говорящий прибегает обычно к такому виду косвенной речи в тех случаях, когда он, не желая загромождать собственную речь, детализирует каждое высказывание постороннего лица. Например:

Бугун кечаси Маҳкам сайрдан қайтганда эса у тоғларни кесадиган зулфиқор қилич ҳақида ўйланарди. Ҳозир шу нарса унинг кўлида бўлса-ю, Наманган билан Тошкент орасидаги тоғларни бир кечада кесиб чиқиб йўл солса. Замира автобусда ўз Наманганига кетаётиб, йўлда учраган ҳар бир кишидан Очилнинг номини эшитса ва «Ўзи қаерда?» деб қидирса (П. Қодиров. Уч илдиз) 'Когда сегодня ночью Маҳкам возвращался в гулянья, он думал о рассекающем горы мече Зульфикара. Был бы этот меч сейчас в его руках, тогда бы он, прорубив в одну ночь все горы между Наманганом и Ташкентом, проложил бы там дорогу. Сидя в автобусе по пути в Наманган, Замира намеревалась сказать любому встречному, кто назвал бы имя ее возлюбленного Очила: «Где же он сам?»».

Основанием для рассмотрения подобных конструкций как форм выражения косвенной речи служат следующие моменты: а) возникновение этих конструкций на основе речи постороннего лица, б) построение данных конструкций от имени автора, в) связь упомянутых конструкций с особым контекстом, допускающим последующую косвенную речь.

В этом примере косвенная речь возникает непосредственно на основе речи постороннего лица, которое в составе первого предложения выступает в форме местоимения *у 'он'*. Самостоятельные предложения косвенной речи построены от имени автора, на что указывают слова *унинг 'его'* и *Очилнинг*, а также глагольные формы (*солса, қидирса*). Следует отметить, что эти предложения косвенной речи являются грамматически самостоятельными, хотя в смысловом отношении они и находятся в тесной взаимосвязи с авторским повествующим предложением, которое квалифицируется нами как особый контекст, сигнализирующий о возможности наличия косвенной речи в соответствующей части фразы. Таким контекстом в данном примере выступает предложение *Бугун ... ўйланарди*. Наличие подобного контекста является обязательным условием существования косвенной речи в форме самостоятельных предложений, так как именно он указывает, когда, кем и при каких обстоятельствах была сказана, продумана или написана косвенно воспроизводимая речь.

В качестве особого контекста (авторского повествования) может иногда выступать вводный компонент типа *...нинг айтишича '...по словам такого-то'*; *...нинг берган маълумотига кўра, ...нинг ҳабарига қараганда '...по сообщению такого-то'*; *...нинг фикрича '...по мнению такого-то'*; *...ривоятларига қараганда '...говорят'* и т. п. Приведем примеры:

Унинг айтишича, кундузи фашистлар ротаси Дашковкага келиб, дам олиш учун тўхтаган. Улар қишлоқ уйларини эгаллаб олиб, ичкилик бошлаганлар. Шу хотиннинг уйдаги маст немисларнинг шовқинидан уйқудаги гўдак уйғониб йиғлай бошлаган. Боланинг йиғисидан фаши келган бир фашист ўтирган жойидан туриб, автоматни унга тўғрилаган (И. Раҳим. Чин муҳаббат) 'По его словам, фашистская рота, прибыв днем в Дашковку, расположилась там отдыхать. Они заняли дома в кишлаке и начали пьянствовать. От шума пьяных немцев, которые были в доме этой женщины, проснулся ребенок в колыбели и начал плакать. Плач ребенка вывел из себя одного из фашистов, и он направил на ребенка свой автомат'.

Первое предложение этого отрывка в структурном отношении является простым с вводным компонентом, указывающим на источник высказывания, то есть на авторское повествование, в то время как основной компонент передает чужую речь. Продолжение этой речи оформляется в последующих самостоятельных предложениях.

Следует отметить, что в структуре самостоятельных предложений косвенной речи очень часто наблюдаются различные форманты, могущие выступать как грамматические показатели косвенного характера высказывания. К таким формантам относится недостаточный глагол *экан эмиш* и аффикс *-ган*. Недостаточный глагол может присоединяться как к имени, так и к глаголу в их личной форме, а аффикс — обычно только к глагольной основе. Авторы некоторых работ, отмечая отдельные значения недостаточного глагола и аффикса *-ган*, подчеркивают, что эти формы могут указывать также на опосредствованный, косвенный характер сообщаемого факта¹¹. Кроме того, слово *эмиш* (и его вариант *-миш*) может показывать субъективную оценку действия. Приведем пример:

1) *Эшмурот ака қишлоқдан бир дунё гап топиб келди*; 2) *Айиқ отиб боргандан бери Ортиқнинг мавқеи яна кўтарилиб кетибди*; 3) *Айиқ терисини томоша қилиш учун ҳар куни уйига одам кирармиш, ҳамма унга тан берганмиш*; 4) *Ортиқ терини ошлатиб тайёрлаб қўйганмиш*; 5) *Шанба куни Мансуров билан Давлатбековни уйига чақирганмиш — уларни меҳмон қилиб, терини директорга кўрсатармиш, ёқтирса совға қилармиш* (П. Қодиров. Қора кўзлар) '1) Эшмурат-ага привез из кишлака целый ворох рассказов; 2) С того момента, как Артык застрелил медведя, настроение его намного улучшилось; 3) К нему, как говорят, ежедневно заходят люди, чтоб осмотреть шкуру убитого медведя; ему будто-бы все завидуют; 4) Артык, говорят, шкуру обработал; 5) В субботу, говорят, он пригласит к себе в гости Мансурова с Довлатбековым, покажет директору шкуру, и, если, говорят, она понравится, он, будто-бы, подарит ее директору'.

Данный отрывок состоит из пяти самостоятельных предложений. Первое из них выражает авторское повествование, а остальные косвенно передают речь посторонних лиц. Только во втором предложении косвенной речи отсутствует глагол *эмиш*, а в последующих он выступает в сокращенной форме *-миш* в составе полнозначного глагола. По-видимому, это не случайно: ибо, как говорится в тексте, Эшмурат побывал в деревне и сам почувствовал, что авторитет Артыка намного возрос, в чем он не сомневается. Вот почему во втором предложении, утверждающем этот факт, употребление *эмиш* (*миш*) оказывается излишним. В последующих предложениях передается то, что слышал Эшмурат от людей. В истинности услышанного Эшмурат сомневается, в результате возникает необходимость в использовании форманта *-миш*. В последних трех предложениях косвенной речи этот формант указывает на то, что высказывание основано не на личном знании, а получено из вторых источников; кроме того, он выражает субъективную оценку высказывания, то есть отношение рассказчика к самому высказыванию.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, мы можем заключить, что современный узбекский язык обладает богатыми возможностями для выражения косвенной речи, выступающей, как указывалось, различно: в виде конструкции-оборота с рядом подвидов, а также в форме придаточного и самостоятельного предложений.

¹¹ См.: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 218, 272—276; А. Ф. Фуломов. Феъл. Ҳозирги замон ўзбек тили курсидан материаллар. Тошкент, 1954, стр. 26; А. Ҳожиев. Тўликсиз феъл. Тошкент, 1970, стр. 169—170, 180, 246—253.

Х. Г. НИГМАТОВ

СООТНОШЕНИЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ВОСТОЧНО-ТЮРКСКОМ ЯЗЫКЕ XI—XII ВВ.

Несмотря на то, что проблеме частей речи посвящено большое количество исследований¹, эти категории все еще остаются одной из сложных и неясных сторон языковой системы. Именно части речи являются сферой пересечения важных вопросов взаимодействия лексики и грамматики, языка и речи, языка и мышления, значения слова и объективной действительности и т. д., причем каждый исследователь подходит к решению проблемы частей речи по-своему.

В русском языкознании и в тюркологии (под влиянием работ Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, А. К. Боровкова и др.) стало традицией классифицировать части речи с учетом семантических, морфологических и синтаксических особенностей слова. Однако в грамматиках по тюркским языкам части речи выделяются в основном по значению слова, то есть семантически. Одни исследователи сознательно принимают семантический признак за единственный критерий выделения частей речи², другие берут за основу единство вышеуказанных трех сторон слова, хотя практически классифицируют слова по семантико-функциональному признаку. Все противоречия, возникающие при этом, устраняются путем введения понятий лексической или лексико-грамматической омонимии и транспозиции (перехода слова из одной части речи в другую)³. Однако такое расширение рамок омонимии и транспозиции в тюркских языках неоднократно подвергалось критике⁴.

Причина возникновения противоречий при семантико-морфологосинтаксической классификации, на наш взгляд, состоит в том, что в основу классификации положены одновременно три признака, и принципы ее последовательно до конца не выдерживаются. Формальная логика требует, чтобы всякая классификация проводилась «только по одно-

¹ История изучения частей речи в русском и тюркском языкознании частично освещена в работах Н. С. Поспелова («Ученые о частях речи в русской грамматической традиции». М., 1954) и Ф. Р. Зейналова («Принципы классификации именных частей речи». Баку, 1959).

² О. П. Суник. Общая теория частей речи. Л., 1968.

³ См., например: Ф. Г. Исхаков. Лексико-грамматическая классификация слов, или части речи в тюркских языках. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. Морфология. М., 1956, стр. 76.

⁴ См.: Э. В. Севортян. К проблеме частей речи в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 200; Г. Д. Санжеев. Спорные вопросы в изучении грамматического строя узбекского языка. — В сб.: «Вопросы узбекского языкознания». Ташкент, 1954, стр. 51.

му основанно»⁵. Следовательно, если в тюркских языках семантические, морфологические и синтаксические стороны слова составляют единство, то есть определенный тип значения неизбежно предполагает определенные морфологические категории и твердо установленные синтаксические функции, то можно утверждать, что эти три стороны слова составляют единство и могут служить основой классификации. Если же в системе языка каждая из этих сторон слова обладает некоторой автономностью, то в совокупности они не могут служить основанием дифференциации по той простой причине, что одна классификация не может опираться на три основания. Материал письменных памятников XI—XII вв.⁶ свидетельствует, что в языке рассматриваемой эпохи у большинства слов отсутствует параллелизм между семантической и морфологосинтаксической сторонами, то есть слова, обозначающие предметность, могут, помимо объектно-субъектной функции, выполнять также атрибутивную⁷ (а) и обстоятельственную (б) функции, а слова, обозначающие качество, могут, беспрепятственно сочетаясь с показателями числа, принадлежности и падежа, выступать в субъектно-объектных функциях (в):

а) *арпа аш* (К-4661) 'ячменная пища'; *тэмүр кэнд* (К-4606) 'железный город';

б) *инч тирилсү* (К-2398) '(пусть) спокойно живет'; (ср.: *будун инчкэ тэгди* (К-3055) 'народ достиг покоя'); *эсизкэ қатылма саламат йоры* (К-4445) 'не общайся с дурью, благополучно живи';

в) *көни бол көни қыл көни тут йорық* (К-5391) 'будь праведным, поступай праведно, придерживайся праведного пути'; *бу өл тумлығ артса сәңә қылса йас исигин қуруғун аны йандру бас* (К-4523) 'если [в твоём организме] увеличатся влажность [и] холод, повредят тебе, [то] жаром [и] сухостью подави их'; *йарын булғу эрмәс өзүм эдгүләр* (К-4632) 'завтра [в день правосудия] не найди мне добра'; *кічкдә қатіғланса* (II, 31) 'если окрепнет в молодости'; *қара қул қарасы* (К-2046) 'чернота — [это] цвет (букв. чернота) раба' (см. также функционирование имен типа *өлүк* 'мертвый', 'мертвец'; все имена, образованные с помощью аффиксов *-лығ/-лы*, *-чы*, способны одинаково употребляться как в атрибутивной, так и в объектно-субъектной функциях).

Сторонники морфолого-семантико-синтаксической классификации усматривают в вышеприведенных примерах, а также в сочетаниях типа *көни барды* (К-6241) 'праведность исчезла' и *көни... йорық* (К-5391) 'праведный путь (поступок)' либо омонимию (в языке имеются два слова *көни*), либо транспозицию (в данном примере — субстантивацию). В подобных случаях об омонимии не может быть и речи. Что же касается транспозиции, то если в *көни барды* слово *көни* является субстантивированным прилагательным, мы должны почувствовать, что последнее

⁵ Г. Клаус. Введение в формальную логику. М., 1959, стр. 234.

⁶ Мы ссылаемся на следующие издания памятников: *Махмуд Кошғарий*. Девону луготит турк (издание С. М. Муталлибова), тт. I—III. Тошкент, 1960—1963 (в ссылках указываются том и страницы); *Юсуф хос Ҳожиб*. Қутадғу билиг (издание К. Каримова). Тошкент, 1971 (в ссылках — обозначается К и приводится порядковый номер бейта); *Ахмад Югнакий*. Ҳибатул ҳақойиқ. — В кн.: *Қ. Махмудов*. Ахмад Югнакийнинг «Ҳибатул ҳақойиқ» асари ҳақида. Тошкент, 1972, стр. 218—231 (в ссылках — обозначается Х и приводится порядковый номер бейта). Во всех примерах сохраняется транскрипция указанных изданий.

⁷ О нерасчлененности и противоречивой двойственности предметных и качественных значений в тюркских именах см.: С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абул-Гази-Хана. Грамматический очерк. Ташкент, 1969, стр. 44—46.

заменяет собой какое-то существительное, или же это существительное подразумевается⁸. Однако в сочетаниях типа *көни барды* никакое существительное не опущено; об этом говорит тот факт, что в данной позиции имена со значением качества с аффиксом абстрактных имен *-лық/-лик* и без него являются полными синонимами: *көни барды ... келди эгрилик* (К-6241) 'праведность исчезла, господствует лицемерие' (букв. 'праведность ушла, пришла кривда'); ср. еще *көнилик ... барды* (К-6250) 'праведность исчезла'; *ул эсиз йануты* (179/01)⁹ 'возмездие от того зла' и *эсизлик тиләсә* (179/02) 'если хочешь зла'.

Кроме того, нерасчлененность качественных и предметных значений в языке изучаемых памятников проявляется и в том, что слова, функционирующие в современных тюркских языках только как качественные прилагательные и неспособные сочетаться с аффиксом *-лы/-ли*, в XI—XII вв. могли сочетаться с ним: *қара қул қарасы болур бэк өрүң қаралы өрүңли адыртты көрүң* (К-2046) 'чернота — это цвет (букв. чернота) раба, а бек является белым'. Смотрите, [творец] отличил черное от белого (букв. то, что с чернотой, от того, что с белизною); *өзүң табъыны мән айайын йора қызыллы сарығлы өрүңли қара* (К-4528) 'растолкую тебе [состав] твоего организма: он [состоит из] красного, желтого, белого и черного'. В последнем примере семантическая структура слова *қара* идентична структуре слов *қызыллы, сарығлы, өрүңли*, хотя их морфологическая структура и различна.

Таким образом, значения предметности и качественности не расчленяются не только в именах существительных, но и в прилагательных, с той лишь разницей, что имена существительные выражают предмет как носитель какого-либо качества, а прилагательные обозначают признак как заложенный в предмете или как абстрактное качество¹⁰.

Имеется еще один разряд имен, у которых значения предметности и признака не расчленены. Это — числительные. Как известно, имена числительные выражают количественный признак предмета только тогда, когда счетные числительные реализуются в речи как определение к другому имени [*төрт эш* (X-16) 'четыре друга']. В самостоятельном употреблении они выражают «идею числа как предмет, иначе опредмеченное число»¹¹. Значение предметности особенно отчетливо проявляется у собирательных числительных: *икәгу байат қулларымуз* (К-3687) 'мы оба рабы Аллаха'. Что касается порядковых числительных, то они вообще лишены количественного значения и выражают порядковый признак, вплотную приближаясь к таким именам, как *кэзинки* (X-104) 'последний, последующий'. Поэтому они рассматриваются большинством исследователей как порядковые прилагательные¹².

Таким образом, в именах значения признака и предметности сосуществуют нерасчлененно. Однако оттенки значений признака и предметности находятся в различных отношениях в каждой из указанных лексико-семантических групп. Эту связь можно представить следующим образом:

⁸ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, 2-е изд. М., 1920, стр. 70.

⁹ Юсуф хос Ҳожиб. Узгурмишининг ўлими («Қутадғу биллг»дан). — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1973, № 1, стр. 66.

¹⁰ А. М. Пешковский. Указ. раб., стр. 64—71.

¹¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1949, стр. 89.

¹² А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 135; С. Н. Иванов. Указ. раб., стр. 106.

Таблица 1

Семантические группы	И м е н а							
	Собствен- ные	Конкрет- ные нари- цательные	Абстракт- ные	Нумера- тивы	Бещест- венные	Качествен- ные и отно- сительные	Порядко- вые	Счетные
Семантические оттенки								
Предметность	+	+	+	+	+	+	0	0
Качественность	=	+	+	+	+	+	+	=
Количественность	=	0	0	+	=	0	=	+

Примечание: Здесь и далее знак (+) означает наличие (маркированность) признака; знак (=) — отсутствие или неучастие в оппозиции по данному признаку; знак 0 — нейтральность по отношению к данному признаку.

Следовательно, из всех лексико-семантических групп имен только имена собственные служат наименованиями определенных предметов и не имеют качественных и количественных оттенков (точнее, качественное значение у них предельно ослаблено).

Среди слов восточно-тюркского языка имеется и другой разряд, обладающий качественными и количественными значениями, но не имеющий оттенков предметности, — это наречия. Как известно, наречия семантико-функционально соотносительны со всеми вышеуказанными лексико-семантическими разрядами имен (качественно-обстоятельственные наречия — с качественными прилагательными, количественные наречия — с числительными и нумеративами, пространственно-временные наречия — с именами существительными¹³). Однако они не имеют оттенка предметности, что связано с морфологическими особенностями наречий — их неизменяемостью.

Итак, если классифицировать слова восточно-тюркского языка по признакам предметности, качественности и количественности значения, то только имена собственные и, частично, наречия могут быть выделены как не вызывающие противоречий. Значительное же большинство слов не вмещается в однозначные рамки указанных признаков, и поскольку эти три оттенка значения в них сосуществуют нерасчлененно, можно заключить, что имена собственные и некоторые наречия, находящиеся на периферии единства значений предметности и признака, являются теми его крайними случаями, когда это единство разрушается. Здесь уместно вспомнить слова Л. В. Щербы, который писал, что «ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же... оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это-то неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвиста»¹⁴.

Все имена и наречия характеризуются общим семантическим признаком: называть что-либо. К ним примыкают и глаголы. Все эти назы-

¹³ Ср.: В. Г. Адмони. Основы теории грамматики. М.—Л., 1964, стр. 13.

¹⁴ Л. В. Щерба. Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений. — В кн.: Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I. М., 1958, стр. 35—36.

вающе слова противопоставляются, с одной стороны, указательным словам — местоимениям, а с другой — выражающим словам — междометиям и звукоподражаниям.

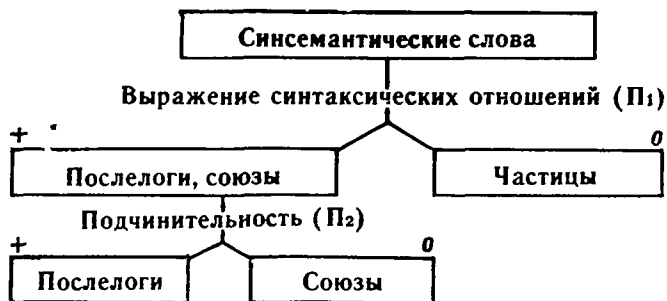
Несмотря на то, что между именами и местоимениями имеются существенные семантические различия, они мало чем отличаются друг от друга в морфолого-синтаксическом отношении. Следовательно, семантически различные слова могут иметь одинаковые морфологические категории и выполнять одинаковую синтаксическую функцию. Это говорит о том, что семантические, морфологические и синтаксические стороны в слове относительно автономны и поэтому взятые в совокупности не могут служить основанием для одной классификации. Однако каждая из них в отдельности может быть положена в основу классификаций частей речи, и таких примеров немало. Здесь можно назвать логико-семантическую классификацию О. П. Суника, формально-морфологическую классификацию Ф. Ф. Фортунатова, синтаксическую классификацию Е. Куриловича и др.

Некоторые исследователи к классификационным признакам каждой части речи подходят дифференцированно: один из вышерассмотренных трех признаков выделяется как основной, а остальные рассматриваются как дополнительные, вспомогательные¹⁵, что само по себе уже равносильно признанию относительной автономности семантической, морфологической и синтаксической сторон в слове.

При дифференцированном подходе к классификационным признакам частей речи следует учесть, что почти все знаменательные слова в тюркских языках способны выступать в функции любого члена предложения. Поэтому синтаксическая функция в предложении не отделяет знаменательные части речи, а нивелирует различие между ними¹⁶. Синтаксическая функция может служить надежным критерием только при дифференциации служебных частей речи, так как способность выражать определенные синтаксические отношения присуща только служебным (синсемантическим) словам, но не знаменательным (автосемантическим). Поэтому мы рассмотрим соотношение по синтаксическому признаку только синсемантических слов внутри них самих.

1. Привативную оппозицию служебных частей речи по синтаксическому признаку можно представить следующей схемой¹⁷:

Схема 1

¹⁵ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 221; Ф. Р. Зейналов. Указ. раб., стр. 6.

¹⁶ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 205.

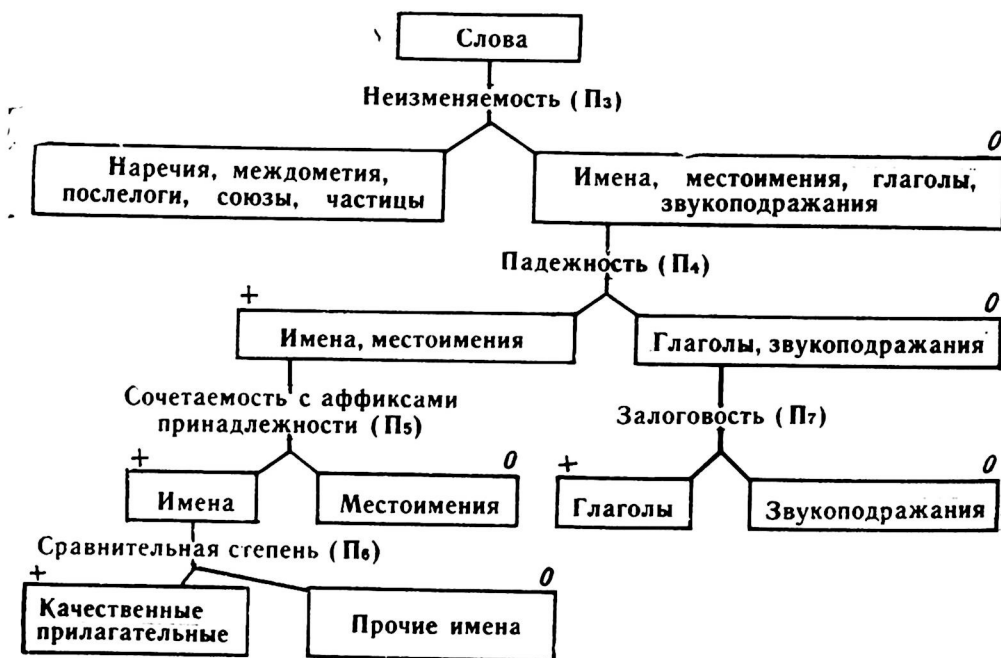
¹⁷ Наше понимание грамматических оппозиций и описание грамматических категорий через их дифференциальные семы изложены в работе: «Принципы описания морфологии восточно-тюркского языка XI—XII вв.». — «Советская тюркология», 1973, № 6, стр. 27—35.

Послелогии и союзы всегда служат средством осуществления синтаксической связи между словами и частями высказывания. Поэтому у них P_1 маркирован. Нейтральность частиц по отношению к P_1 проявляется в том, что частицы (с подгруппой модальных слов¹⁸), являясь одним из средств субъективной оценки и модальности, не лишены также связующей функции (частица *-му/-мү* может связать придаточное предложение времени с главным: *киши игладимү өлүм қошнысы* (К-4514) 'когда человек болеет, смерть сосед его', усилительные частицы *-ма, -да*, наречные частицы *тақы, йэмә* и другие могут выражать сочинительную связь: *нэку ул игин көр мә көңлин авыт* (179/10) 'узнай, что у него за болезнь и успокой его душу'). Таким образом, включение частиц в разряд служебных слов условно и основывается только на их синсемантической (то есть неспособности к самостоятельному употреблению).

II. При изучении соотношения словесных групп по морфологическим особенностям мы обращаем основное внимание на морфологические потенциалы слова в системе языка: морфологически изменяемые слова могут реализоваться в речи в неизменяемых функциях (способны полностью или частично нейтрализовать свои словоизменительные категории). Такие слова мы будем считать нейтральными по отношению к признаку «неизменяемость». К неизменяемым же относим только слова, совершенно не подверженные словоизменению и способные иметь словоизменительные формы лишь при переходе в другие части речи.

Привативные оппозиции частей речи по морфологическим признакам показаны на схеме 2.

Схема 2

В этой системе признаковые (маркированные, сильные) члены оппозиций не требуют никаких комментариев; указанные здесь морфологические признаки этих словесных групп общеизвестны. Коротко остановимся на особенностях каждого беспризнакового (слабого) члена оппозиций.

¹⁸ О взаимоотношении частиц и модальных слов см.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, § 716.

1. Нейтральность имен, местоимений, глаголов, звукоподражаний по отношению к П₃ (неизменяемости) выражается в том, что эти слова могут реализоваться в речи в функциях, полностью или частично нейтрализующих их словоизменительные категории. Позициями нейтрализации словоизменительных категорий в восточно-тюркском языке являются:

Для имен и местоимений:

а) функция незафетного или приглагольного определения: *тэмүр кэнд* (К-4606); *қыз қылынчлығ* (К-5996) 'девичьими повадками'; *јақын јэр* (Ш, 29) 'близкое место'; *миң эр* (X-180) 'тысяча мужчин'; *удыр инч* (5305) 'спит спокойно';

б) позиция лексической основы сложных глаголов: *көни бол* (К-5391) 'быть праведным'.

Для глаголов:

а) позиция приименного определения у причастий: *китабымны көргән ... киши* (X-36) 'человек, ... увидевший мою книгу';

б) позиция приглагольного определения у неизменяемых форм глагола (деепричастий): *оң арқыш озады қопуб* (X-90) 'снявшись (с места), предшествующий караван удалился'.

О нейтральности звукоподражаний по отношению ко всем словоизменительным категориям речь пойдет ниже.

2. Нейтральность глаголов по отношению к П₄ (изменяемости по падежам) выражается в том, что глаголы обладают формами как потенциально способными склоняться (причастия и имена действия), так и несклоняемыми (деепричастия и предикативные формы глагола).

3. Нейтральность местоимений по отношению к П₅ (сочетаемость с аффиксами принадлежности) заключается в том, что ряд местоимений (например, указательные, личные, некоторые определительные и вопросительно-относительные) не могут сочетаться с аффиксами принадлежности (особенно с аффиксами 1-го и 2-го лица) или же сочетаются с ними ограниченно, в то время как все имена потенциально способны сочетаться со всеми аффиксами принадлежности.

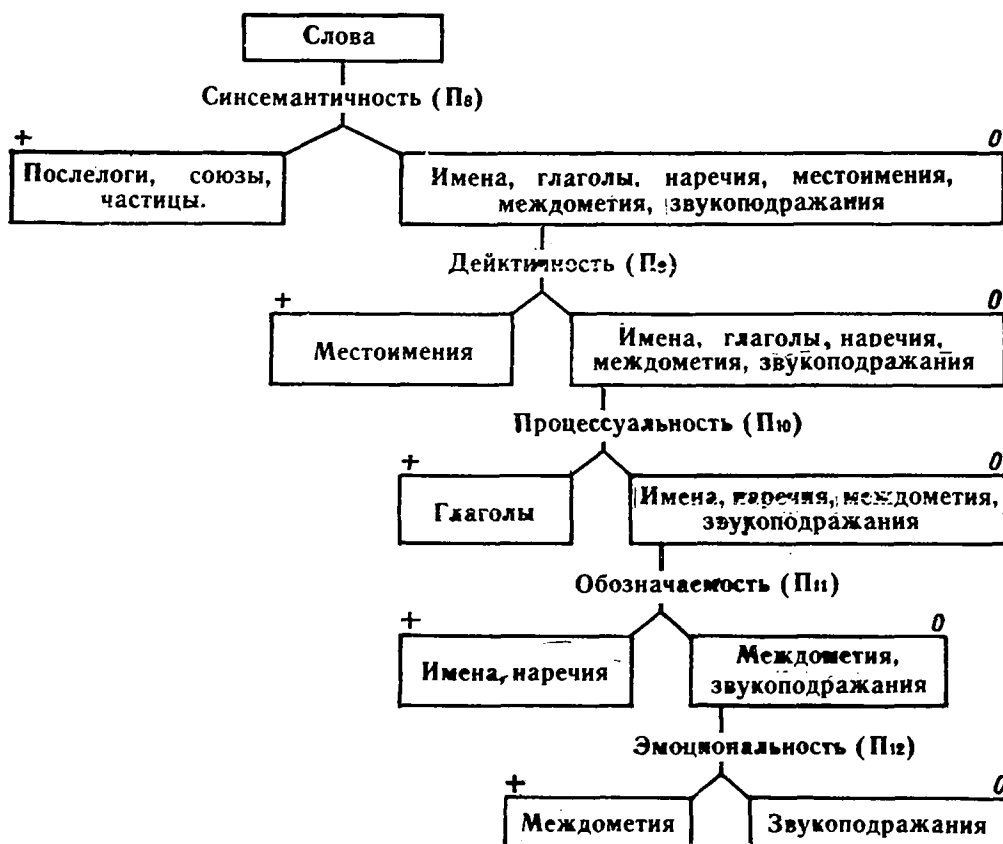
4. Нейтральность имен по отношению к П₆ (наличие форм, выражающих степень качества) состоит в том, что они хотя в отличие от качественных прилагательных и не имеют специальной формы, выражающей степень качества, однако в определенных синтаксических конструкциях (а) и в особых речевых условиях (б) могут усилить свое качественное значение:

а) *эрәнләр эри* (К-4379), *эрән эркәки* (К-4419) 'муж мужей'; 'наиболее мужественный'; *мәниңдә жафачы бу дунйа сәңә* (К-1078) 'этот мир по отношению к тебе более жестокий, чем я' (ср.: *мәндә йәгрәк* (К-502) 'лучше, чем я');

б) *қалы билгәкә тәгсә илдә орун ул ил болды төрдә тақы кәд төрүн* (К-260) 'если ученому достанется место [для сидения] у порога, этот порог станет более почетным, чем почетное место — *тор*'.

III. При классификации частей речи морфологический критерий признается важнейшим почти всеми исследователями, чего нельзя сказать о семантическом признаке. Значение каждого слова уникально и неповторимо, поэтому ряд лингвистов выводит за пределы грамматики такие обобщенные значения, как предметность, качественность, количе-

Схема 3

Как и в предыдущем случае, сильные члены этого ряда оппозиций не нуждаются в комментариях. Нейтральность же слабых членов по отношению к маркам оппозиции проявляется в том, что либо в составе этих частей речи имеются элементы, свойства которых приближаются к указанной оппозиционной марке [например, послелого-имена, послелого-наречия, вспомогательные глаголы, вопросительно-относительные местоимения способны реализоваться и как самостоятельные, и как служебные слова, то есть могут содержать P_8 ; имена типа *киши* 'человек', 'кто-то'; *нэң* 'вещь', 'что-то'; *өз* 'сердцевина', 'душа' и возвратное местоимение; наречия типа *анда* 'там', *анча* 'столько'; глаголы типа *андағ (мундағ) қыл-/эт-* 'делать так', *нэ қыл-/эт-* 'что делать' и другие семантически приближаются к местоимениям (то есть содержат P_9); в отглагольных именах, наречиях, в звательных и побудительных междометиях, в значительном большинстве звукоподражаний содержится оттенок процессуальности (P_{10})], либо же всем словам этой части речи присущи особенности, сближающиеся с маркой оппозиции (такowymi являются «осознанное коллективное смысловое содержание», сближающееся с P_{11} у междометий и звукоподражаний, оттенок образности и выразительности, соприкасающийся с P_{12} у звукоподражаний).

Оппозиции частей речи восточно-тюркского языка и набор оппозиционных признаков (дифференциальных сем) каждой части речи обобщены в таблице 2 (стр. 50).

№№	Части речи	Марки оппозиции (дифференциальные семы) и символы		Синтаксические		Морфологические					Семантические					Набор оппозиционных признаков (дифференциальных сем)
		Выражение синтаксических отношений (П ₁)	Подчинительность (П ₂)	Неизменяемость (П ₃)	Изменяемость по падежам (П ₄)	Сочетаемость с аффиксами принадлежности (П ₅)	Сравнительная степень (П ₆)	Залоговость (П ₇)	Синсемантичность (П ₈)	Дейτικότητα (П ₉)	Процессуальность (П ₁₀)	Обозначаемость (П ₁₁)	Эмоциональность (П ₁₂)			
1	Имена	=	=	0	+	+	0	=	0	0	0	+	=	+ + + 0 0 0 0 0 П ₄ П ₅ П ₁₁ П ₃ П ₆ П ₈ П ₉ П ₁₀		
2	Качественные прилагательные	=	=	0	+	+	+	=	0	0	0	+	=	+ + + + 0 0 0 0 П ₄ П ₅ П ₆ П ₁₁ П ₃ П ₈ П ₉ П ₁₀		
3	Местоназвания	=	=	0	+	0	=	=	0	+	=	-	=	+ + 0 0 0 П ₄ П ₉ П ₃ П ₈ П ₅		
4	Наречия	=	=	+	=	=	=	=	0	0	+	+	=	+ + 0 0 0 П ₃ П ₁₁ П ₈ П ₉ П ₁₀		
5	Глаголы	=	=	0	0	=	=	+	0	0	+	=	=	+ + 0 0 0 0 П ₇ П ₁₀ П ₃ П ₄ П ₈ П ₉		
6	Междометия	=	=	+	=	=	=	=	0	0	0	0	+	+ + 0 0 0 0 П ₃ П ₁₂ П ₈ П ₉ П ₁₀ П ₁₁		
7	Звукоподражания	=	=	0	0	=	=	0	0	0	0	0	0	0 0 0 0 0 0 0 0 П ₃ П ₄ П ₇ П ₈ П ₉ П ₁₀ П ₁₁ П ₁₂		
8	Частицы	0	=	+	=	=	=	=	+	=	=	=	=	+ + 0 П ₃ П ₈ П ₁		
9	Союзы	+	0	+	=	=	=	=	+	=	=	=	=	+ + + 0 П ₁ П ₃ П ₈ П ₂		
10	Послелогии	+	+	+	=	=	=	=	+	=	=	=	=	+ + + + П ₁ П ₂ П ₃ П ₈		

В этом наборе оппозиционных признаков взаимоисключающими (контрарными) являются следующие: 1) P_3 исключает P_4, P_5, P_6, P_7 ; 2) P_8 исключает P_9, P_{11} ; 3) P_9 исключает P_{11}, P_8 ; 4) P_{11} исключает P_8, P_9 .

Взаимоисключающие признаки, из которых только один маркирован, содержатся лишь в наборе оппозиционных признаков имен, качественных прилагательных, местоимений, наречий и глаголов. Выполнив операцию перевода нейтральных признаков из набора оппозиционных признаков части речи в периферийные при наличии в данной части речи маркированных признаков, исключающих нейтральные, получим ниже следующие данные (см. таблицу 3).

Таблица 3

№№	Части речи	Парадигматическое значение	Периферийные признаки
1	Имена	+ + + 0 0 $P_4 P_5 P_{11} P_6 P_{10}$	0 0 0 $P_3 P_8 P_9$
2	Качественные прилагательные	+ + + + 0 $P_4 P_5 P_6 P_{11} P_{10}$	0 0 0 $P_3 P_8 P_9$
3	Местоимения	+ + 0 $P_4 P_9 P_5$	0 0 $P_3 P_8$
4	Наречия	+ + 0 $P_3 P_{11} P_{10}$	0 0 $P_8 P_9$
5	Глаголы	+ + 0 0 0 $P_7 P_{10} P_4 P_8 P_9$	0 P_3

Как нами отмечалось в «Принципах описания морфологии...», периферийные признаки характеризуют элемент системы, когда он семантико-функционально соприкасается с другими элементами и частично нейтрализует свою сущность, отраженную в его парадигматическом значении. Рассмотрим теперь периферийные признаки частей речи, указанных в таблице 3.

У всех частей речи, кроме наречий, P_3 (неизменяемость) является периферийным признаком. Позиции нейтрализации словоизменительных категорий имен и местоимений, а также глаголов были перечислены выше. В этих позициях морфологические (словоизменительные) различия между именами, качественными прилагательными и наречиями стираются. Ср.: *тэмүр кэнд* (К-4606); *эдгү киши* (К-203) 'добрый человек'; *тэкмэ иг* (К-5865) 'всякая болезнь'; *кэңрү йол* (X-206) 'широкая дорога'; *йашру иш* (III, 38) 'тайное дело'. В этих примерах *тэмүр* является именем (лексико-семантическая группа имен вещественных), *эдгү* — качественным прилагательным, *тэкмэ* — местоимением, *кэңрү* и *йашру* — наречиями. Несмотря на то, что *тэмүр*, *эдгү*, *тэкмэ* обладают потенциальной способностью к словоизменению, а *йашру* и *кэңрү* ею не обладают, все эти слова в данной позиции грамматически идентичны. Поскольку различия между наречиями, качественными прилагательными и именами только морфологические (см. табл. 2), дифференциация этих частей речи в позициях нейтрализации словоизменительных категорий представляется невозможной и ненужной; такие случаи нейтрализации

выступают как консервативная сторона морфологических различий между именами, качественными прилагательными и наречиями, как следы прежних состояний нерасчлененности этих частей речи²³. Сущность последних и различия между ними отражаются в их парадигматическом значении, а не в периферийных признаках. Упуская из виду это обстоятельство, некоторые тюркологи иногда приходят к необоснованным выводам, в том числе к утверждению, что в тюркских языках якобы, например, имеются два слова-омонима *тэмур* — 1) 'железо'; 2) 'железный', три слова-омонима *көни* — 1) 'праведный'; 2) 'праведность'; 3) 'праведно' и т. д.

Периферийный признак «неизменяемость» (П₃) в глаголе характеризует деепричастия, являющиеся гибридными глагольно-наречными формами (В. В. Виноградов). Однако неизменяемость деепричастий неполная; как глагольные формы они сохраняют лексико-грамматическую форму залога. Нейтрализация глагольных словоизменительных категорий у деепричастий способствует их ускоренному переходу в наречия и употреблению некоторых нераспространенных деепричастий в функции наречия: *эвэ сөзләмэ* (X-179) 'не говори поспешно'; *сэчэ адра тутғыл* (K-5398) 'относись разборчиво'; *туға кормас эрди* (X-243) 'от рождения был слепым'.

У всех остальных частей речи, кроме глагола, П₃ (синсемантическая) является периферийным признаком. Это говорит о том, что имена, качественные прилагательные и наречия, когда они реализуются как послелогов, наречия — как союзы, частицы и модальные слова, а местоимения — как показатели определенности и союзные слова, — находятся на периферии противопоставления знаменательных частей речи по семантическому признаку, но сохраняют все грамматические особенности знаменательных слов, к которым они относятся. И в самом деле, в словосочетании *салабат ичиндэ умартэг* (X-27) [он] в упорстве подобен Омару' *ичиндэ* только семантико-функционально является послелогом, а морфологически — именем. В таких позициях имена, местоимения и наречия лишь семантико-функционально соприкасаются со служебными словами. На основании подобных периферийных случаев реализации нельзя делать вывод ни о потенциальной способности служебных частей речи к словоизменению, ни об исключении из состава служебных и знаменательных слов таких знаменательно-служебных элементов. Эти знаменательно-служебные элементы, находясь на периферии противопоставления собственно знаменательных и собственно служебных слов, выступают включенным третьим между ними, осуществляя системные связи между знаменательными и служебными словами.

Синсемантические (служебные, вспомогательные) глаголы в тюркских языках служат:

а) для аналитического глаголообразования (то есть функционально совпадают с глаголообразующими аффиксами),

б) для выражения различных модально-видовых оттенков значения и выражения характера протекания действия (то есть функционально совпадают с различными словоизменительными и формообразовательными аффиксами).

Вспомогательные глаголы, хотя и соприкасаются функционально с аффиксами, однако остаются в пределах глагольного словообразования

²³ Об этом см.: С. Н. Иванов. О сохранении в строе языка следов его прежних состояний. — «Советская тюркология», 1973, № 6, стр. 9—16.

и словоизменения. Это свидетельствует о большой степени грамматикализации обобщенной семантики глаголов — процессуальности. Поэтому P_{10} (процессуальность) не исключает P_8 (синсеманτικότητα), и данный признак как нейтральный включается в состав парадигматического значения глагола.

В отличие от морфологического периферийного признака P_3 (неизменяемость), который в определенных позициях стирает границы между некоторыми частями речи и выступает как консервативное начало в морфологической дифференциации частей речи, семантический периферийный признак P_8 (синсеманτικότητα) у знаменательных частей речи выступает в функции элемента роста, развития, превращения самостоятельных слов в служебные, а в последующем, возможно, и в аффиксы, возникновения новых грамматических форм и категорий.

Периферийный признак P_9 указывает на связь имен и наречий с местоимениями, что было продемонстрировано на приводившихся выше примерах.

Из парадигматического значения частей речи (см. таблицу 3) видно, что только оппозиция имен и качественных прилагательных является привативной при одном только различии: первые нейтральны по отношению к выражению степени качества, вторые имеют форму сравнительной степени (показателем которой в языке памятников является аффикс *-raq/-rak*). Это свидетельствует о значительной близости имен и качественных прилагательных. Обе эти части речи по семантическим потенциалам едины и различаются только морфологически. Такая близость имен и качественных прилагательных позволяет некоторым исследователям не отграничивать качественные прилагательные от других имен.

Оппозиции остальных частей речи на основе парадигматического значения являются эквиполентными.

Имена и наречия имеют только морфологическое различие, однако имена отличаются от наречий не одним (как это было с качественными прилагательными), а несколькими признаками.

Различие между именами и местоимениями касается в основном семантической стороны и почти не затрагивает морфологические особенности этих слов. Морфологически местоимения отличаются от имен только нейтральным P_5 (то есть ограниченностью сочетаемости с аффиксами принадлежности), положительно проявляющимся у некоторых местоимений.

Единственной частью речи, отличающейся от всех знаменательных слов выраженными семантическими и морфологическими признаками, является глагол. Поэтому он ярче и отчетливее других противопоставлен всем частям речи. Кроме того, глаголу не чужды основные морфологические категории имен и наречий, и благодаря этому он обладает развитой системой функциональных форм, обеспечивающих ему субъектно-объектное, атрибутивное, обстоятельственное и предикативное функционирование.

Несколько подробнее остановимся на частях речи, не включенных в таблицу 3 (см. таблицу 2).

Междометия характеризуются выраженными признаками «неизменяемость» (P_3) и «эмоциональность» (P_{12}). Если первый признак сближает междометия с наречиями и другими неизменяемыми словами, то второй относит их к средствам экспрессивности и субъективной модальности. Таким образом, междометия выступают включенным третьим в

противопоставлении номинативных и экспрессивных средств языка²⁴. О нейтральных признаках, содержащихся в парадигматическом значении междометий, говорилось выше.

Звукоподражания не имеют маркированных признаков и занимают особое место в системе знаменательных слов. В звукоподражаниях снимаются противопоставления всех знаменательных слов по семантическим, морфологическим признакам; они выступают как диффузные слова и могут выражать значения всех частей речи. Поскольку субъектно-объектное, атрибутивное, обстоятельственное (деепричастно-наречное) употребления звукоподражаний широко распространены в древних и современных тюркских языках и подробно описаны исследователями²⁵, мы не останавливаемся на вопросах реализации звукоподражаний в значениях имен, наречий и деепричастий, на их способности склоняться по падежам и т. д. Рассмотрим только глагольное употребление этих слов. В «Диване» Махмуда Кашгари, хотя и очень редко, но все же встречаются случаи употребления звукоподражаний,

вплотную приближающие их к глаголу: *təwəj əmiki jur-jur* (I, 448) '[из] вымени верблюдницы [молоко течет, издавая звуки] чур-чур'; ср. узб. диал. *дарвоза тақ-тақ кимдур келди*²⁶ '[в] ворота [стучат] тук-тук, кто-

то пришел'. В этих предложениях слова *jur-jur* и *тақ-тақ* семантико-функционально очень близки глаголу, но отличаются от него своей аморфностью²⁷. Тюркская система глагола, характеризующаяся, помимо семантического признака «процессуальность», еще и морфологической категорией залога и микросистемой функциональных форм, препятствовала развитию глагольного употребления аморфных звукоподражаний. Поэтому в современных тюркских языках и в языке памятников показатели функциональных форм глагола не могут присоединяться непосредственно к звукоподражательной основе, однако реликты этого явления сохранились в тюркских языках и были всесторонне исследованы Н. К. Дмитриевым²⁸.

Таким образом, звукоподражания своей полифункциональностью и нейтральностью по отношению ко всем основным категориям имен, местоимений и наречий сближаются с глаголами. Однако глагол обладает такой полифункциональностью благодаря показателям функциональных форм, звукоподражания же этих показателей не имеют, и их корень выступает диффузным. Поэтому эти знаменательные части речи, способные выражать значения всех остальных, в известной мере противостоят и

²⁴ Ср. учение А. Н. Самойловича о противопоставлении и группировке частей речи и аффиксов, анализ которого дан в работах: А. Н. Кононов. А. Н. Самойлович — грамматист. — «Советская тюркология», 1973, № 5, стр. 41—42; М. З. Закиев. Классификация частей речи и аффиксов в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1973, № 6, стр. 3—8.

²⁵ См., например: Р. Қўнгулов. Ўзбек тилида тасвирий сўзлар. Тошкент, 1966.

²⁶ М. М. Мирзаев. Ўзбек тилининг бухоро группа шевалари. Тошкент, 1969, стр. 69. В речи посетителей бухарского говора такое использование звукоподражаний встречается часто: *вадангравотта су: жир-жир* 'из водопроводного крана вода льется тонкой струей'.

²⁷ О подобных случаях реализации глагольных частиц в русском языке Л. В. Щерба писал: «...нет никаких оснований во фразе *а она трах его по физиономии!* отказывать *трах* в глагольности; это не что иное, как особая, очень эмоциональная форма глагола *трахнуть* с отрицательной (нулевой)... морфемой» (Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке. — В кн.: Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, стр. 78).

²⁸ Н. К. Дмитриев. К изучению турецкой мимологии. — В кн.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 65—71.

противоречат друг другу. Глаголы имеют специальные функциональные формы для сближения с именами, прилагательными и наречиями, звукоподражания же выступают диффузными словами, нейтральными по отношению ко всем морфологическим категориям. Глагол представляет собой кульминационную точку нынешнего состояния семантико-морфологических признаков дифференциации частей речи, а звукоподражания сохраняют отпечаток их древнейшей нерасчлененности. Поскольку диффузные и аморфные звукоподражания могут выражать значения всех знаменательных частей речи, они выступают как общий представитель (репрезентант) знаменательных слов и в них противопоставление знаменательных частей речи снимается. Поэтому у звукоподражаний (как диффузного и общего представителя знаменательных слов) нет служебно-знаменательных элементов (то есть подгруппы слов, способных как к самостоятельному, так и к служебному функционированию)²⁹, и нейтральность звукоподражаний по отношению к П₈ («синсемантичность») имеет совершенно отличный от остальных частей речи характер, о чем говорилось выше.

Частицы не имеют маркированных синтаксических признаков. Поэтому их можно лишь условно отнести к служебным словам наряду с послелогом и союзами, основываясь на присущей им синсемантичности.

Послелогом не имеют никаких нейтральных признаков. Будучи лишены способности развиваться как слова и утрачивая по мере развития свое лексическое значение, они превращаются в морфологические элементы. Поэтому послеложные конструкции нередко семантико-функционально становятся аналитическими синонимами синтетических морфологических форм, и «словесность» послелогов (как и предлогов) оспаривается многими исследователями.

На основании анализа соотношения частей речи в восточно-тюркском языке XI—XII вв. можно прийти к следующим выводам.

1. Классификация частей речи одновременно по трем (семантическим, морфологическим и синтаксическим) признакам порождает некоторые противоречия, что связано с относительной автономностью каждой из этих сторон слова в восточно-тюркском языке. Поэтому последовательная классификация возможна только на основе одного из этих классификационных признаков. В результате такого деления в каждом случае образуется отдельная семантическая, морфологическая и синтаксическая группа слов.

2. По семантическим потенциалам в восточно-тюркском языке выделяются семь, по морфологическим потенциалам — семь, а по синтаксическим — три словесные группы.

3. В языке рассматриваемой эпохи наряду с частями речи, отличающимися от других специфическими семантическими и морфологическими особенностями (глаголы), имеются и такие части речи, которые отличаются только семантически (местоимения) или морфологически (качественные прилагательные и наречия).

4. В микросистеме частей речи наряду с наличием элементов роста сохраняются и реликты прошлого — диффузного состояния частей речи. Это наиболее отчетливо проявляется в звукоподражаниях.

5. Части речи восточно-тюркского языка существуют не изолированно друг от друга, а имеют множество точек соприкосновения. Благодаря

²⁹ Кроме того, это связано еще с отсутствием понятийного содержания у звукоподражаний.

семантико-грамматическим общностям, отражающимся в семах парадигматического значения и в периферийных признаках каждой части речи, достигается взаимосвязь частей речи, целостность и непрерывность всей системы. Такие семантико-грамматические общности между частями речи выступают включенным третьим в их противопоставлении, в котором противоречие между этими частями речи снимается.

6. Предложенная система выявления дифференциальных сем парадигматического значения и периферийных признаков каждой части речи предполагает наличие элементов роста и реликтов прошлого у каждой части речи, диалектического единства разнородных сем, диалектику общего и особенного.

7. Примененный метод изучения частей речи позволяет определять сущность каждой из них через дифференциальные признаки (семы). Определение сущности частей речи как пучков дифференциальных сем (оппозиционных марок) отражает тесные взаимосвязи между ними полнее, нежели изолированный подход к каждой части речи с так называемым трединым критерием.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

М. И. ТРОФИМОВ

ОБ ОФОРМЛЕНИИ ВОКАЛИЗАЦИИ РУСИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Вокализации русизмов в современном уйгурском языке посвящены две статьи И. А. Исмаилова¹. Отдельные замечания по этому вопросу можно найти и у других авторов. В настоящей статье автор, не претендуя на многое, пытается дать лишь предварительную классификацию наблюдаемых в данной области фонетических закономерностей. В статье использован лексический материал, приведенный в упомянутых работах, главным образом из семиреченского говора.

Вопрос о правописании русизмов в уйгурском языке возник еще в начале 30-х годов² при переходе на латинский алфавит. Н. А. Баскаков в статье, посвященной этому событию, уже тогда отметил две обнаружившиеся при этом тенденции³. Позднее, в процессе перехода на русскую графику (1947 г.) и последующего усовершенствования уйгурской орфографии (1958 г.)⁴ был окончательно сформулирован основной принцип правописания заимствованных русских слов, сводившийся к следующему: русизмы, вошедшие в уйгурский язык задолго до революции и претерпевшие при этом значительные фонетические изменения, сохраняют свой устоявшийся облик, тогда как более поздние русские заимствования должны употребляться в уйгурском языке без изменения того фонетического облика, который они имеют в языке-источнике⁵. Этот принцип объ-

¹ И. А. Исмаилов. Уйгур тилигә рус тилидин кирип озләшкән сөzlәрниң фонетикалик вә морфологиялик өзгиришлири хәккидә. — «Вопросы казахского и уйгурского языкознания. Труды Института языкознания Академии наук Казахской ССР», т. 3. Алма-Ата, 1963; *его же*. Заметки о русских лексических заимствованиях в современном уйгурском языке. — В сб.: «Исследования по уйгурскому языку». Алма-Ата, 1965 (в дальнейшем соответственно — «Исмаилов—63» и «Исмаилов—65»).

² Резолюция и материалы 2-й Всеуйгурской научно-орфографической конференции, созванной ЦК НТА 13—18 мая 1930 г. в Алма-Ате. Кызыл-Орда, 1932, стр. 26 (доклад Л. Энсари).

³ Н. А. Баскаков. Узловые вопросы уйгурской орфографии. — В сб.: «Просвещение национальностей», 1935, № 3, стр. 28.

⁴ А. Шамиева, Х. Махмудов. Вопросы орфографии современного уйгурского литературного языка. — «Известия Академии наук Казахской ССР», № 85, серия уйгуро-дунганской культуры, вып. 1. Алма-Ата, 1950, стр. 17 (в дальнейшем — «Шамиева»); С. К. Кенесбаев, А. Т. Кайдаров. О новой уйгурской орфографии. — «Известия Академии наук Казахской ССР», серия филологии и искусствоведения. Алма-Ата, 1960, вып. 2 (15), стр. 91—92 (в дальнейшем — «Кенесбаев»).

⁵ Г. Сэдвакасов. Уйгур әдәби тилиниң имла кәндиллири. Алмута, 1961, стр. 16 (в дальнейшем — «Сэдвакасов имла»); И. А. Исмаилов, 1963, стр. 135; Э. Қайдаров. Уйғыр әдәби тилиниң дамуына орыс тилиниң ықпалы. — «Қазақстан коммунисі». Алматы, 1963, № 7, стр. 71 (в дальнейшем — «Қайдаров, Қазақстан»).

яснялся тем, что слова первой группы проникали в уйгурский язык в основном устным путем из просторечья, тогда как слова второй группы заимствовались уже из русского литературного языка. Существенную роль в этом процессе играл, конечно, образовательный уровень конкретного носителя данного языка.

В связи с этим материал, приводимый И. А. Исмаиловым и другими авторами, подразделялся на две неравные части: старый пласт русизмов и их более новый пласт. Необходимо, однако, оговориться, что хотя в указанных выше работах заимствованные слова приводятся не транскрибированными, а «орфографированными», все же, в известной мере, об их произношении судить можно. Первые русские слова осваивались уйгурским языком, когда уйгуры были мало знакомы с артикуляционной базой русского языка. В таких случаях меньше всего можно говорить о регулярности фонетических переходов. С другой стороны, эти лексические заимствования откristаллизовались в уйгурском языке, окончательно фонетически оформились.

Звуковой же облик слов второй группы (несомненно, более многочисленных) носит часто окказиональный характер, и здесь заметно больше дублетов. Чрезвычайный теоретический интерес представляет анализ на конкретном лексическом материале взаимодействия двух типологически различных артикуляционных баз и, так сказать, «перекодирования» слов одного языка при помощи артикуляционных средств другого. Теоретические обобщения в данной области могут претворяться и в практические выводы, имеющие значение, например, для преподавания русского языка в уйгурской школе.

В настоящей статье рассматривается главным образом лексика второй группы и лишь в необходимых случаях привлекаются в качестве примеров слова первой группы.

Звук [и], как и все узкие гласные русского языка, не подвергается качественной редукции и передается уйгурским *и*: *пинчасть* — финчасть (Исмаилов — 65, 107), *митин* — митинг (Исмаилов — 65, 108), *наборщик* — наборщик (Исмаилов — 65, 135). Имеется единичный пример из числа более старых заимствований, когда ударный [и] в первом слоге преобразуется в уйгурское *е*: *писир* — писарь (Исмаилов — 65, 107). (Отметим, что противоположных примеров, когда ударный русский [е] передается уйгурским кратким *и*, гораздо больше. Это позволяет предположить, что сохранение длительности гласного при фонетическом оформлении русских слов в уйгурском языке не является в таких случаях необходимым условием).

Замены безударного [и] в конечном открытом слоге широким *а* в некоторых словах будут рассмотрены ниже (*сутки* — *сутка* и т. п.). Известен также единичный пример из числа старых заимствований, когда безударный [и] в конечном закрытом слоге преобразовался в [ä]: *чайник* — *чэйнэк* (Исмаилов — 65, 105).

В уйгурском языке звук [е] в непервых слогах не встречается, поэтому ударный русский [е] в этой позиции заменяется ближайшим гласным переднего ряда — *и*: *этажерка* — *этажерка* (Исмаилов — 63, 133), *анкит* — анкета, *панир* — фанера, *дириктир* — директор, *резирип* — резерв (Исмаилов — 63, 134), *виласипит* — велосипед, *исмина* — смена, *разйиз* — разъезд, *кэнварт* — конверт (Исмаилов — 63, 135), *штиблит* — штилеты (Исмаилов — 65, 105), *этдил* — отдел, *жинэтдил* — женотдел, *кэллигийиси* — коллегия, *эртил* — артель (Исмаилов — 65, 106), *исмита* — смета (Исмаилов — 65, 107), *истудинт* — студент (Исмаилов — 65, 108), *сийиз* — съезд (Исмаилов — 63, 134, 65, 108), *партбе-*

лит — партбилет (Исмаилов — 65, 109), *сапсим* — совсем⁶, *инджинир* — инженер (Аганина дисс., 108). Из более распространенных заимствований можно отметить *гезит* — газета (Исмаилов — 63, 134; Кенесбаев — 63, 91), в котором проявляется также действие негубного умлаута, *тэлиңкэ* — тарелка (Исмаилов — 65, 105). В последнем примере следует отметить перемещенные ударения. Вероятно, сюда же следует отнести и слово *иликтир* — электричество (Исмаилов — 63, 133). Благодаря усечению слова второстепенное ударение, выступающее в некоторых словах с этим корнем (электростанция и т. п.), становится главным, и ударное [е] опять-таки превращается в и.

Почти единственный пример, когда [е] дает и в первом слоге — *слисэр* — слесарь (Исмаилов — 65, 109). Из более старых заимствований можно указать только *чирко* — церковь (Исмаилов — 63, 135). В последнем примере следует также учесть перемещение ударения. Наши сведения относительно ударения в уйгурском языке пока недостаточны, и поэтому анализировать подобные примеры особенно трудно.

Имеется пример, в котором русский ударный [е] дал в уйгурском у: *кэмпүт* — конфета (Исмаилов — 63, 134). Подобное явление можно рассматривать как результат взаимодействия двух процессов: первый — уже упомянутая трансформация ударного русского [е] в узкий и, второй — лабиализация узкого и под влиянием соседнего губного согласного, причем в силу действия нёбной гармонии этот губной выступает в виде переднерядной фонемы.

Встречаются случаи, когда ударный [е] дает э (Исмаилов — 63, 134), например, в конечном слоге основы: *белэт* — билет, *семэнт* — цемент (с ударением на втором слоге) (Қайдаров, Қазақстан — 71). В старом заимствовании *көпэс* — купец (Исмаилов — 63, 134; Исмаилов — 65, 109) то же явление сочетается с расширением губного гласного в первом слоге. Переход гласного в передний ряд объясняется действием сравнительно переднего [к]. Среди более старых заимствований имеются примеры, когда русский ударный [е] дает э в первом слоге: *сэрэңгэ||сэрэңкэ* — спички («серники») (Сэдвакасов имла 16, 25; Кенесбаев, 91) и в односложном слове с закрытым слогом: *мэш* — печь (Исмаилов — 63, 134; Исмаилов — 65, 105). Звук [е] в закрытых слогах семиреченского говора встречается очень редко.

В отдельных единичных случаях ударный [е] дает а, например: *тралавуз* — троллейбус (Аганина дисс., 94). Возможно, здесь сказалось влияние аналогии с *паравуз* — паровоз (см. ниже). В старом заимствовании *ояз||ююз* — уезд (Исмаилов — 63, 134) гласный второго закрытого слога (в противоположность примеру с *көпэс*) перешел в задний ряд, причем образовались два факультативных варианта слова, в одном из которых выступает широкий гласный, а в другом — узкий, возникший как результат действия губной гармонии.

Фонема [е] в безударной позиции, когда она, как известно, дает звуки [и^э] или [ь], близкие к звуку [и], в уйгурском в большинстве случаев передается через и (Исмаилов — 63, 133—134): а) в слабой позиции первой степени: *звико* — звено (Исмаилов — 65, 107), *тилиграф* — телеграф (Исмаилов — 65, 106), *гинирал* — генерал, *рипорма* — реформа, *характеристика* — характеристика (Исмаилов — 63, 134), *итаж* — этаж, *икран* — экран (Исмаилов — 63, 133); б) в слабой позиции второй степени: *сентир* — центнер (Аганина дисс., 107), *семинт* — цемент (Исмаилов — 63, 134), *таблицик* — табельщик (Исмаилов — 65, 109). Сюда

⁶ Л. А. Аганина. Уйгурские диалекты Казахской ССР (Чиликский р-н). Канд. дисс. М., 1954, стр. 105 (далее — «Аганина дисс.»).

же примыкает случай, когда фонема [а] под действием *j* или мягкого согласного дает звук переднего ряда, например, *сейилка* — сеялка [с'э́йлькъ] (Исмаилов — 65, 107). Иногда этимологический [е] сохраняется (очевидно, под влиянием орфографии): *педагок* — педагог (Исмаилов — 63, 135). Более того, *e* может возникнуть и там, где он соответствует этимологическому [и]: *беләт* — билет (Исмаилов — 63, 134), *гегант* — гигант (Исмаилов — 65, 109). Это происходит в результате ложной аналогии, а также и потому, что и в уйгурском языке чередование *e||и* существует в начальных открытых слогах (*немә* — *нимә* и т. п.). В отдельных случаях причиной сохранения или появления *e* является, по-видимому, модель с последовательностью гласных *e — э* (*керәк, немә*), например, *семәнт* — цемент (с ударением на втором слоге) (Қайдаров, Қазақстан, 71), *беләт* — билет (см. выше).

Русскому безударному [е] в уйгурской передаче может также соответствовать *э* именно в конце слова после *j* (Исмаилов — 63, стр. 134): *правление* — *правление* (Исмаилов — 63, 134; Исмаилов — 65, 107), *страхование* — *страхование* (Исмаилов — 63, 134), *восстание* — *восстание* (Исмаилов — 65, 108). Это можно объяснить, с одной стороны, стремлением избежать конечного *e*, а с другой стороны — общей тенденцией к расширению гласных в конечных открытых слогах корня: *тулки* — *тулкә*, *кирпи* — *кирпә*, *алти* — *алтә* и т. д. В одном примере безударный *e* в среднем слоге трансформировался в *a*: *землемер* — *землемер* (Исмаилов — 65, 107).

Встречаются также отдельные случаи, когда безударный [е] дает *ө*: *дежурный* — *дежурный* (Аганина дисс., 108), *челнок* — *челнок* (Кенесбаев, 91). В обоих примерах можно предположить параллельное воздействие нескольких процессов. В первом случае происходит, с одной стороны, палатализация гласного второго слога под влиянием переднерядного гласного первого слога и согласного *Дж*, а с другой стороны — регрессивная ассимиляция первого слога по губному признаку под влиянием гласного второго слога. Во втором случае произошла метатеза гласных двух слогов и опереднение гласного *o* благодаря воздействию другого гласного, а также под влиянием согласных *ч* и *к*. Поскольку наличие *o* в конечном закрытом слоге противоречит законам уйгурского языка, слово неизбежно должно было изменить свой облик; появление же именно такого варианта перестройки можно объяснить своего рода вторичной этимологизацией с использованием комплекса *-мак*.

Русский ударный [а] дает в уйгурском языке в большинстве случаев *a*, в частности, в односложных словах: *таз* — *таз* (Исмаилов — 65, 105), *устан* — *устан* (Исмаилов — 63, 134), *бульвар* — *бульвар* (Исмаилов — 65, 109), *финчасть* — *финчасть* (Исмаилов — 65, 107). Однако иногда может происходить палатализация [а], то есть переход *a > э*: *отряд* — *отряд* (Исмаилов — 63, 135), *союзпечать* — *союзпечать* (Исмаилов — 65, 107), *фартук* — *фартук* (Исмаилов — 65, 108), *операция* — *операция* (Исмаилов — 65, 109), *трактор* — *трактор* (Қайдаров, Қазақстан, 71). Это отчасти может объясняться воздействием мягких или передних согласных: в слове *отряд* — влиянием мягкого *p*, в слове *союзпечать* — воздействием мягких *t* и *ч*, в слове *операция* — дистантным влиянием *n* и *j*, в слове *трактор* — воздействием более переднего уйгурского *k*. Из старых заимствований можно привести пример *ярмарка* (Сэдвакасов имла, 16; Кенесбаев, 91). Здесь в качестве палатализирующего фактора выступают согласные *j* и *k*. Впрочем, в слове *комиссариат* — *комиссариат* (Исмаилов — 65, 106) в ударном конечном слоге сохранился *a*. Г. Садвакасов приводит пример из ферганского говора: *ку-*

лақ — кулак⁷. Следует учесть, что подобная палатализация гласного *a* вообще характерна для ферганского говора⁸.

Ударный [o] в первом слоге дает, как правило, *o*: *пронт* — фронт (Исмаилов — 65, 109), *борш* — борщ (Аганина дисс., 108), *окрук* — округ (Исмаилов — 63, 135). Ударный [o] в непервых слогах дает *y* (Исмаилов — 63, 134): *калхуз* — колхоз, *камсамул* — комсомол (Исмаилов — 63, 133), *тилипун* — телефон, *пракурур* — прокурор, *гардируп* — гардероб (Исмаилов — 63, 134), *завут* — завод, *варунка* — воронка, *агаруг* — огород, *истанук* — стапок, *гилубус* — глобус (Исмаилов — 63, 135), *мананулийэ* — монополия, *силхозналуги* — сельхозналог, *субутник* — субботник (Исмаилов — 65, 106), *расхудо||расқут* — расход (Исмаилов — 65, 106, 108), *агранум* — агроном, *талун* — талон (Исмаилов — 65, 107), *параузо||паравуз* — паровоз (Исмаилов — 63, 135; Аганина дисс., 105). Из более укоренившихся заимствований можно указать *пэтмис* (Исмаилов — 65, 108; Аганина дисс., 119) || *пэтнүс* (Шамиева, 26) — поднос. В последнем варианте проявляется также действие прогрессивной нёбной гармонии.

Известен случай, когда [o] дает *y* в слоге, на который в русском языке падает второстепенное ударение: *грумаотвут* — громоотвод (Исмаилов — 65, 108). Возможно, что это происходит под влиянием соседнего губного согласного. Имеются отдельные примеры, в которых ударный *o* в непервом слоге сохраняется: *аптобус* — автобус (Исмаилов — 63, 134), *наборшик* — наборщик (Исмаилов — 63, 135), или же ударный *o* в первом слоге трансформируется в *y*: *прунт* — фронт (Исмаилов — 65, 107). В семиреченском говоре Г. Садвакасовым отмечена палатализация ударного [o]: *қартөшкэ* — картошка (Садвакасов, Фергана, 46), происходящая, по-видимому, под воздействием гласных *и* и *к*.

В иных случаях ударный [o] переходит в широкие гласные *a* или *э*, в частности в средних слогах: *пилалук* — филолог (Исмаилов — 63, 135), *бараметир* — барометр (Исмаилов — 65, 108), *варэнкэ* — воронка (Аганина дисс., 105). Если в приведенных выше примерах происходило сужение гласного при сохранении лабиальности, то здесь, наоборот, сохраняется его открытость, но утрачивается лабиальность (или, как в слове *пилалук*, лабиальность переходит на последний слог). Палатализация гласного *варэнкэ* может быть объяснена воздействием более переднего согласного *к*. Нечто подобное, видимо, происходит и в первом слоге слова *пайиз* — поезд (Исмаилов — 63, 134): при сохранении негубного характера второго слога утрачивается лабиальность в первом. Кроме того (это касается всех последних примеров), возможно, что по длительности ударному русскому [o] в большей степени соответствует уйгурский *a*, нежели *o*.

Имеются два примера из числа старых заимствований с закрытым конечным слогом: *калаш* — калоши или резина (Исмаилов — 65, 105) и *мишкап* — мешок⁹ (восходит к форме 'мешков', сочетающейся с количественными числительными). Еще в одном старом заимствовании *устэл* — стол (Исмаилов — 63, 135; Исмаилов — 65, 105; Кенесбаев, 91) ударный [o] также переходит в уйгурском в широкий гласный; лабиальность же воспринимается как протеза. Одновременно артикуляция всего слова перемещается в передний ряд (возможно, под воздействием сог-

⁷ Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины. Алма-Ата, 1970, стр. 46 (в дальнейшем — «Садвакасов, Фергана»).

⁸ Там же, стр. 29.

⁹ «Уйгурско-русский словарь». Алма-Ата, 1961.

ласных). Генезис фонетического оформления этого слова неясен, хотя и напрашивается некоторая аналогия с историей слова *чөлмәк*. Здесь можно также предположить посредство какого-то другого тюркского языка. В слове *вина* — вино (Аганина дисс., 105) широкий переднерядный гласный выступает в конечном открытом слоге, что вообще характерно для уйгурского литературного языка (*бәрә, түлкә, жуңда*) и может объясняться также воздействием переднерядного звука в первом слоге. В примере *духавай әркистир* — духовой оркестр (Исмаилов — 65, 107) расширение гласного может объясняться стремлением сохранить *й*, находящийся в очень невыгодной имплозивной позиции.

Встречаются только два случая заимствования из русского, где ударный [о] следует в русском слове после мягкого согласного, а именно: *путенка* — путевка (Исмаилов — 63, 134) и *манивир* — манёвр (Исмаилов — 65, 107). В обоих случаях в уйгурском возникли гласные переднего ряда. Таким образом, в противоположность словам *дәҗүрнәй* и *чөлмәк*, образовался переход, обратный $e > \text{ө}$ (см. выше); очень возможно, что здесь сказывается и воздействие орфографического фактора.

Русские безударные [а/о] передаются в большинстве случаев уйгурским *а* (Исмаилов — 63, 133). В связи с тем, что русские редуцированные звуки среднезаднего ряда имеют меньший подъем, чем уйгурский *а*, наблюдается некоторое расширение гласного. При этом иногда в русской орфографии также выступает [а], и поэтому в данном случае можно предположить также влияние орфографического фактора; в других же случаях этот фактор, очевидно, отсутствует, так как в русской орфографии выступает [о].

Данный процесс может происходить: а) в первом предударном слоге и в абсолютном начале слова, то есть в слабой позиции первой степени, в словах с ударением на последнем слоге (звук [Λ]): *трамбай* — трамвай (Аганина дисс., 105), *рапнак* — рабфак (Исмаилов — 65, 106), *парат* — парад (Исмаилов — 65, 109), *пассил* — пассив (Исмаилов — 63, 134), *гармон* — гармонь, *пасон* — фасон (Исмаилов — 65, 109), *қамут* — хомут (Исмаилов — 65, 105), *салдат* — солдат, *пантан* — фонтан, *панар* — фонарь (Исмаилов — 63, 133), *акоп* — окоп (Исмаилов — 65, 105), *самавар* — самовар (Исмаилов — 65, 105), *камандир* — командир (Исмаилов — 65, 107), *испалком* — исполком, *абарот* — оборот (Исмаилов — 65, 106); б) в слабой позиции второй степени, то есть в остальных предударных и во всех заударных слогах (звук [ь]): *аптамабил* — автомобиль (Исмаилов — 63, 134), *чотка|шотка* — щетка (Қайдаров, Қазақстан, 71; Исмаилов — 65, 107; Аганина дисс., 108; Исмаилов — 63, 135), *вотка* — водка (Аганина дисс., 105), *пошта* — почта (Аганина дисс., 116), *булапка* — булавка (Аганина дисс., 97), *каммуна* — коммуна (Исмаилов — 65, 106), *каласка* — коляска (Исмаилов — 65, 109), *палма* — пальма (Исмаилов — 65, 109), *пабрика* — фабрика, *пизика* — физика (Исмаилов — 63, 134). В некоторых случаях сохраняется *о*, что может быть объяснено воздействием орфографического фактора: *вадапровот* — водопровод, *аратор* — оратор (Исмаилов — 65, 109), *прапоршик* — прапорщик (Исмаилов — 63, 135). В старом заимствовании *ғоҗаин* — хозяин (Аганина дисс., 112) сохранение *о* объясняется, скорее всего, аналогией с исконным *ғоҗа*. В другом старом заимствовании *чирко* — церковь (Исмаилов — 63, 135) появление уйгурского *о* на месте русского безударного [о] связано, видимо, с влиянием исчезнувшего конечного губного согласного и оформлением данного слова по модели *бирәв* — *би́ро*, *көму́р* — *көмө* и т. д.

Другой способ воспроизведения в уйгурском языке редуцированного [а] — передача его с помощью широкого гласного переднего ряда *ә*.

Большинство примеров восходит к русским словам женского рода с конечным безударным сочетанием [-ия] (с основой, оканчивающейся на $u+j$ и окончанием a): *партийэ* — партия, *милицийэ* — милиция, *лексийэ* — лекция, *аппазитсийэ* — оппозиция, *контрактатсийэ* — контрактация (Исмаилов — 65, 106), *авиатсийэ* — авиация, *консультатсийэ* — консультация (Исмаилов — 65, 107), *гимназийэ* — гимназия (Исмаилов — 65, 108), *редаксийэ* — редакция, *акатсийэ* — акация, *ивалутсийэ* — эволюция (Исмаилов — 63, 135). Исключением является лишь слово *йаровизатсийа* — яровизация (Исмаилов — 65, 107). Появление ε вместо безударного [а] в данных примерах связано, по-видимому, с воздействием j , в результате которого артикуляция гласного перемещается вперед и вверх. Ч. Г. Сайфуллин¹⁰ считает неправильным присоединение к словам этого типа переднерядных вариантов аффиксов, так как русская буква [я] обозначает сочетание $j+a$. Возможно, он недостаточно учитывает палатализующее и опередняющее воздействие j .

В некоторых случаях соответствие русских безударных [а/о] уйгурскому ε не объясняется влиянием j . При этом можно отметить случаи как слабой позиции первой степени — [Λ], так и слабой позиции второй степени — [ъ]: *эртис* — артист, *батис* — батист (Исмаилов — 63, 135), *кэ-мисийэ* — комиссия (Исмаилов — 65, 105), *кэпиратип* — кооператив, *силхозкэпирэтсийси* — сельхозкооперация, *почтэ* — почта (Исмаилов — 65, 106), *резинкэ* — резинка, *картинкэ* — картинка (Аганина дисс., 119). Это объясняется следующим обстоятельством: хотя уйгурские фонемы a и ε относятся к нижнему подъему, тем не менее ε всегда несколько более закрыто. Это различие в подъеме и используется для передачи различия, существующего в русском языке между полным и редуцированным гласными.

Известны также примеры передачи безударного [о] в конечном закрытом или среднем открытом слоге через u : *тирактир* — трактор, *дириктир* — директор (Исмаилов — 63, 134), *сельсивит* — сельсовет (Аганина дисс., 105). Еще один подобный пример приводит Г. Садвакасов из ферганского говора: *вадықашқа* — водокачка (Садвакасов, Фергана, 46). По всей вероятности, данные слова проникли в уйгурский язык устным путем.

В ряде случаев безударный [о] переходит в u : *курнит* — корнет, (Исмаилов — 65, 109), *кэнсирватур* — консерватор (Исмаилов — 65, 106). Первый пример, возможно, свидетельствует о четком, лишенном редукации произношении, соответственно нормам времени, когда это слово существовало в живой речи, а второй — может быть объяснен, с одной стороны, воздействием орфографического фактора, а с другой — тем обстоятельством, что уйгурский u короче русского и приближается по долготе к русскому редуцированному [ъ]. К старым заимствованиям относится и слово *бархут* — бархат (Исмаилов — 63, 135), в котором краткий уйгурский u передает заударный [ъ], восходящий к [а]. Последнее соответствие связано с близостью обоих звуков по долготе. Встречается также факультативный вариант *бэрхут* с палатализацией губного в конечном слоге в результате воздействия прогрессивной нёбной гармонии.

Фонема [у], не подверженная в русском языке качественной редукации, в большинстве случаев передается, как в ударных, так и в безударных слогах, уйгурским u : *устан* — устав (Исмаилов — 63, 134), *булвар* — бульвар (Исмаилов — 65, 109), *окрук* — округ (Исмаилов — 63, 135), *автобус* — автобус (Исмаилов — 63, 134). Фонема [у] в слове «бюджет»

¹⁰ Ч. Г. Сайфуллин. Уйгур тилинин имласи билэн элипбәсигә бази бир өзгирншләрни киргүзүш тоғрилик. Алмута, 1958 (на правах рукописи), стр. 8—9.

передается уйгурским *y*: *бўджит* (Исмаилов — 65, 106); причем мягкий русский [б] становится твердым, а гласный вопреки ожиданию не переходит в передний ряд. Аналогичный пример имеется и в числе более старых заимствований — *дуйум* — дюйм (Исмаилов — 65, 108). Если бы подобных примеров было достаточно много, то можно было бы сделать вывод, что русские мягкие согласные не способны палатализовать уйгурские гласные, в то время как отдельные уйгурские согласные такой способностью, видимо, обладают, в частности *ч* и *ж* (известно, что в русском языке [ж] всегда твердый). В качестве антитезы можно привести слово *учаска* — участок (Садвакасов, Фергана, 42), в котором согласные *ч* и *к* приводят к палатализации гласных во всем слове.

В отдельных случаях наблюдается расширение *y > o* в первом слове: *бомуза* — бумазая (Исмаилов — 63, 135), *помазей* — бумазая (Аганина дисс., 94), *топлей* — туфли (Аганина дисс., 97), *ботулка* — бутылка (Исмаилов — 65, 105). Из более старых заимствований можно указать *дога* — дуга (Сэдвакасов имла, 16), а также *сот* — суд (в односложном слове) (Кенесбаев, 91).

В уйгурской графике нет особого знака для обозначения звуков, близких к [ы]. Поэтому русский [ы] обозначается уйгурским *и*: *сир* — сыр, *музика* — музыка, *тил* — тыл, *отзип* — отзыв (Исмаилов — 63, 134), *сиган* — цыган (Исмаилов — 63, 135), *асоби этдил* — особый отдел, *коммунальни* — коммунальный, *водни* — водный (Исмаилов — 65, 106), *манастир* — монастырь (Исмаилов — 65, 109), *касикка* — косынка (Аганина дисс., 119).

Изредка встречаются случаи, когда русский ударный [ы] выражается через *y*, например: *ботулка* — бутылка (Исмаилов — 65, 105), *посулка*||*пасилка* — посылка (Исмаилов — 63, 134). В первом случае это может быть объяснено влиянием прогрессивной губной гармонии, а во втором — лабиализующим воздействием губного согласного.

И. А. Исмаилов отмечает, что существительные, употребляющиеся в русском языке только (или чаще всего) во множественном числе, в уйгурском языке могут оформляться тремя способами (Исмаилов — 63, 139): 1) сохраняется гласный [и], представляющий в русском языке окончание множественного числа: туфли, коньки, носки; 2) гласный [и] (или [ы]) просто отпадает: *курант* — куранты, *алимент* — алименты, *шахмат* — шахматы, *шпрот* — шпроты, *трусик* — трусики, *шаровар* — шаровары; 3) узкий гласный заменяется широким: *кавычка* — кавычки, *скобка* — скобки, *пима* — пимы, *консерва* — консервы, *сутка* — сутки (Исмаилов — 63, 139). Из более старых заимствований сюда относятся *божа*||*божа* — вожжи (Исмаилов — 63, 135; Исмаилов — 65, 109) и *сэрәңгә*||*сэрәңкә* — спички ('серники') (Сэдвакасов имла, 16, 25; Кенесбаев, 91). Таким образом, русское окончание множественного числа уже не воспринимается в уйгурском языке как таковое и полностью лексикализуется.

Синкопы конечного гласного следует рассмотреть особо. Что же касается замены узкого гласного широким, то это, видимо, связано с общей тенденцией расширения гласных в корнях, оканчивающихся на открытый слог: *бөри*||*бөрә*, *кирни*||*кирпә*, *тулки*||*тулкә*, *асранди*||*асранда*.

Остановимся еще на одном примере передачи безударного [ы] через *a*: *кобиркутубай* — коверкотовый (Аганина дисс., 105). Так же, как и в примере *духавай* (см. выше), появление здесь *a* может быть объяснено тенденцией к закреплению позиции конечного *й*.

По-видимому, все гласные в заударных конечных слогах могут трансформироваться в *y*, если существуют условия для проявления губной гармонии: *опус* — обыск (Исмаилов — 63, 135; Исмаилов — 65, 109), *дом*

отдох — дом отдыха (Исмаилов — 65, 107), *облус* — область (Кенесбаев, 91), *пойуз* — поезд (Исмаилов — 63, 134). В примере *семун* — цемент (с ударением на первом слоге, которое иногда практикуется в русском слове) (Аганина дисс., 107) лабиализация является результатом ассимилирующего воздействия губного согласного. Из более старых заимствований можно указать *болус* — волость (Исмаилов — 63, 135) и *дохтур* — доктор (Исмаилов — 65, 105)¹¹.

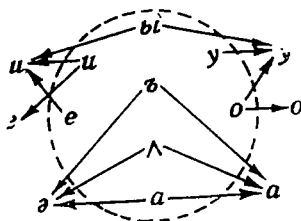
На основании вышензложенного можно сделать следующие выводы:

1. При исследовании вокализации русизмов в уйгурском языке следует различать ударные и безударные русские гласные. Ударные гласные передаются ближайшим уйгурским гласным (за исключением [e]). В передаче безударных гласных заметно влияние редукции.

2. Русские полуширокие звуки [e, o] в непервых слогах заменяются ближайшими уйгурскими гласными *и, у*.

3. При оформлении вокализации русских заимствований наблюдается и воздействие существующих лексических моделей, например, слово *белат* оформляется по модели *керак* (последовательность *e — а*), в слове *страхованийэ* заударный [ь] переходит в уйгурском в *э*, часто встречающийся в исходе уйгурских слов, например, *тулкэ, кирнэ* и т. п. Этим, в частности, можно объяснить расширение гласных в конце слова в таких словах, как *сутка, духавай* и др.

4. Основные процессы трансформации гласных, происходящие при заимствовании русских слов, могут быть изображены приблизительно следующей схемой (в центре расположены звуки и фонемы русского языка, а по периферии — уйгурского):

Отсутствие на схеме губных звуков переднего ряда *ө* и *ү* объясняется тем, что в русских заимствованиях они возникают редко. Отсутствуют также русские редуцированные звуки переднего ряда [и^э] и [ь], весьма близкие к [и], поэтому различием между [и], [и^э] и [ь] можно пренебречь. Схема показывает, что при русской вокализации слов признак подъема учитывается в меньшей степени, нежели признаки ряда и губности. Лишь иногда редуцированные [Λ] или [ь] передаются уйгурским *э*, более закрытым, чем *а*.

5. Существующие данные не обнаруживают последовательного соответствия между русскими гласными, следующими после мягких согласных, и уйгурскими гласными переднего ряда. Нельзя привести ни одного примера подобного соответствия для уйгурских губных гласных

¹¹ См. также: Э. Н. Наджип. Современный уйгурский язык. М., 1969, стр. 60.

ө и у, и лишь в отдельных случаях русский [а], следующий после мягкого согласного, передается уйгурским ә.

6. Значительным палатализирующим воздействием обладают согласные *й, к, ч, ш, ж* (*дж*), хотя *ж* и *ш* в современном русском языке и твердые.

7. Как вторичное явление может развиваться также нёбная гармония гласных — прогрессивная или регрессивная (*учэскә, пәтнүс* и т. д.)

8. Если в первом слоге имеется губной гласный, то русские заударные гласные могут подвергаться лабиализации.

9. Лабиализующее действие могут оказывать и губные согласные, в особенности на месте русских безударных слогов.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Х. КУРБАТОВ

СВОБОДНЫЙ СТИХ

Свободный стих, как известно, возник в конце прошлого столетия во Франции. Согласно утверждению Зигмунда Черного термин *vers libre* впервые появился в 1884 году и первоначально употреблялся для обозначения стихов со смешанным размером (например, басенный стих или стих драматических произведений) — *vers libre classique*. Современное свое значение этот термин приобрел с 1885 года, когда поэты-символисты впервые употребили его для обозначения особого вида нового ритмического строя — *vers libre moderne*¹. Это значение впоследствии утвердилось в поэзии народов Европы и всего мира².

Бенджамен Хрушовски отдает предпочтение немецкому термину *freie Rhythmen* (англ. *free rhythms*), ибо, по его мнению, французское *vers libre* подразумевает не свободное расположение ударных и безударных слогов, а различную длину стихотворных строк, свободу от норм силлабической системы³. Однако и немецкий термин *freie Rhythmen* не однозначен. В «свободном ритме», говорит Эрнст Штейн, языковой материал не подчиняется стихотворному размеру, однако это не тот стих, который возник во второй половине XVIII века⁴, в эпоху «Бури и натиска». Относящаяся к этому периоду драма Гёте «Прометей», как отмечается в специальной литературе, написана *freie Rhythmen*⁵. В данном случае этим термином обозначены стихи со смешанным размером. Термин *freie Rhythmen* для обозначения свободного стиха начинает употребляться, по сведениям Э. Ризель, с начала XX века (Eduard Sievers и др.)⁶.

В русском литературоведении для обозначения этих двух разновидностей стихотворного строя существуют почти синонимичные термины: «вольные стихи» (то есть стихи со смешанным размером — разноstopный ямб или хорей) и «свободный стих» (верлибр).

Употребляемый в турецком литературоведении термин *serbest nazım* (свободное стихосложение) также многозначен. Как указывает Хикмет

¹ Zygmunt Czerny. Le vers libre français et son art structural. — «Poetics. Poetyka. Поэтика». Warszawa, 1961, стр. 249.

² См. об этом: Benjamin Hrushovski. On Free Rhythms in Modern Poetry. — «Style in Language». Ed. by Thomas A. Sebeok. Cambridge, Massachusetts, 1966, стр. 184.

³ Там же, стр. 183.

⁴ Ernst Stein. Wege zum Gedicht. Halle (S.), 1963, стр. 104.

⁵ Там же, стр. 104—105; Elise Riesel. Stilistik der deutschen Sprache. Moskau, 1959, стр. 363.

⁶ Elise Riesel. Указ раб., стр. 364.

Илайдын, свободный стих может иметь следующие три разновидности: *vezinli-kafiyeli serbest nazım* (метрический свободный стих с рифмой), *vezinsiz-kafiyeli serbest nazım* (дисметрический свободный стих с рифмой), *vezinsiz-kafieyesiz serbest nazım* (дисметрический свободный стих без рифмы)⁷. Первая из этих разновидностей — не что иное, как стих со смешанным размером (метрическая система — аруз, рифма — *aabbcc... ddeefe*, строчки имеют различную длину):

*Ne sen,
Ne ben,
Ne de hüsnüde toplanan bu mesâ,
Ne de alâm-ı fikre bir mersâ
Olan bu mavi deniz
Melâli anlamıyan nesle âşına değiliz.*

*O belde,
Durur menâtik-ı dâşize-i tahayyülde.
Mâvi bir akşam
Eder üstünde dâimâ ârâm...
Eteklerinde deniz
Döker ervaha bir sükûn-i menâm.*

(Ahmet Haşim. O belde)

‘Ни ты,
Ни я,
И ни в красоту погруженный этот вечерний час,
И ни ставшее пристанищем горьких мыслей
Это голубое море
Не являетесь друзьями тому поколению,
что не понимает тоску.

:
Этот город —
Девичья неприступность в мечте.
Голубой вечер
Над вершинами скал — вечный покой.
У подножья их — море.
Для души докера это — спокойное сновидение’.
(Ахмед Хашим. Этот город)

Другие два стихотворения, приведенные Илайдыном (особенно второе, не имеющее ни определенного размера, ни рифмы), безусловно, написаны свободным стихом.

Татарский литературовед Гали Халит предлагает термин «говорной стих»⁸. Однако говорными стихами можно было бы назвать и стихи со смешанным размером, ибо последние, как и свободные стихи, пишутся прежде всего с расчетом на устное произношение, на декламацию. Нельзя игнорировать и традицию: термин *vers libre* нашел широкое распространение в литературоведении многих народов и достаточно точно выражает вкладываемый в него смысл.

⁷ *Hikmet İlaydın. Türk edebbiyatında nazım. İstanbul, 1958, стр. 149—153.*

⁸ *Гали Халит. Безде ирекле шигырь бармы? (Имеется ли у нас свободный стих?). — «Казан утары», 1971, № 5, стр. 152.*

Стихи со смешанным размером (полиметрический стих) и собственно свободные стихи (дисметрический стих) и поныне нередко обозначают одним и тем же термином — «свободный стих». И это не случайно, ибо свободный стих восходит к стихам со смешанным размером. В специальной литературе отмечается, что зачатки свободного стиха можно обнаружить в устном народном творчестве и в древней письменной литературе⁹. Однако встречающиеся в древней литературе фрагменты, в которых эпизодически используются анафоры, эпифоры и некоторые другие синтаксические фигуры, напоминающие в какой-то мере свободный стих, свидетельствуют лишь о том, что они являются атрибутом всякой эмоционально-экспрессивной речи. Что же касается различной длины стихотворных строк (на материале других языков — также нарушения, например, чередования ударных и безударных слогов) в древних обрядовых причитаниях, в игровых частушках или прибаутках — то это скорее говорит не о существовании какой-то завершенной стихотворной формы или системы, а лишь о том, что поэтическая техника в данную историческую эпоху только складывается, переживая свою юность.

Со времени появления свободного стиха (возникшего на основе стихов со смешанным размером) в западной Европе и Америке (У. Уитмен), а также и в Турции¹⁰ прошло более чем три четверти века. В японскую поэзию свободный стих проник лишь шестьдесят лет тому назад¹¹. Русские филологи в качестве первых образцов свободного стиха приводят два-три стихотворения А. Фета. В творчестве же В. Брюсова, А. Ахматовой и особенно А. Блока¹² свободный стих получил наивысшее художественное воплощение.

Превосходные образцы стихов со смешанным размером встречаются в творчестве татарского поэта Сагита Рамиева — «Таһ waqûṭı» — «На рассвете» (1908 г.). Хотя автор и назвал их рифмованной прозой, но по существу это все же стихи. В творчестве некоторых последующих поэтов, особенно у Хади Такташа, эта стихотворная форма становится доминирующей¹³. Отдельные случаи обращения к свободному стиху можно отметить в татарской поэзии начала двадцатых годов. Однако, по справедливому замечанию Г. Халита, эти стихи ничего общего с подлинными произведениями искусства не имеют¹⁴. Утверждается в художественном отношении полноценный свободный стих лишь в творчестве молодых поэтов шестидесятых годов (Равиль Файзуллин, Радиф Гатауллин и др.).

Свободный стих, естественно, в каждом конкретном языке реализуется сообразно фонетико-грамматической структуре последнего, на основе поэтических средств и системы стихосложения, присущих ему (на-

⁹ Н. И. Конрад. Предисловие к сборнику «Японская поэзия. Стихи». М., 1956; А. Жовтис. Границы свободного стиха. — «Вопросы литературы», 1966, № 5, стр. 119—120; А. Квятковский. Поэтический словарь. М., 1966, стр. 76.

¹⁰ *Hikmet Paudın*. Указ. раб., стр. 149—150; *Mehmet Kaplan*. Şiir tahlilleri. İstanbul, 1969, стр. 124—132.

¹¹ А. И. Мамонов. Свободный стих в японской поэзии. М., 1961, стр. 6.

¹² В. Жирмунский. Введение в метрику. Л., 1925, стр. 59; Ю. Тынянов. Проблема стихотворного языка. М., 1965, стр. 248—283; А. Квятковский. Поэтический словарь, стр. 75.

¹³ Об этом см.: Х. Курбатов. Хазерге татар әдәби теленең стилистик системасы. («Стилистическая система современного татарского литературного языка»). Казан, 1971 (раздел «Ритмика стиха»).

¹⁴ Гали Халит. Указ. раб., стр. 147, 150.

пример, с использованием отдельных особенностей количественной системы в арабском или персидском, тонической или силлабо-тонической системы в немецком, английском или русском, силлабической системы во французском, турецком или татарском языках).

Большинство исследователей не расходится в определении свободного стиха:

«Внешне *vers libre moderne* — это стихи, которые не подчиняются правилам классического стиха. Здесь строка в количественном отношении независима от предыдущей строки, число слогов в каждой строке может быть различным. Взаимосвязь времени и силы высказывания, взаимосвязь мелодики (тоники) и гармонии (тембра) — вот что очень важно для этого вида стихосложения. Из нескольких строк образуются отдельные группы строк, которые напоминают строфу. В одном и том же произведении число строк, составляющих эти группы, также различно»¹⁵; или «Говоря о свободном стихе (*free rhythms*), я подразумеваю стихи, не имеющие последовательной метрической схемы..., но призванные организовать поэтическую речь так, чтобы она звучала впечатляюще и выполняла функции поэтического ритма»¹⁶. «Свободным стихом (*freie Rhythmen*) называют также стихотворные строки, ритмическая струя которых совершенно не подчинена каким-либо правилам»¹⁷; «Тогда как в системном стихе существует как мера мелкая единица, выделенная из ряда, — здесь основой, мерой является сам ряд, причем динамическая изготовка распространяется на него целиком, и неразрешение ее в следующем ряде есть момент, тоже целиком динамизирующий этот ряд»¹⁸; «Еще сравнительно недавно теория стиха была преимущественно теорией стоп... Но по мере развития стиховедения и самого русского стиха становилось все более очевидным, что дело обстоит не так-то просто»¹⁹ и т. д.

Как видно из всех этих определений, основная ритмическая единица в свободном стихе — эта целая стихотворная строка. Пауза в конце строки выделяет эту строку как самостоятельную интонационно-ритмическую единицу. Если убрать эти паузы, написав все строки слитно, то поэтическое звучание утрачивается. В свободном стихе любая строка (и длинная и короткая) имеет самостоятельную экспрессивно-эмоциональную интонацию. Таково общее мнение исследователей.

А. И. Мамонов²⁰ и Д. Самойлов²¹ отрицают необходимость рифмы в свободном стихе. Точка зрения А. И. Мамонова возникла, возможно, в связи с его исследованиями японской поэзии, в которой, как известно, вообще нет рифмы. Вопреки этому мнению, А. Жовтис²², как и многие другие, считает, что рифма в свободном стихе используется лишь эпизодически. Обратимся к примерам:

Tolymyn tešlöp, (5)
sulqıldap žıldäđ, (6)
žıldäđ... (3)

¹⁵ Zygmunt Czerny. Указ. раб., стр. 249.

¹⁶ Benjamin Hrushowski. Указ. раб., стр. 183.

¹⁷ Elise Riesel. Указ. раб., стр. 363.

¹⁸ Ю. Тынянов. Указ. раб., стр. 55.

¹⁹ В. В. Кожин. Указ. раб., стр. 173.

²⁰ А. И. Мамонов. Указ. раб., стр. 70.

²¹ Д. Самойлов. Сравнение перевода с оригиналом. — В сб.: «Редактор и переводчик». М., 1965, стр. 67.

²² А. Жовтис. Указ. раб., стр. 115.

Dýmlý kerfek arasyňnan (8)
 ar-aq mendärdäge (8)
 ike baş ezen kürep, (7)
 dönjadayý (4)
 barlyq parly äjberlärne qarçadý ul: (12)
 üz tolymnarýn, (5)
 mašina faralarýn, (7)
 tufjalarný, (4)
 işek jaňaqlarýn. (6)
 Qulýna totqan (4)
 qajçýlaryça qädär qarçadý ul... (10)
 Ä kiç belän (4)
 sudan qajtqanda, (6)
 parly çiläklärne inendä tojýp, (10)
 kinät böten täne belän dereldäp söjende ul! (15)
 Parly äjberlärgä (6)
 qarçysý isenä töşkäç: (6)
 «Tävbä! Tävbä!» — dide. (6)
 (Равил Фәйзуллин. Яшь хатын).

'Кусая свои косы...
 плакала, всхлипывая,
 плакала...
 Сквозь влажные ресницы
 на белой-белой подушке,
 следы двух голов увидев,
 на свете все,
 что составляет пару, она прокляла:
 свои косы,
 фары машин,
 туфли,
 косяки дверные.
 Даже, что держала в своих руках,
 ножницы прокляла.
 А вечером,
 когда возвращалась с водой,
 ощущая тяжесть пары ведер на плечах,
 обрадованно затрепетало все тело ее вдруг!
 И вещам парным,
 вспомнив свое проклятие,
 сказала торопливо: «Покаяние! Покаяние!»'.

Здесь рифма отсутствует. Самая короткая строка имеет три слога, самая длинная — пятнадцать. Длина строки регламентируется известным максимумом — обычно не более пятнадцати-семнадцати слогов, так как фразу, содержащую большее количество слогов, трудно произнести на одном дыхании. Кроме того, в данном стихотворении отсутствует и последовательное чередование каких-либо ритмических групп (т. е. не используется цезура) или стоп (нет чередования долгих и кратких слогов). Таким образом, перед нами образец подлинного свободного стиха.

Qotsýz suýq könne (6)
 şýqsýz bülmämä sin jaz kiterdeň. (10)
 Agär här kergän bülmägä jaz jасаsaň, (12)

miña küñelle bulmas... (7)
 Tik şulaj da bülmälärgä, (8)
 kemnekenä genä bulsa da, (9)
 köz kitermä, jäme! (6)

‘В день, когда лютый мороз,
 ты принесла весну моей комнате неуютной.
 Если, входя, приносишь весну всем комнатам,
 это меня не радует...
 Но все же комнатам,
 чьими бы они ни были,
 не приноси осени, ладно!’

И в этом отрывке из стихотворения Равиля Файзуллина («İnetmä qullagıñ ogıpıaç» — «Когда ты коснулась руками моих плеч») нет ни рифм, ни цезур.

Основную ритмическую и интонационную единицу свободного стиха составляет сама стихотворная строка. Например: *tolýmın teşläp [žyław]* ‘[плакать], кусая свои косы’; *parlı çiläklärne iñendä tojır* ‘ощущая тяжесть пары ведер на плечах’; *qotsız suıq köpne* ‘в день, когда лютый мороз’; *şıqsız bülmämä sin jaz kiterdeñ* ‘ты принесла весну моей комнате неуютной’ или эмоционально-экспрессивные возгласы: *Tävbä! Tävbä!* ‘Покаяние! Покаяние!’ и т. д. Чем ярче словесный образ, тем сильнее поэтическое звучание стиха, связанное с эмоционально-экспрессивной смысловой нагрузкой стихотворной строки.

«С. М. Бонди, — отмечает В. В. Кожин, — ставит вопрос о своего рода семантическом (смысловом) ритме стиха — о „ритмическом распределении художественной энергии” в стихе. По его мнению, этот ритм, возможно, представляет собою наиболее глубокую основу стиха. Речь идет о ритмическом чередовании напряжений и разрешений самого поэтического смысла. Так, например, метафора или эпитет выступают как своего рода ударение в этом смысловом ритме; вслед за такой утяжеленной единицей идет как бы безударный компонент, который, в свою очередь, сменяется новым напряжением»²³.

Усилению смыслового ритмического ударения способствует, кроме послестрочных или внутрострочных пауз, ряд других грамматических и фонетических приемов: анафора, аллитерация и т. д. Примечательно, что строка в свободном стихе — это целое предложение, синтагма или отдельное слово, образно выражающее определенную мысль. Сама пауза в конце или внутри строки обусловлена содержанием данной строки, а использование приема переноса части словосочетания на другую строку (*enjambement*) преследует определенную экспрессивно-эмоциональную цель.

Приведем еще один пример свободного стиха без рифмы из турецкой поэзии:

Şu uyanaverdiğim akçıl sabah (11)
Bir erken gelinçik gibi (8)
Eflâun koncalı ebegümeçi (11)
Sanki yüzgeç yüzgece alabalıklar (12)
Sanki kanat kanada turna sürüleri (13)

²³ В. В. Кожин. Указ. раб., стр. 152; см. также: В. Жирмунский. Указ. раб., стр. 58; *Zygmunt Czerny*. Указ. раб., стр. 258.

Ilkyaz bulutların etekleri çalpara (15)

Sanki düğün-dernekler (7)

Çalgi-çağnaklar gibi (7)

Ama sen olmasan hiçbiri (9)

(Metin Eloğlu. Bencileyin. — «Türk dili», 1970, № 22)

‘Тот миг, тогда я просыпался, — это белое утро,
Словно ранний цветок полевого мака,
Словно мальва со светло-лиловыми почками,
Словно рыбки — плавник к плавнику,
Словно журавлиные клинья, крыло за крылом;
Края облаков раннего лета — кастаньеты,
Словно это — свадебный пир,
Словно это — звуки музыки...
Но ни одно из них — не ты’.

Это стихотворение почти целиком построено на приеме уподобления: (описание восхитительной красоты летнего утра) и антитезы (заключительная строка — *Ama sen olmasan hiçbiri* ‘Но ни одно из них — не ты’). Из грамматических поэтических средств поэтом использована анафора: две строки подряд и еще одна через строку начинаются со слова *sanki* ‘словно’.

Açulanýp, tamýrlaryn özdelär... (11)

Ä göllärem ülmädelär, (8)

gel qojaşqa ürlädelär. (8)

(*Sin janýmda ideň*). (6)

Ajaq astýnda teträp žir šuýştý, (11)

min hamam da jýýýlmädým. (8)

(*Sin janýmda qaldýň*). (6)

Bügen böten närsä üz urýnýnda, (11)

týnýç. (2)

Min — (1)

Buşlýqta qalyan kebekmen, (8)

bernärsä dä kürmim, tapmýjm. (8)

(*Sin kitenň...*) (3)

(Рэдиф Гатауллин. Ачуланып,
тамырларын өзделәр...)

‘Рассердившись, вырвали корни...
А цветочки мои не погибли,
все поднимались к солнцу.
(Ты была возле меня).
Под ногой вздрогнула, поползла земля —
Я все же не упал.
(Ты осталась возле меня).
Сегодня все на месте,
спокойно.
Я —
Как бы остался в пустоте,
ничего не вижу, не найду
(Ты ушла...)’.

А цветочки мои не погибли,

все поднимались к солнцу.

(Ты была возле меня).

Под ногой вздрогнула, поползла земля —

Я все же не упал.

(Ты осталась возле меня).

Сегодня все на месте,

спокойно.

Я —

Как бы остался в пустоте,

ничего не вижу, не найду

(Ты ушла...)

Нельзя сказать, что здесь рифма полностью отсутствует. Характерно наличие рифмы (*ülmädelär — ürlädelär*) в первых строках, пронизанных хоростом, приподнятым настроением. Даже ритмические группы

из четырех слогов чередуются здесь довольно последовательно: аси-
lanÿr| tamÿr| larÿn| özdelär 'Рассердившись, вырвали корни' и т. д. Далее
события нагнетаются, стих становится более напряженным, и, наконец,
происходит развязка. Необходимость в созвучии, в рифме отпадает, так
как гармония душевного состояния самого лирического героя уже нару-
шена. После слова min 'я' следует долгая пауза, ибо вслед за ней ра-
скрывается само душевное состояние героя (Buşlÿqta qalÿan kebekmen;
bernärsä dä kügmin, tarmÿjm 'Как бы остался в пустоте; ничего не вижу,
не найду'). А очень короткая последняя строчка (Sin kitenÿ... 'Ты ушла')
производит впечатление оборвавшейся струны.

В качестве примера свободного стиха А. Жовтис называет произведе-
ние Назыма Хикмета «Великан с голубыми глазами»²⁴. Ниже приво-
дятся это стихотворение и перевод Д. Самойлова:

*O mavi gözlü bir devdi.
Minnacık bir kadın sevdi.
Kadının hayali minnacık bir evdi,
bahçesinde ebruliii
hanımeli
açan bir ev.
Bir dev gibi seviyordu dev.
Ve elleri öyle büyük işler için
hazırlanmıştı ki devin,
yapamazdı yapasını
çalamazdı kapısını
bahçesinde ebruliii
hanımeli
açan evin.
O mavi gözlü bir devdi.
Minnacık bir kadın sevdi.
Mini minnacıktı kadın.
Rahata acıktı kadın
yoruldu devin büyük yolunda
ve «elveda!» deyip mavi gözlü deve,
girdi zengin bir cücenin kolunda
bahçesinde ebruliii
hanımeli
açan eve.
Şimdi anlıyor ki mavi gözlü dev,
dev gibi sevdalara mezar bela olamaz,
bahçesinde ebruliii
hanımeli
açan ev...*

(Nâzım Hikmet. Mavi gözlü dev,
minnacık kadın ve hanımmelleri.)

‘Был великан с голубыми глазами,
Он любил женщину, маленькую женщину.
А ей все время в мечтах являлся
маленький дом,
где растет под окном
цветущая жимолость.

²⁴ А. Жовтис. Указ. раб., стр. 114.

Великан любил, как любят великаны,
 он к большой работе
 тянулся руками
 и построить не мог
 ей теремок —
 маленький дом,
 где растет под окном
 цветущая жимолость.
 Был великан с голубыми глазами,
 он любил женщину, маленькую женщину.
 А она устала идти с ним рядом
 дорогой великанов,
 ей захотелось
 отдохнуть в уютном домике с садом.
 — Прощайте! — сказала она голубым глазам.
 И ее увел состоятельный карлик
 в маленький дом,
 где растет под окном
 цветущая жимолость.
 И великан понимает теперь,
 что любовь великана
 не упрятать в маленький дом,
 где растет под окном
 цветущая жимолость'.

В этом стихотворении рифма встречается изредка; отдельные тирады, состоящие из разного количества строк, начинаются и завершаются повторами. Каждая из тирад представляет собой самостоятельную и в то же время взаимосвязанную с другими тирадами интонационно-смысловую единицу.

А. Жовтис считает, что характерным свойством свободного стиха является смена мер повтора²⁵. То есть в свободном стихе могут сочетаться различные виды повтора, сменяющие попеременно друг друга. В приведенных выше произведениях Радифа Гатауллина и Назыма Хикмета иногда встречаются ритмические группы, свойственные силлабическим стихам, используются различные виды повтора (анафора, эпифора, одни и те же морфологические формы и т. д.) и синтаксический параллелизм. Так, например, в стихотворении Н. Хикмета строки в конце каждой тирады совпадают почти полностью. Все это способствует усилению выразительности стиха.

А. Квятковский делит свободный стих на метрический и дисметрический виды; даже такие стихи, в которых каждая строка имеет одинаковое количество ритмических ударений (например, у В. Маяковского), он относит к свободному стиху²⁶. Критику подобной трактовки свободного стиха А. И. Мамоновым следует признать, конечно, справедливой²⁷.

Исследователями особо подчеркивается полиритмичность свободного стиха. Сочетание письменной и разговорной лексики (вплоть до просторечных слов), различная длина строк и продолжительность пауз

²⁵ А. Жовтис. Указ. раб., стр. 112.

²⁶ А. Квятковский. Русский свободный стих. — «Вопросы литературы», 1963, № 12; его же. Поэтический словарь, стр. 75—77.

²⁷ А. И. Мамонов. Указ. раб., стр. 65—68.

между ними, использование синтаксических фигур и инверсий, характерных для разговорной речи, разнообразных фонетических средств (аллитерации, ассонанса, иногда и рифмы) и особенно яркая изобразительность художественных образов, часто весьма смелых и неожиданных, — все это чрезвычайно обогащает свободный стих. Свободный стих требует от поэта высокого мастерства, иначе он рискует обернуться пустой риторикой, распадающейся на большие и малые псевдстихотворные ряды.

В специальной литературе свободный стих иногда рассматривается как разновидность прозы²⁸, либо сближается с жанром стихотворения в прозе. Считается общепризнанным, что стихотворение в прозе (татар. *näser*) — это лирическое произведение, написанное прозой. Попытки преобразовать эту поэтическую форму в свободный стих путем выделения каждой фразы в качестве отдельной строки оказались неудачными, ибо в стихотворении в прозе отдельные предложения и синтагмы не представляют собой сгустка образной мысли. Между словами и выражениями — носителями живой образности языка данного стихотворения в прозе при попытке его трансформации в свободный стих возникает много пустот. Предложения или синтагмы стихотворения в прозе слишком тесно грамматически взаимосвязаны между собой, и при их механическом графическом разделении они не приобретают той интонации, того поэтического эмоционально-экспрессивного звучания, которые и характеризуют свободный стих прежде всего. Приведем отрывок из стихотворения в прозе Аделя Кутуя «Тоска по родине» — «Сауўпи»:

Min čit ildä matur göllär, xuş isle čäčäklär isim. Läkin küpme genä isnämin, barÿber hava žitmi, sulÿş qÿsÿla. Gÿjä üz ilemneŷ enže čäčäkläre tügel, anyŷ äreme dä bügen miŷa šifa bulÿr ide.

Сауўндÿм, бик сауўндÿм sine, туған ил!

Min šavlap aqqan jÿlyalardan, tirän qojÿlardan alÿp, sap-salqÿn su ečäm. Ämma küpme ečsäm dä, susavÿmnÿ basa almÿjm. Min üz ilemneŷ borÿnÿ İdelen, tÿn Donÿn, jaqtÿ Aragvasÿn, širi Dim bujlarÿn сауўнам. Gÿjä bu möqäddäs jÿlyalarnÿn sularÿn tügel, xätfä bolÿnlÿqtayÿ čišmä-lärebezneŷ ber jotÿm suÿn da bügen min širbät itep ečär idem.

Сауўндÿм, бик сауўндÿм sine, туған ил!

‘Я в чужой стране вдыхаю аромат красивых, душистых цветов. Но сколько бы ни вдыхал его, все равно не хватает [мне] воздуха, [я] задыхаюсь. Однако не только запах ландыша, но и полыни моей родины принес бы мне сегодня исцеление.

Соскучился, очень соскучился [я] по тебе, моя Родина!

Я пью студеную воду из быстротечных, бурных рек, из глубоких колодцев. Но сколько бы ни пил, все равно не могу утолить жажду. Я скучаю по древней Волге, тихому Дону, светлой Арагве, по поэтическим берегам [реки] Дымки моей родины. Однако я бы пил, как шербет, не воды этих священных рек, а хотя бы единственный глоток из бурлящих ключей в наших лугах.

Соскучился, очень соскучился [я] по тебе, моя Родина!’

Есть, однако, разновидность свободного стиха — стихотворение-притча, которая по своей грамматической структуре приближается к стихотворению в прозе, хотя и не может считаться адекватной этому жанру

²⁸ М. Янакиев. Българско стихознание. София, 1966, стр. 9.

как по интонационным особенностям, так и по своей своеобразной образности. Стихотворение-притчу (татар. *igekle šiyeġ-xikmät*) А. И. Мамонов считает короткой формой стихотворения в прозе. Этот вид свободного стиха характерен для японской поэзии и носит название «танси». Авторы танси считают, что в поэзии выражение чувства должно уступить место либо яркой изобразительности, либо логическому воздействию на разум (рационализм). А. И. Мамонов приводит следующий пример танси:

На контроле вместе с билетом отрезали палец.

Это стихотворение Китагава Фуюхико называется «Часы пик». У русского поэта Василия Субботина есть одно стихотворение, которое очень напоминает танси:

Окоп копаю. Может быть — могилу.

«Если снять инверсию («окоп копаю»), — пишет А. И. Мамонов, — тем самым разрушив строгий метр (пятистопный ямб), которым написано стихотворение, сходство строки-стиха с японскими прозаическими танси окажется стопроцентным:

Копая окоп. Может быть — могилу»²⁹.

Приведем стихотворение немецкого поэта Бертольда Брехта:

*Die Ehepaare
Legen sich in die Betten. Die jungen Frauen
Werden Waisen gebären.*

(«Es ist Nacht»)³⁰

‘Супружеская чета
Лежит на постели. Молодые женщины
Должны сирот рожать’.

А вот стихотворения-притчи татарского поэта Равиля Файзуллина, написанные свободным стихом:

*žildä soñqı şıġrımnı qabızdım.
Min dönjada in baxetle!*

(«Janımda sin bulsañ»)

‘Я зажег последнюю спичку,
В мире я самый счастливый!’

(«Когда ты рядом со мной»)

*Qız kiävdän qajttı.
Qarqa töbendäge utıġıyçqa
byjıl kem utıġıg?..*

‘Девица развелась с мужем,
Кто сядет нынче на сиденье,
что возле ворот?’

²⁹ А. И. Мамонов. Указ. раб., стр. 119.

³⁰ Пример взят из книги: Ernst Stein. Wege zum Gedicht. Halle (S.), 1963, стр. 109.

Tudÿru jortÿnnan çÿqqan
xälese zatÿn
körttän arcÿlyan tiräklärgä:
«Qotlÿjm!» — dide.

‘Обессиленная женщина,
вышедши из родильного дома,
сказала тополям, освободившимся от сугроба:
«Поздравляю!»’.

Uÿlyan kerlärdän dä
balÿq ise kilä.
Tizdän ire qajtÿr.

(«Balÿqçÿ diñgezgä kitkäç»).

‘От выстиранного белья
пахнет рыбой.
Муж придет скоро’.

(«Когда рыбак уходит в море»).

Börtekläp žÿjdÿm xäterdän
bäxetle könnäremne.
Jartÿ uç ta tulmadÿ.

‘По крупицам считал про себя
свои счастливые дни.
Не получилось и полгорсти’.

Taš qojma östendä
üste qajÿn.
Tamÿrlarÿ kitkän sajÿn —
xävefleräk...

‘На каменном заборе
росла береза.
Чем глубже уходят корни —
тем опаснее...’

Некоторые из подобных стихотворений напоминают загадку:

Diñgez aša oçar
qoş qanatÿ
qabartma majlÿj.

(«Iskärtü»)

‘Крылья птицы,
Способные перелететь океан,
намамливают лешку’.

(«Предостережение»)

Kümelgän bäräñge astÿnda
kümelgän mina jata.
Kötüçe çÿbürgÿsÿ şartladÿ.

(«Iskärtü»)

‘Под зарытой картошкой
Зарывшаяся мина лежит.
Щелкнул кнут пастуха’.

(«Предостережение»)

Стихотворение-притча, написанное свободным стихом, состоит обычно из одного или двух-трех предложений, фразы (актуализированные единицы) в которых, будучи интонационно по смыслу самостоятельными, располагаются на отдельных строках. Такое стихотворение содержит либо яркий выразительный образ, либо развернутую, часто иносказательную, метафору, смысл которой не всегда легко расшифровать. Этот жанр весьма близок японской, китайской и вьетнамской поэзии. Он имеет много общего и с *хикметами* — рифмованными метрическими двустишиями древнетюркских поэтов.

В заключение следует отметить, что свободный стих представляет собой сравнительно новую форму в поэзии многих народов мира и пользуется в наше время все возрастающей популярностью.

АНТРОПОНИМИКА

Г. Ф. САТТАРОВ

ОТЧЕСТВА И КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ-ПОЧТИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ АНТРОПОНИМИИ

Каждый язык имеет исторически сложившуюся антропонимическую систему, состоящую из определенных официальных и неофициальных номинативных категорий. К последним относятся прозвища и так называемые контекстуальные эквиваленты имен собственных. В современном татарском языке официально принятая трехименная антропонимическая система «имя + отчество + фамилия» выработалась под влиянием русской и широко употребляется в официальных документах, прессе, юриспруденции и т. д. Однако в живом разговорно-бытовом языке татары пользуются одноименными или двуменными системами, значительно отличающимися от официальной, либо их заменителями-эквивалентами (словами и словосочетаниями-обращениями). Изучение этих специфических особенностей антропонимической системы татарского языка позволяет выявить факты, имеющие немаловажное значение для изучения истории и этнографии народа.

Как известно, «различные системы личных имен сложились исторически, обусловленные и различиями социального развития, и различиями языков» [1, 11].

В татарском языке древнейшими антропонимическими категориями являются имя и прозвище. Фамилии и отчества возникли сравнительно поздно. Фамилия в татарской антропонимии окончательно сформировалась и вошла в активное употребление во второй половине XIX и начале XX в. В настоящее время в официальных документах обязательно указывается отчество, образуемое от всех татарских личных имен.

Употребление отчества придает, как известно, обращению оттенок вежливости, почтительности.

В татарском языке давно возникла национальная форма вежливо-почтительного обращения к личности, или (по нашей терминологии) категория вежливости-почтительности¹, выражаемая в современном татарском языке шестью лексико-грамматическими способами:

1. Кроме вышеупомянутого отчества, употребляемого по русскому образцу (формы на *-ович*, *-евич*; *-овна*, *-сана*), распространены также его национальные формы, образованные по формулам:

¹ Категория вежливости-почтительности в своем устном и письменном выражениях очень тесно примыкает к категориям обращения, ласкательности, эмоциональности и экспрессивности, она связана также в своей философско-материалистической основе с категорией понятийности-значимости лично-собственных имен.

а) «имя отца+термин родства в притяжательной форме [uly *букв.* 'его сын', malaju 'его мальчик', 'его сын' (разговорное), balasy 'его дитя', 'его ребенок' (разговорное) или kuzy 'его дочь'] +имя лица»: например, Xäbir uly Rizvan 'Ризван сын Хабира' (*букв.* 'Хабира сын Ризван'), Gali malaju Gosman 'Усман сын Галия', Sabir balasy Ildus 'Ильдус дитя Сабира', Gabdulla kuzy Sabira 'Сабира дочь Абдулова' и т. д. Отчество в древнетюркских орхоно-енисейских письменных памятниках (VII—VIII вв.) выражалось так же; например, Bajna Säñün oğlu K'ülüg Cig 'Кулуг Чур сын Байне Сенгуна' (*букв.* 'Байне Сенгуна сын Кулуг Чур') и т. д.

б) «имя отца (или деда) +имя лица с аффиксом притяжательности 3-го лица ед. числа -su, -se; -y, -e», то есть так называемым притяжательным отчеством (в основном употребляемым в разговорной речи), например, Xabib Xatimäse 'Хатима Хабибова' (*букв.* 'Хабибова Хатима'), Sarafı Garäfe 'Гараф Шарафиев', Morat Dinäse 'Дина Муратова', Raхmatulla Barıju 'Бари Рахматуллов', Töxbi Sarasy 'Сара Тухфиева' и т. д.

У волжских татар употребляется и ступенчатая форма подобного наименования, составленная из родословных звеньев и охватывающая имена представителей трех, четырех или более поколений, в основном по отцовской линии («имя прадеда или прапрадеда +имя деда с аффиксом притяжательности +имя отца с аффиксом притяжательности +имя лица с аффиксом притяжательности»); например, Änvar Safıju Zakıru *букв.* 'Анваров Сафи[ев] Закир'; Gaffar Şäräfie Garäfe Şamile 'Гаффаров Шэрэфи[ев] Гараф[ов] Шамиль; Xösäen Xämıdullasy Zäjnäbe Damırası 'Хусаинова Хамидулла[ева] Зайнаб[ова] Дамира' и т. д. При наименовании человека по данной формуле после имени отца (матери) или дедушки (бабушки) лица может употребляться родовое имя (прозвище), то есть углубляющий индивидуальную характеристику антропонимический компонент. Gabdulla K'ük'e Sälime 'Салим Абдуллы Кукушки', Xalisä K'ük'e Firäzäse 'Фираза Халисы Кукушки', Sajxulla Torna Sälime Gosmanı *букв.* 'Шайхуллы Журавля Салима Усман', Zihenı Bätı Gafıfase Sälime 'Зигени Ягненка Гафифы Салим' и т. д.

Как видно из вышеприведенных примеров, национальные формы татарских отчеств имеют и специфические черты, в частности особый порядок слов: вначале произносится имя отца, а затем имя лица: Idris uly Xaris, Sabir kuzy Lalä, или Idris Xarısı, Sabir Laläse и т. д. В отчествах же, образованных по типу русских, наоборот, вначале произносится имя лица, а затем имя его отца: Xarıs Идрисович, Ляля Сабировна и т. д.

Национальные компоновки татарских отчеств не следует смешивать с формой, моделью которой послужил русский тип отчества. В документах и в печати распространена именно эта форма: Lalä Sabir kuzy 'Ляля Сабирова дочь', Xarıs Idris uly 'Харис Идрисов сын', представляющая собой перевод на татарский язык отчеств русского типа. В разговорной речи эта форма не используется.

В татарском языке национальные формы отчеств не употребляются при непосредственном обращении к индивидууму (второму лицу), однако сохраняются при передаче собеседнику сведений о третьем лице с целью уточнения, конкретизации, ибо без упоминания отчества трудно будет понять, о ком именно из лиц с одинаковыми именами идет речь.

Отчество русского типа одновременно выполняет две функции: конкретизирует, уточняет личность и выражает почтительное отношение к ней. Такая форма отчества употребляется в основном при непосредственном вежливо-почтительном обращении ко второму лицу (например, Kamıl Latıpoviç, Jaña yıl belän Seznel 'Камиль Латипович, с Новым годом

Вас!) и при сообщении каких-либо сведений о третьем лице (например, Räsä, k'ičä Šamil Xalikovič jal jortyna kitkän 'Раиса, вчера Шамиль Халикович уехал в дом отдыха'; Sanija, Alsu Šakirovna üzenä kyšky pal'to satır alyanmu? 'Сания, Алсу Шакировна не покупала себе зимнего пальто?' и т. п.). При таком употреблении отчества говорящий особо подчеркивает свое уважение к упоминаемой личности.

Особенность национальных форм татарских отчеств заключается в том, что они прежде всего уточняют, конкретизируют личность и при этом имеют определенный оттенок уважительности и почтительности. При прибавлении к имени отца (дедушки) или матери (бабушки) соответствующего термина родства ясно проявляется уважительное, почтительное отношение говорящего к родителям лица, о котором идет речь. Например: K'ičä Sämit abuj uly Xämit armijadan kajttu 'Вчера приехал из армии Хамит — сын дяди Самита', Galijä äbi kyzy Vafira firmada işli 'Вафира — дочь бабушки Галии — работает на ферме' и т. д.

2. Категория вежливости-почтительности в татарской антропонимии выражается прибавлением к имени лица, с учетом его возраста (старшинства) и пола, соответствующего термина родства или свойства.

Характерной чертой терминологии родства и особенно свойства в татарском языке является многообразие звательных форм обращения.

У татар бытует древний обычай вежливого обращения (не только к близкому родственнику, но и к лицу, не связанному с говорящим узамь родства) по следующей формуле: **«имя лица + соответствующий термин родства или свойства с учетом его старшинства и пола»**. К этим терминам относятся: abuj, abzuj, ačaj, aça (старший брат, дядя); ара, арај, tütäj, tätäj, abustaj (старшая сестра); babaj (дедушка); äbi (бабушка); žingi (старшая сноха); ханум (ханум, дама); tutaš (барышня, девушка) и т. д. Данная вежливая форма обращения в татарском языке по своему содержанию весьма близка отчеству, заимствованному из русского языка, и, выступая в этой функции, может полностью заменить его. Ср., например, Шакир Закирович — Šakir aça или Šakir abuj; Сара Бариевна — Saga ара или Saga ханум и т. д. Следует отметить, что термин ханум присоединяется к именам замужних женщин, а tutaš — к именам незамужних, подчеркивая уважительное отношение.

Существующая в татарских семьях традиция замены имени лица соответствующим термином родства как знак глубокого уважения к человеку, по всей вероятности, возникла в древности. Младшие дети семьи или рода не называют своих старших братьев и сестер, а также старших родственников как по отцовской, так и по материнской линии собственным именем, а заменяют его соответствующим термином родства. Если же старших братьев и сестер несколько, к терминам родства abuj и ара прибавляются определенные эпитеты: дәү||zur 'старший', 'большой' (например, дәү abuj||zur abuj *букв.* 'самый старший брат', 'самый старший дядя', дәү ара||zur ара 'самая старшая сестра'), туған||туғануј 'родной' (туғануј abuj, туған ара), täti *детск.* 'красивый', 'хороший' (в нагорных говорах среднего диалекта татарского языка tätä||tata 'красивый', 'хороший', например: täti abuj, täti ара, tätä abuj, tätä ара, tata abuj, tata ара), čibär 'красивый' (čibär abuj, čibär ара), matur 'красивый' (matur abuj, matur ара), k'eč-k'eñä 'маленький', 'младший' (k'ečk'eñä abuj, k'ečk'eñä ара), näni 'маленький', 'малюсенький', 'младший' (näni abuj, näni ара), sabak 'урок', 'учиться' (sabak abuj *букв.* 'обучающийся брат', sabak ара *букв.* 'обучающаяся сестра'), alma 'яблоко' (alma ара *букв.* 'яблоко сестра'), žiläk 'ягода' (žiläk ара 'ягода сестра'), čäčäk 'цветок' (čäčäk ара 'цветок сестра'), bal 'мёд' (bal ара 'мёд сестра'), čija 'вишня' (čija ара 'вишня се-

стра'), söt 'молоко' (söt ара 'молочная, то есть подобная молоку, сестра'), ак 'белый' (ак ара 'белая сестра'), аррак 'беленький' (аррак ара 'беленькая сестра'), tatly|tämle 'сладкий', 'вкусный' (tatly ара, tämle ара *букв.* 'сладкая, вкусная сестра'), asyl 'драгоценный', 'наилучший' (asyl ара 'драгоценная сестра'), abuz 'просвещенный' (abuz ара 'просвещенная сестра'), k'ürek'le 'изящный' (k'ürek'le ара 'изящная сестра'), sōjgan 'любимый' (sōjgan ара 'любимая сестра') и т. д. Очевидно, в основе данного явления лежит тот факт, что в глубокой древности термины родства употреблялись и в прямом значении (äti 'отец', äni 'мать', abuj 'старший брат', ара 'старшая сестра', ine 'младший брат', seŋel 'младшая сестра' и т. д.), и как функция личного имени (Äti, Äni, Abuŋ, Ine, Seŋel и т. д.).

Терминология родства и свойства у отдельных этнолингвистических групп и подгрупп волжских татар имеет свои особенности². Наряду с общенациональными, литературными терминами родства и свойства имеются и диалектные. Этнограф Р. Г. Мухамедова отмечает, что «...терминология родства и свойства у мишарей значительно богаче, чем у казанских татар. Особенно богата она в темниковской, керенской, кузнецкой и кулаткинской группах» [2, 147]. Терминология родства и свойства весьма обширна также у группы татар, проживающих в Башкирской АССР, — тептярей и тюменек (тат. *төмәннек*); она в достаточно дифференцированном виде употребляется для номинации близких и дальних кровных родственников вместо их лично-собственных имен. Например, kartinä *букв.* 'старая мать', 'бабушка', или jakup inä *букв.* 'близкая мать', 'бабушка' (со стороны отца). Ср.: jakup äbi *букв.* 'близкая бабушка', то есть бабушка со стороны отца, мать отца; jugak abi *букв.* 'дальняя бабушка', то есть бабушка со стороны матери, мать матери (у татар-кряшен, а также у татар нагорной стороны ТАССР), ак äbi||ayäbi *букв.* 'белая бабушка', 'сестра бабушки', аҗ inäŋ *букв.* 'белая мать', 'сестра матери', ак tütäŋ *букв.* 'белая сестренка', 'младшая сестра матери', oly inäŋ *букв.* 'старшая мать', 'самая старшая сестра матери', čibär tutaj *букв.* 'красивая тетушка', 'самая младшая сестра матери', abuz äbi *букв.* 'просвещенная бабушка', 'двоюродная сестра бабушки', kart ätäi *букв.* 'старый отец', 'дедушка' (со стороны отца), babatä (из тат. baba 'дедушка'+ätä 'отец') *букв.* 'дедушка отец', zur ätäŋ||oly ätäŋ *букв.* 'большой отец', 'старший брат отца', zur abuzŋ *букв.* 'большой старший дядя', 'младший брат отца', šäk'ert abuzŋ||šäk'ert abuzŋ *букв.* 'ученик-дядя', 'самый младший брат отца', ак babaj *букв.* 'белый дедушка', 'младший брат дедушки', mulla babaj *букв.* 'грамотный, образованный дедушка', 'самый старший брат дедушки', abuz babaj *букв.* 'просвещенный дедушка', 'двоюродный брат дедушки'; jugak ätäŋ *букв.* 'дальний отец', 'отец матери', jugak inäŋ||jugak änkäŋ *букв.* 'дальняя мать', 'мать матери' и т. д. По всей вероятности, такая разветвленная терминология родства и свойства у татар — тептярей и тюменек — сложилась под сильным влиянием соседнего башкирского языка, носители которого — башкиры долгое время вели коче-

² О терминах родства и свойства у различных этнолингвистических групп и подгрупп татар см.: Д. Г. Тумашева. Көнбатыш Себер татарлары теле. Грамматик очерк һәм сүзлек. Казан, 1961; Г. Х. Ахатов. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963; «Диалектологический словарь татарского языка». Под ред. Л. Т. Махмутовой. Казань, 1969; Р. Г. Мухамедова. Терминология родства и свойства у татар-мишарей в Мордовской АССР. — В кн.: «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1962, стр. 242—280; *ее же*. Таблица терминов родства и свойства у татар. — В кн.: «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., 1967, стр. 278—291; *ее же*. Татары-мишари. М., 1972, стр. 147—153. Об участии терминов родства в образовании некоторых сословных титулов и личных имен см.: Г. Ф. Саттаров. Сословные титулы и древнетатарские личные имена. — В сб.: «Ономастика Поволжья». Ульяновск, 1969, стр. 52—59.

вой образ жизни и сохраняли общинно-родовые и патриархальные отношения.

Взаимосвязь между терминами родства и лично-собственными именами у татар, их взаимозамена имели место вначале лишь в рамках внутрисемейных и внутривидовых отношений. В дальнейшем в татарском языке появилась активно употребляемая самобытная форма вежливо-почтительного обращения младшего к старшему по возрасту, безотносительно к характеру родственных отношений, выражаемая сочетанием терминов родства и свойства с соответствующим лично-собственным именем.

3. В татарской антропонимии вежливо-почтительное и интимно-ласкательное³ обращение к личности выражается также путем прибавления к имени лица звательных слов (в основном слов-обращений, стоящих в первом лице, единственном числе) с эмоционально-экспрессивными смысловыми оттенками, например: *adaş* 'тезка', *axirät* 'приятельница', 'подруга', *kordeş* 'ровесник', 'сверстник', *jaktaş* 'земляк', *tuşuñuñ* 'родной', *toğzım* *букв.* 'моя мурза', *çäçägem* 'цветочек ты мой', *jakupım* 'близкий ты мой', *çibägem* 'красавчик ты мой', *bağalım* 'садовое яблочко ты мое', *jögäk* *pağäm* 'частица моего сердца', *bäyüg'em||bauyg'k'äjem* 'милый мой, сердечко моё, душенька', *bäyüg'kisägem* 'частица моей души', *irk'äm* 'неженка моя', *zıpım* 'душенька моя', *zıp kisägem* 'частица души моей', *zıp alım* 'яблочко души моей', *akyllım* 'умный мой', 'умница моя', *bäbk'äm||bäbkäjem||babk'äsem* 'светик мой, дитя моё, дитяtko, голубчик мой', *bylbylum||sanduçaşum* 'соловушка ты мой', *k'ügärgäsem* 'голубчик мой', *karluçaşum* 'ласточка моя', *ik'e k'üzem||ik'k'üzem* *букв.* 'двое очей моих, глазки мои', *taşım* 'жеребчик мой', *kanatım* 'крылышко мое', *kuşım* 'зайчик мой', *balım* 'медок мой', *şik'ägem* 'сахарочек мой', *panım* 'хлебушек мой', *düşüm* 'дружочек мой', *üskänem* 'росленький мой', *altım* 'золотце моё', *zäühägem* 'бриллиантик мой', *inçem* 'жемчужинка моя', *bäxet koşum* 'жар-птица моя', *k'üz kağam* 'зрачок мой', *k'üz pıgım* 'свет очей моих', *laşım* 'соколик мой', *arşlanım* 'львёнок мой', *şajanıñ* 'баловник мой', *paşanıñ* 'хитренький, лукавенький мой' и т. д.

4. Вежливо-почтительная форма обращения в татарском языке может строиться по формулам:

а) «имя лица + слово-обращение *iptäş* 'товарищ'». Например, *Gali iptäş* *букв.* 'Гали товарищ', *Kalıja iptäş* 'Кафия товарищ', *Rımma iptäş* 'Римма товарищ' и т. д.;

б) «слово-обращение *iptäş* 'товарищ' + фамилия индивидуума». Например, *iptäş Hammatov* 'товарищ Хамматов', *iptäş Vafina* 'товарищ Вафина', *iptäş Musina* 'товарищ Мусина' и т. д.

Если же имя и фамилия лица неизвестны говорящему, или он хочет подчеркнуть при обращении занимаемую этим лицом должность или его звание, то в вышеуказанных звательных формулах имя или фамилия могут заменяться соответствующим термином. При этом полностью сохраняется вежливо-почтительный тон обращения. Например, *iptäş direktor* 'товарищ директор', *iptäş sud'ja* 'товарищ судья', *iptäş sekretar* 'товарищ секретарь', *iptäş kapitän* 'товарищ капитан', *iptäş general* 'товарищ генерал', *gäis iptäş* *букв.* 'председатель товарищ', *student iptäş* 'студент товарищ', *ukytuçu iptäş* 'учитель товарищ', *professor iptäş* 'профессор товарищ' и т. д.;

³ О категории ласкательности в татарских личных именах см.: Г. Ф. Саттаров. Категория ласкательности в татарских личных именах. — В сб.: «Антропонимика». М., 1970, стр. 211—217; А. Н. Кононов. Уменьшительные формы имен в словообразовании (на материале тюркских языков). — В сб.: «Вопросы тюркологии». Баку, 1971, стр. 94—101.

в) «имя лица+его фамилия+слово-обращение *iptäš* 'товарищ'». Например, *Galim Sadriev iptäš* букв. 'Галим Садриев товарищ', *Nadijā Safinā iptäš* 'Надия Сафина товарищ' и т. д. Однако в разговорной речи строгая последовательность компонентов данной формулы зачастую нарушается. При этом слово-обращение *iptäš* 'товарищ' занимает место между именем лица и его фамилией: *Gälim iptäš Sadriev* букв. 'Галим товарищ Садриев', *Nadijā iptäš Safina* 'Надия товарищ Сафина' и т. д.

5. Уважительно-почтительное обращение к личности в тюркской (в том числе и в татарской) антропонимии в древности весьма ярко выражалось определенными сословными терминами, входившими в состав многих сложных личных имен, например: *Altynbaj* (<*altyn* 'золото'+*baj* 'богатый'), *Altynbäk* (<*altyn* 'золотой'+*bäk* 'князь'), *Altynbikä* (<*altyn* 'золотой'+*bikä* 'княгиня, дама, госпожа, барыня'), *Timerhan* (<*timer* 'железо'+*han* 'хан'), *Išmorza* (<*iš* 'чета, пара, ровня, товарищ, друг'+*morza* 'мурза'), *Išmulla* (<*iš* 'чета, пара, ровня, товарищ, друг'+*mulla* 'мулла'), *K'ešbikä* (<*k'eš* 'соболь'+*bikä* 'княгиня, дама, госпожа, барыня'), *Galimbaj* (<*galim* 'ученый, образованный, всезнающий'+*baj* 'богатый'), *Nursoltan* (<*nur* 'луч, сияние, блеск'+*soltan* 'султан' — женское имя), *Taḡsoltan* (<*taḡ* 'рассвет, заря'+*soltan* 'султан' — женское имя) и т. д. Данное явление в тюркских языках впервые было отмечено известным советским ономастом В. А. Никоновым, писавшим, что «...*baj* (тюрк. 'богатый'), *bek* (тюрк. 'князь'), *ḡan* (перс. 'душа'⁴) присоединялись к личным именам для выражения почтительности» [3, 251].

Необходимо, однако, отметить, что в современном татарском языке в подобных именах категория почтительности подчеркнута значительно слабее, нежели в древности. Таким образом, категория вежливости-почтительности, выражаемая в подобных личных именах, со временем становится архаичной. Так, сословные титулы, став историзмами, составили пассивный пласт лексики и, естественно, уже почти не участвуют в образовании татарских личных имен.

6. Вежливо-почтительное обращение к личности в татарском языке может выражаться также личным местоимением второго лица множественного числа *Sez* 'Вы'. Например, *Min Sezne bik' k'üptän k'ötäm*, *Xaris Jakurovič* 'Я Вас очень давно жду, Харис Якупович'. *Sez Kazanğa barasuzma?* 'Вы поедете в Казань?' и т. д. Здесь необходимо подчеркнуть, что «личные местоимения — субституты всех имен существительных. Имена собственные личные — субституты суммы своих предикатов» [4, 345].

В современном татарском языке наряду с традиционными национальными формами категории вежливости-почтительности все чаще употребляется форма, заимствованная из русского языка, то есть обращение к личности по имени и отчеству: *Гусман Фаизович, Айвар Гумерович, Галия Ниязовна, Клара Зияевна* и т. д. Данная форма вежливо-почтительного обращения употребляется в основном среди татарской интеллигенции, распространяясь постепенно и на другие социальные группы.

В заключение отметим, что разнообразие форм категории вежливости-почтительности расширяет стилистические возможности татарского национального литературного языка.

⁴ О словах со значением «душа», составляющих целое синонимическое гнездо в татарском языке, и образованных с их участием личных именах см.: Г. Ф. Саггаров. Татар теле тарихында «жан» төшенчәсен белдерүче сүзләр һәм алар белән мөнәсәбәтле кеше исемнәре — «Татар тел белеме мәсьәләләре», 4 китап. Казан, 1972, стр. 42—60.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. А. Никонов. Системы личных имен. — «Имена у народов мира (материалы к справочнику)». М., 1970.
 2. Р. Г. Мухамедова. Татары-мишари. М., 1972.
 3. В. А. Никонов. Опыт словаря русских фамилий, II. — В сб.: «Этимология. 1971». М., 1973.
 4. В. И. Болотов. К вопросу о значении имен собственных. — В сб.: «Восточнославянская ономастика». М., 1972.
-

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

М. Ш. ШИРАЛИЕВ

О НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫХ ЭТИМОЛОГИЯХ НЕКОТОРЫХ СЛОВ И АФФИКСОВ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

За последние десятилетия советской тюркологией накоплен огромный фактический материал, которым русская дореволюционная тюркология, конечно, не располагала. Корифеи тюркологии В. В. Радлов, Л. З. Будагов, П. М. Мелиоранский, Н. И. Ашмарин, С. Е. Малов, Ж. Дени и другие строили свои выводы, зачастую не имея под рукой необходимого тюркского материала, могущего пролить свет на этимологию интересующих их слов, и поэтому бывали часто вынуждены обращаться к фактам других, нетюркских языков, на основе которых и пытались давать свои этимологии.

После Великой Октябрьской социалистической революции благодаря ленинской национальной политике партии и правительства в республиках выросли многочисленные национальные кадры тюркологов, накопившие за короткое время обширнейший фактический материал по своему родному языку и давшие новое объяснение некоторым вопросам фонетики, грамматики и лексики тюркских языков.

Таким образом, советская тюркология правомерно ставит вопрос о критическом пересмотре некоторых положений дореволюционной тюркологии и о новом творческом подходе к разрешению проблем, трактовка которых по традиции не пересматривалась, оставаясь по сей день неизменной.

В свете сказанного нам хотелось бы остановиться на этимологии двух слов и одного аффикса, до последнего времени трактуемой с нашей точки зрения ошибочно.

1. Зомäрд (азерб.), žomart (каз.), žoomart (кирг.).

Слово žomart в разных фонетических вариантах употребляется во многих современных тюркских языках в значении «щедрый, доблестный» и т. д. Встречается оно и в «Китаби деде Коркуд» в форме žomart||žomärd. Впервые об этимологии этого слова высказался свыше ста лет тому назад Л. З. Будагов. В своем знаменитом «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» Л. З. Будагов определил слово جومرد (žomärd) как персидское со значением «великодушный, щедрый» (вместо جوانمرد), образовавшееся в результате слияния двух слов (جوان + مرد)¹.

Все словари тюркских языков, вышедшие после словаря Л. З. Будагова, повторяли и по настоящее время повторяют эту этимологию.

¹ Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1869, стр. 446.

Однако фонетический облик этого слова, с одной стороны, и материалы многих диалектов тюркских языков — с другой, ставят под сомнение такую этимологию слова.

Весьма сомнительно, чтобы персидское слово جوان (žavan) в тюркских языках превратилось в جو (žo).

Язык «Китаби деде Коркуд», в котором зафиксировано незначительное число заимствованных слов, а также языки казахский и киргизский, где бытует рассматриваемое слово, не испытывали сильного влияния персидского языка. Все это заставляет критически пересмотреть этимологию данного слова на основе тюркского языкового материала.

На этимологию интересующего нас слова, в частности, проливают свет материалы диалектологической экспедиции 1946 г. в Мугань.

Собирая диалектологический материал по муганскому говору азербайджанского языка в селении Туркеди, мы обнаружили слово žom в значении «род, клан, племя»; например: Mürsälli žomi 'род Мурсаллы', Xäläfli žomi 'род Халафли' и т. д. Впоследствии удалось установить, что в форме žop 'народ' это слово встречается и в хакасском языке.

Таким образом, слово žom в значении «племя, род, клан» помогло в дальнейшем дать правильное объяснение этимологии слова žomart||žomärd на материале тюркских языков.

Сказанное выше позволяет сделать следующий вывод. Сложное слово žomart||žomärd состоит из двух тюркских слов — žom 'племя, род, клан' + art||ärd 'спина, гора, опора, поддержка, помощь'.

Слово art в приведенном значении встречается как в древнетюркском², так и в современных тюркских языках.

Слово žomart||žomärd, первоначально означавшее «опору, героя племени», в дальнейшем, при эволюции племенных языков в языки народностей, стало употребляться как прилагательное в значении «щедрый, великодушный, смелый» и т. д.

2. Tamata||tamada.

Слово tamada в значении «распорядитель пира, пирушки, руководитель застолья» во всех издававшихся по сей день словарях по традиции считается грузинским. По этому поводу в 1963 г. в «Словаре современного русского литературного языка» говорится: «тамада — от груз. *tamadoba* — старшинство во время пира»³.

Специалисты в области кавказских языков, насколько нам известно, считают, что фонетический облик этого слова говорит не в пользу его принадлежности к кавказским, а тем более к грузинскому языку.

В карачаево-балкарском языке слово tamata (балк.)||tamada (карач.) означает «старший, председатель, руководитель», например: *тамада къарнаш* 'старший брат'; *тамада лейтенант* 'старший лейтенант'; *тамада* (карач.), *тамата* (балк.) 'председатель, руководитель'⁴ и т. д.

Структура слова tamata||tamada показывает, что оно тюркское, состоящее из двух компонентов: tam+ata. Первый компонент tam во многих тюркских языках употребляется в значении «крыша, стена, дом», второй компонент ata — в значении «отец» (общетюркск.).

Таким образом, слово tamata||tamada означает «отец дома». В дальнейшем, расширив свое значение, оно стало обозначать вообще старшего, руководителя, председателя, как, например, в карачаево-балкарском

² «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 55.

³ «Словарь современного русского литературного языка», т. XV. М.—Л., 1963, стр. 89.

⁴ «Русско-карачаево-балкарский словарь». М., 1965, стр. 470, 554, 605.

языке и, перейдя в другие языки, стало употребляться в значении распорядителя пира, банкета и т. д.

3. Об этимологии аффикса $ta\check{s}||da\check{s}$.

Во многих тюркских языках словообразовательный аффикс имен существительных $ta\check{s}||da\check{s}$, присоединяясь к именам существительным, придает им значение «спутник, соучастник» и т. п. Об этимологии аффикса $ta\check{s}||da\check{s}$ в тюркологии существуют различные мнения, сводящиеся в основном к двум гипотезам.

Согласно первой из них аффикс $ta\check{s}||da\check{s}$ состоит из аффикса местного падежа $ta||da$ и элемента \check{s} (от слова $e\check{s}$ 'друг, товарищ'), согласно второй — аффикс $ta\check{s}||da\check{s}$ произошел от глаголообразующего аффикса $da<|la$ и аффикса взаимного залога \check{s} .

В настоящее время большинство тюркологов придерживается первой гипотезы.

Уязвимым местом обеих гипотез является то, что сторонники их видят в когда-то самостоятельно существовавшем слове соединение двух элементов: в одном случае аффикса местного падежа da и элемента \check{s} , в другом — глаголообразующего аффикса $da||la$ и аффикса взаимного залога \check{s} .

Сама форма и неподчинение ее гармонии гласных основы свидетельствуют о том, что здесь нет никакого присоединения аффиксов. В современном азербайджанском языке употребляется сложное слово $taj-tu\check{s}$ в значении «ровня, товарищ, ровесник». Кроме того, имеет самостоятельное хождение и каждый из компонентов этого сложного слова.

Слово taj — многозначное. Одно из распространенных его значений — «подобный, равный». Слово $tu\check{s}$ также является многозначным. Одним из малораспространенных и несколько архаичных значений этого слова является «ровня, спутник». В современном киргизском языке слово $tu\check{s}$ вместе со словом $te\eta-te\eta-tu\check{s}$ ⁵ употребляется в значении «ровня, сверстник». Сочетание $t\check{a}\eta-tu\check{s}$ встречается в «Китаби деде Коркуд». Слово $tu\check{s}$ в турфанских текстах употребляется в значении «друг, товарищ, соответствие»⁶ и т. д. Таким образом, аффикс $ta\check{s}||da\check{s}$ представляет собой фонетически измененный $tu\check{s}: tu\check{s}>ta\check{s}<da\check{s}$.

В дальнейшем слово $tu\check{s}$ в составе сложного слова утратило свою самостоятельность и превратилось в аффикс: первоначально — $joltu\check{s}$ 'дорога+равный' = 'равный по пути', а затем — $jolta\check{s}>jolda\check{s}$ 'друг, товарищ' и т. п.

⁵ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965, стр. 774.

⁶ А. von Gabain. Alturkische grammatik. Leipzig, 1950, стр. 344.

РЕЦЕНЗИИ

БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ТЮРКОЛОГОВ. ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ВВЕДЕНИЕМ А. Н. КОНОНОВА. СОСТАВИТЕЛИ
В. Г. ГУЗЕВ, Н. А. ДУЛИНА, А. Н. КОНОНОВ, Ю. А. ЛИ. М., ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА», 1974, 342 стр.

Издание биобиблиографических словарей по различным отраслям знания приобретает особое значение в век научно-технической революции, быстрого накопления и дифференциации знаний, интенсивного возрастания потока книжной и журнальной продукции. В материалах исторического XXIV съезда КПСС отмечается, что улучшение научно-технической информации является одной из актуальных проблем ускорения научного прогресса¹. Все сказанное в полной мере относится и к области общественных наук.

Академик Д. С. Лихачев, касаясь данной проблемы, пишет, что Академия наук СССР и академии союзных республик должны уделять сейчас больше внимания «библиографии, и библиографии при этом полной, а не выборочной, „рекомендательной“... Необходимо большое число разных по типу и охвату биографических и библиографических словарей»².

Именно поэтому заметным событием стал выход в свет капитального биобиблиографического словаря отечественных тюркологов, охватывающего дооктябрьский период развития тюркологии. Издание словаря — итог огромной, многолетней работы группы сотрудников Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР во главе с академиком А. Н. Кононовым, широко известная и общепризнанная исследовательская деятельность которого в области тюркской филологии успешно сочетается с плодотворным изучением истории отечественного востоковедения, и прежде всего — истории отечественной тюркологии.

Цель рецензируемого издания ясно определена самими составителями словаря в

предисловии: вооружить заинтересованных читателей справочным пособием, «которое помогало бы быстро получать необходимые сведения о деятелях отечественной тюркологии. В соответствующих справочниках не менее остро нуждаются и представители других востоковедных дисциплин» (стр. 5).

Идея издания словарей отечественных востоковедов (арабистов, иранистов, тюркологов и др.) не нова. Ее выдвигали и горячо поддерживали такие видные ученые, как В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, И. А. Орбели, И. Ю. Крачковский и др. В разное время предпринимались и практические шаги к осуществлению этой идеи, но по ряду причин не удавалось довести начатое дело до конца. Характерно, что основная трудность, стоявшая на пути составителей рецензируемого словаря, заключалась в отсутствии списка отечественных тюркологов дореволюционного периода. В процессе его составления «приходилось часто идти на ощупь, разыскивая и собирая буквально по крохам необходимые сведения, разбросанные по труднодоступным книгам и по статьям малоизвестных изданий» (стр. 6). И, конечно же, еще более трудной и сложной задачей являлись поиски справочных биографических данных о каждом из ученых, вошедших в этот список.

Справедливо замечено, что «выбор имен ученых для публикации очерков о них (в биобиблиографических изданиях. — Б. Л.) является нелегким делом»³. В данном случае — тем более трудным, что А. Н. Кононов и его коллеги стремились с максимальной полнотой и точностью осветить жизнь и деятельность тюркологов дореволюционного периода: и широко известных ученых, и исследователей, зачастую несправедливо забытых, чей вклад в отечественную тюркологию являлся, быть может, и не столь весомым, но тем не менее был, несомненно, в свое время полезным и нужным.

¹ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1972, стр. 10.

² «Литературная газета», 18 сентября 1974 г., № 38.

³ «История СССР». М., 1970, № 1, стр. 173.

Нам кажется, что можно было бы поспорить с составителями словаря относительно правомерности включения в его состав некоторых, казалось бы, слишком уж «второстепенных» лиц, одновременно указав на целесообразность дополнительного включения тех или иных лиц, причастных к тюркологии. Было бы, однако, несправедливо упрекать составителей в их вполне оправданном стремлении создать наиболее полный словарь, тем более что история и достижения дореволюционной тюркологии (когда кадры тюркологов были весьма немногочисленны) слагались из «больших» и «малых» усилий тюркологов — специалистов и любителей.

Кстати, среди опубликованных в словаре материалов можно встретить и очень краткие (двух-трехстрочные) справки об отдельных лицах, связанных с историей отечественного востоковедения (Атаев, Ш. Ишаев, Т. Княсбеков, М. Мохир, М. Преображенский и ряд других), нередко без указания имен и отчества, дат рождения и смерти и пр. Несмотря на настойчивые и энергичные разыскания, проводившиеся составителями словаря, пока не удалось обнаружить более подробных данных об этих лицах. Включение в словарь подобного рода справок, по необходимости предельно сжатых и неполных, также совершенно правомерно, ибо побуждает заинтересованных исследователей к дальнейшим поискам в этой области⁴.

Рецензируемый словарь, несомненно, может считаться достаточно полным по охвату тюркологов дореволюционного периода. Можно указать, что в издание вошло более 310 библиографических справок о деятелях отечественной тюркологии дооктябрьского периода — азербайджанцах, армянах, башкирах, казахах, кумыках, русских,

татарах, туркменах, узбеках и других⁵. Среди них — лингвисты, историки, этнографы, краеведы, педагоги, собиратели памятников тюркской письменности и др.

Краткому жизнеописанию каждого из тюркологов (с приведением основных дат) сопутствуют, как это и принято в словарях библиографического типа, списки его трудов или ссылки на ранее опубликованные указатели их, а также перечень использованной составителями словаря литературы о данном тюркологе.

Следует отметить тщательно продуманную и строго соблюденную систему сокращений, применяемых в статьях словаря, хорошее полиграфическое оформление книги.

Самостоятельное значение имеет опубликованный на стр. 297—327 обширный перечень условных сокращений в применении к использованным составителями словаря источникам и литературе. Это весьма полезное библиографическое пособие для изучения истории отечественной тюркологии.

Словарю предпослана обширная и обстоятельная вводная статья А. Н. Кононова «Из истории изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период» (стр. 9—90), составившая основу его монографического очерка на эту же тему, изданного в 1972 году. Публикация данной статьи весьма уместна, поскольку помогает читателям словаря составить наиболее полное представление о деятелях отечественной тюркологии и их трудах, об изучении тюркских языков в России в дооктябрьский период, об учебных заведениях, сыгравших важную роль в развитии отечественной тюркологии, и т. д.

Имеются в словаре и отдельные недочеты. Составители словаря вполне справедливо отмечают, что общественная и литературная деятельность некоторых тюркологов находилась в противоречии с их научными заслугами (это касается, например, В. П. Наливкина, О. И. Сенковского). Однако имеются и исключения в этом отношении (см., например, статью о А. Б. Байтурсунове).

В биографической справке об Абдусаттархане Абдулгафарове (Саттархане) полезно было бы, думается, упомянуть и статью И. Ю. Крачковского (с дополнениями В. А. Крачковской) «Надгробная плита Абд ас-Саттар хана» («Эпиграфика Востока», XIX. Л., 1969, стр. 59—63). Пространная надпись на указанном каменном надгробии содержит некоторые дополнительные сведения об этом видном представителе узбекской интеллигенции.

⁴ Уже сейчас, например, представляется возможным восстановить отсутствующие в словаре биографические даты составителя букваря для обучения грамоте на узбекском языке «по звуковому методу» Сейид-Азизова (Сейид-Расула Азизи). Он родился в Ташкенте в 1886 г. и умер там же в 1933 г. (Б. В. Лукин. У истоков великой дружбы. Ташкент, 1972, стр. 77). Даты рождения Я. Я. Лютша и других воспитанников восточного факультета петербургского университета, по-видимому, можно выяснить из их личных дел, хранящихся в Государственном историческом архиве Ленинградской области (фонд 14, оп. 1). Отчество Петра Цветкова и год его рождения (см. стр. 286 словаря), несомненно, могут быть обнаружены в его послужном списке, в собраниях Центрального государственного военно-исторического архива СССР в Москве и т. д.

⁵ Следует учитывать при этом, что фактически содержание словаря несколько выходит за рамки дооктябрьского периода, так как многие из вошедших в него тюркологов продолжали работать и после Великого Октября, что, естественно, нашло в данном издании соответствующее отражение.

В перечне некрологов о В. Ф. Минорском (стр. 218) не указаны речи об этом ученом, произнесенные на заседании французской Академии надписей 13 мая 1966 г. (Discours de M. Louis Robert et de M. Henri Massé a l'occasion de la mort de M. Vladimir Minorsky. Institut de France. Académie des inscriptions et belles-lettres. Paris, 1966, p. 1—5), и статья В. И. Абаева «Памяти В. Ф. Минорского» («Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка», т. XXVI, вып. 4. М., 1967, стр. 398—399). Дана ссылка на «полный список трудов В. Ф. Минорского по 1952 год», опубликованный в Лондоне. Имеется, однако, еще более полный список, опубликованный в Тегеране в 1964 г. и включающий все публикации В. Ф. Минорского по 1963 г. (List of publications by professor V. Minorsky. — «Iranica», Twenty articles, Publications of the university of Tehran, vol. 775, 1964, p. XI—XXVI).

В книге встречаются отдельные повторы (например, стр. 189—190), мелкие погрешности вроде ссылки на «Московские церковные ведомости» без указания конкретной даты их выпуска (стр. 251) и пр.

Все это, однако, ни в коей мере не умаляет значения рецензируемого монументального библиографического издания. Следует согласиться с указанием самих составителей, что отдельные пробелы проистекают «не по причине недостаточности усил-

лий, направленных (составителями) на розыски, а лишь из-за невозможности достичь идеальной полноты» (стр. 7).

Выход в свет «Библиографического словаря отечественных тюркологов» — важное событие в истории отечественной тюркологии. Нет сомнения, что ему суждено на многие годы стать незаменимым справочником для всех тюркологов и востоковедов.

Не будет преувеличением сказать, что каждый читатель непременно извлечет из словаря определенное количество ранее неизвестных ему данных и фактов.

Высокой похвалы и глубокого уважения заслуживает крайне кропотливая и чрезвычайно трудоемкая работа, осуществленная в процессе подготовки словаря к печати его составителями (В. Г. Гузевым, Н. А. Дулиной, Ю. А. Ли) во главе с инициатором издания А. Н. Кононовым.

Можно сожалеть лишь о малом тираже словаря (всего 2.000 экземпляров).

Отрадно отметить, что в ближайшее время выходит в свет составленный С. Д. Милибанд «Библиографический словарь советских востоковедов», являющийся (в его тюркологической части) как бы хронологическим продолжением рецензируемого словаря. Тем самым историография отечественной тюркологии обогатится еще одним, крайне нужным, капитальным справочным изданием.

Б. В. Лукин

«ГАГАУЗСКО-РУССКО-МОЛДАВСКИЙ СЛОВАРЬ»

М., 1973, 664 стр.

Гагаузский язык, входящий в огузскую группу тюркских языков, долгое время оставался вне поля зрения исследователей. Основоположником изучения гагаузского языка следует считать Н. К. Дмитриева, под руководством которого был разработан первый проект гагаузского алфавита.

Введение письменности, явившееся историческим событием в жизни гагаузского народа, всемерно способствовало дальнейшему развитию его языка, литературы и культуры. На гагаузском языке начали издаваться газеты, произведения устного народного творчества, появились учебники для национальных начальных школ и т. д. Было положено начало формированию гагаузского литературного языка.

Именно в этот период и в Москве, и в Кишиневе ученые приступили к всестороннему изучению гагаузского языка, устного

народного творчества, этнографии, истории гагаузского народа и т. д. Около десяти человек, в том числе и представители коренной национальности, успешно защитили кандидатские диссертации в этой области.

В 1964 г. появилось первое крупное монографическое исследование — «Грамматика гагаузского языка (Фонетика и морфология)» Л. А. Покровской, которая в настоящее время завершила исследование синтаксиса гагаузского языка. Известную трудность представляло до сих пор изучение лексического состава из-за отсутствия достаточно полного словаря гагаузского языка. В распоряжении исследователей имелся лишь опубликованный в 1904 г. небольшой глоссарий В. Мошкова, насчитывавший около 3.000 слов. В 1962 г. гагаузоведы Москвы и Кишинева предприняли научную экспедицию в гагаузские села Мол-

давии и Украины и собрали богатый языковой материал. Была составлена карта — основа будущего гагаузского словаря. Работа велась под руководством крупного специалиста Н. А. Баскакова.

Результатом кропотливого десятилетнего труда коллектива ученых в составе Г. А. Гайдаржи, Е. К. Кольца, Л. А. Покровской и Б. П. Тукан явился первый «Гагаузско-русско-молдавский словарь», изданный в 1973 г. Словарь этот, содержащий более 11.000 слов, кроме общеупотребительной в живом языке лексики включает также значительное количество устойчивых словосочетаний, идиом, пословиц и поговорок. Он выгодно отличается от некоторых аналогичных словарей тем, что в нем не отводится чрезмерно много места научно-технической терминологии. Трехязычный характер словаря делает его доступным широкому кругу специалистов.

Рецензируемое издание представляет собой первый капитальный словарь, наиболее полно отражающий словарный состав современного гагаузского языка. Составленный на базе обширного фактического языкового материала самого различного содержания, «Гагаузско-русско-молдавский словарь» имеет не только практическое, но и большое научное значение, являясь ценным источником по изучению пока еще мало исследованного лексически многопластового языка, входящего в огузскую группу. Он принесет несомненную пользу и при изучении ряда других тюркских языков.

Словарь содержит значительное количество фразеологических словосочетаний, способствующих раскрытию различных значений полисемантических слов.

Гагаузский язык отличается от других тюркских языков тем, что по сравнению с ними содержит очень мало арабских и персидских элементов, но зато включает значительное количество молдавских и румынских слов и незначительное — греческих. Заметное место в нем занимают русские заимствования и лексические элементы, вошедшие в гагаузский язык из болгарского. Весь этот многопластовый материал нашел полное отражение в рецензируемом словаре.

К словарю приложены составленные Г. Гайдаржи списки географических названий, в том числе топонимов, представленных на территории расселения гагаузов, а также гагаузских ономастических названий. Некоторые из включенных в этот список топонимов, как, например, *Коштанганы*, *Тараклы*, являющиеся кыпчакскими родоплеменными названиями, представляют большой исторический интерес. Заслуживает особого внимания раздел микротопонимики, включающий гагаузские названия небольших населенных пунктов, родников, долин, оврагов, рек, лугов, дорог, ручьев, ложбин, пашен и т. д.

Словарь завершается кратким справочного характера очерком грамматики гагаузского языка (составленным Л. А. Покровской), содержащим основные сведения о фонетике, морфологии, синтаксисе.

Рецензируемый «Гагаузско-русско-молдавский словарь» является важным источником по лексике гагаузского языка и ценным вкладом в тюркологическую науку.

Э. Н. Наджип

А. А. ЮЛДАШЕВ. ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ ТЮРКСКО-РУССКИХ СЛОВАРЕЙ

М., 1972, 416 стр.¹

Значительные успехи практической тюркской лексикографии и серьезная постановка словарного дела в нашей стране вызвали необходимость в создании соответствующего теоретического пособия, которое бы творчески обобщило опыт лексикографов по составлению тюркско-русских словарей. Первым крупным научно-теоретическим исследованием такого рода и является рецензируемая монография, охваты-

вающая довольно широкий круг важных и злободневных вопросов, с которыми повседневно сталкиваются лексикографы-тюркологи. Автор указывает в предисловии, что как первая работа такого плана она, конечно, не может претендовать на исчерпывающее решение всех вопросов, и в ней «рассматривается преимущественно проблематика, не имеющая однозначного решения в силу ее недостаточной теоретической разработанности» (стр. 5).

Соответственно тому, идет ли речь о левой или правой стороне словарной страницы (или колонки), лексикографическая проблема рассматривается в двух аспектах. Естественно, что «вопросы теории и

¹ См. также: Реферативный журнал «Общественные науки в СССР. Языковедение», 1973, серия VIII, № 1, стр. 117.

техники перевода — выходят за пределы задач данного труда» (стр. 342), поэтому автор сконцентрировал свое внимание на левой стороне тюркско-русских словарей, то есть на словнике. Раздел «Вопросы перевода» занимает в книге всего около семи страниц, так как только в послевоенные годы этой проблеме (правая сторона тюркско-русских и русско-тюркских словарей) были посвящены десятки книг, диссертаций, сотни статей и рецензий, хотя практически основным условием правильного перевода в данном случае является лишь достаточное знание обоих языков. Между тем левой стороне тюркско-русских словарей, организация которой требует широких познаний, в научной литературе уделялось, к сожалению, гораздо меньше внимания.

Во введении книги рассмотрены узловы́е этапы отечественной тюркско-русской лексикографии и дан обобщенный обзор существующих словарей по соответствующим периодам, характеризующий их в первую очередь с точки зрения их словника. Основное внимание уделено изданиям трех послевоенных десятилетий. Это своеобразная сводная рецензия, суммирующая результаты квалифицированного анализа наиболее значительных тюркско-русских словарей, выполненная на уровне современных достижений отечественной и зарубежной лексикографической мысли. Данные этого обзора, выводы и обобщения положены в основу последующей, основной части книги.

Первый раздел — «Общие принципы отбора слов для словаря» — находится в тесной связи с последующими тремя разделами, специально выделенными ввиду их особой важности и сложности, так как рассматриваемые в них актуальные вопросы являются в то же время дискуссионными². В этой части книги рассматривается целесообразность включения в словник переводного словаря следующих групп лексических единиц: а) диалектной, просторечной, эмоциональной и специальной лексики, аббревиатур, ономастики, звуко- и образоподражательных слов; б) фонетических и морфологических вариантов слов; в) производных слов, образованных по высокопродуктивным моделям; г) индивидуальных и лексикализованных форм слов, а также залоговых форм глагола.

«При решении любого вопроса словника составители словарей современных тюркских языков руководствуются в первую очередь принципом нормативности» (стр. 61), к освещению и интерпретации которого сводится рассмотрение первых двух групп указанных выше единиц. Значение

цитируемого вывода заключается в его наглядной и убедительной аргументированности, особенно в условиях, когда «границы нормативной лексики в современных тюркско-русских словарях охарактеризованы, надо сказать, весьма нечетко» (стр. 62) и когда «разные исполнители производят отбор слов, исходя из разных предпосылок, не всегда придерживаясь единых принципов» (стр. 58). Вообще, «продуманное и обоснованное решение вопросов словника — залог повышения научного уровня и практической полезности словаря» (стр. 59).

Во втором разделе «Производные слова, образованные по высокопродуктивным моделям», развивая и углубляя основные положения предыдущей части своей работы, автор пишет, что многие типы производных слов образуются в тюркских языках по таким же четким и однозначным грамматическим формулам и столь же последовательно, как и формы грамматических категорий числа, принадлежности, падежа, отрицания, времени и т. п., и правильно заключает, что «в словарь следует включать из всего множества однотипных производных слов только такие, которые обладают, кроме типового значения, индивидуальным лексическим значением» (стр. 105).

В то же время приведенное теоретическое положение, верное в принципе и обязательное для одноязычных словарей, нуждается в некоторой конкретизации и детализации, применительно к переводным пособиям (имеются в виду более или менее полные издания). Так, в словники двуязычных словарей не включаются (что вполне резонно), например, татарско-башкирские регулярно образуемые причастия типа *йоклаучи/йоклаусы* 'спящий; тот, кто спит', ибо и в русском языке им противостоят регулярно образуемые формы. Однако, например, *сөйләүче/һөйләүсе* — это уже не только 'говорящий, рассказывающий, выступающий (с речью, докладом и т. п.); тот, кто говорит, рассказывает, выступает', но и 'рассказчик', а также 'тот, кто ведет рассказ' [эта статья, справедливо включенная в «Татарско-русский словарь» (1966 г.), разработана, к сожалению, неполно и неточно]. Хотя указанная форма не обладает индивидуальным лексическим значением, она имеет единичный перевод, и, исключив ее (и все аналогичные формы других слов) из словаря, мы тем самым обеднили бы последний. Следовательно, в словник таких словарей оправданно включаются и все регулярно образованные, если они имеют индивидуальный перевод³.

В целом аналогично разработан и третий раздел книги, посвященный лексико-

² Примечательно, что первым существенным недостатком всех современных даже наиболее полных тюркско-русских словарей «является их неполнота» (стр. 22).

³ Практически этот вопрос положительно решен самим же автором на страницах 351—360, 386 и др.

графическому решению вопроса о залоговых формах глагола.

В сравнительно небольшом четвертом разделе после оценки и обобщения различных теоретических трактовок звуко- и образоподражательных слов автор приводит очевидные аргументы в пользу того, что подобные языковые единицы, безусловно, составляют объект словарей. Одновременно указывается на необходимость дифференцированного рассмотрения тех или иных частных моментов данного вопроса в лексикографическом аспекте.

В пятом разделе — «Разработка сложных слов и фразеологии в словарях» — сосредоточены наиболее актуальные вопросы тюркологии, связанные с особо дискуссионными теоретическими и прикладными проблемами общего языкознания; именно в этом пункте лексикографии сходятся и пересекаются, требуя своего комплексного решения, в частности, такие разноаспектные вопросы, как: 1) общая теория слова и идиомы, 2) орфография этих языковых единиц и 3) их лексикографирование.

Теория тюркского сложного слова до сих пор не получила специальной и капитальной разработки на лингвистической основе, что особенно остро и ощущается именно в лексикографии. Поэтому в данном разделе в первую очередь вскрыты и показаны практические ошибки, допущенные в различных трактовках этого вопроса.

Так называемые парные и удвоенные слова обоснованно рассмотрены автором в составе собственно сложных слов, что соответствует и лексикографической практике. Автором справедливо критикуются (стр. 85) гнездовой способ размещения таких единиц в «Киргизско-русском словаре» и искусственное вычленение конечного компонента парного слова в единицах типа *малтуар* в «Татарско-русском словаре» и в некоторых других. Компонент парного и тем более удвоенного слова, не существующий в языке изолированно, не подпадает под определение ни полнозначного, ни служебного слова современного языка.

Главное внимание в разделе уделено разграничению неоднословных конструкций (составных наименований, аналитических лексических единиц, описательных форм и др.) и идиом и отграничению этих двух категорий от образований смежных или сходных типов.

Тюркские языки характеризуются большим разнообразием и разнородностью неоднословных лексикографических единиц (см. об этом также ниже), при почти полном отсутствии принятой терминологической номенклатуры для обозначения соответствующих образований, тогда как в индоевропейских языках наблюдается в некоторой степени обратное явление. Во всех сопоставляемых языках исключение составляет лишь идиома, поскольку ее так называемые связанные составляющие не подпадают под научно-лексикологическое опре-

деление какого бы то ни было слова в синхронии. Поэтому вполне естественно, что как в тюркологии в целом, так и в отдельных тюркских языках предлагался и предлагается ряд терминов, которые, однако, трудно признать приемлемыми. Одним из них является термин «сложное слово», употребленный и в рецензируемой книге. Несмотря на то, что в данном исследовании научная разработка теории неоднословных лексикографических единиц (принадлежность всех их видов к языковым единицам еще должна быть доказана!) основана на более углубленном изучении предмета и представляет собой заметный вклад в теорию лексикографии, возложение подобной нагрузки на термин «сложное слово» и введение его в этом широком значении в тюркологию представляются, по крайней мере, неперспективными. Прежде всего, такое обозначение не вписывается в терминологическую систему тюркологии, и его использование в качестве термина вызывает чреватую последствиями ассоциацию с синкретичным понятием сложного слова, распространенным, например, в отечественной индоевропеистике, где признается «сложное слово, пишущееся раздельно»⁴ (ср. английское *compound*, французское *compose* и немецкое *Kompositum*, которые не вносят противоречия в терминологию оригиналов!). Хотя понятие тюркского сложного слова не тождественно упомянутому синкретичному явлению, например, в германских языках, ибо тюркские языки (а также и русский⁵) в этом пункте совершенно расходятся с германскими, тем не менее указанная ассоциация вполне закономерна, что проявляется, в частности, в попытках отдельных языковедов (например, в татарской лингвистике) некритически перенести эту нетюркскую концепцию неоднословных словарных единиц в тюркскую лингвистику, с одновременным приравнением таких лексикографических единиц к языковым, то есть со смещением аспектов и подменой понятий. Принимающий подобную концепцию тем самым становится на путь, который может привести к нивелированию различий между категориями сложного слова как лингвистического явления (и языковой единицы) и сложного понятия как логического явления и единицы мышления (такое неразличение не имеет значения, например, для энциклопедических и отраслевых словарей). На наш взгляд, некоторым отражением подобной концепции можно считать приведенные в книге в качестве примеров сложных слов конструкции типа: *тамга салу* 'наложить, поставить клеймо,

⁴ В. К. Мюллер. Англо-русский словарь. М., 1964, стр. 8.

⁵ См., например: Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. Справочник лингвистических терминов (Пособие для учителя). М., 1972. Здесь понятию сложного слова не дается столь широкого толкования.

тавро; поставить знак', *баш килеш* 'именительный падеж', *уртаклык дәрәжәсе* (стр. 241), *кызыл якут* (стр. 171). Компоненты этих образований являются лексическими единицами современного татарского, башкирского и некоторых других тюркских языков, употребленными в соответствующих значениях, и потому сочетание слов *и салу*, как и других приведенных пар слов, не может быть названо в синхронии тоже словом (оно образует уже единицу синтаксического уровня), ибо в противном случае возникает логическая несовместимость; а в логическом аспекте каждое из этих словосочетаний (как и каждое из этих слов в отдельности) действительно составляет единицу мышления. Аналогичную интерпретацию получает и составное образование со служебным компонентом (например, сочетание с вспомогательным глаголом *итү*), так как лингвистический статус служебного слова как такового также освещен многовековой традицией в тюркологии, славистике, германистике и т. д. Не случайно автор оговорил, что «в словарной статье заглавного слова практически невозможно приводить все сложные слова» (стр. 210); а ведь всякое слово (в том числе и сложное), признанное единицей языка, тем самым становится объектом филологического словаря, даже окказиональные слова регистрируются соответствующими словарями. Далее, подобная трактовка составных, в том числе неоднословных лексикографических единиц, обуславливает отнесение сюда некоторых типов идиом. Так, татарско-башкирские идиомы типа *таң калу*, *колак кагу* (стр. 103) приведены в ряду конструкций, названных сложными словами⁶.

В этой связи хотелось бы остановиться на тех неоднословных лексикографических единицах, которые представляют собой объект в основном только переводных словарей (данный вопрос частично отражен в книге, но не выделен композиционно).

Известно, что помимо прямого материала словника, то есть заглавных слов и заромбовых единиц, сравнительно полный двуязычный словарь охватывает еще и различного рода словосочетания и фразы, в

⁶ Разумеется, теоретическое выделение собственно сложного слова не должно быть поставлено в зависимость от орфографии, которая «носит здесь сугубо условный характер и не отличается последовательностью» (стр. 197). Так, в частности, наименования сложных понятий 15 и 25 имеют в действующей татарской орфографии явно непоследовательное написание *унбиш* и *егерме биш*, обусловленное исключительно тем, что имеются аналогичные русские написания «пятнадцать» и «двадцать пять». Но, с другой стороны, несомненно и то, что элементы *биш*, *ун* и *егерме* полностью сохраняют свой статус лексических единиц современного языка.

той или иной форме включаемые в текст словарной статьи и снабжаемые переводом⁷. Этот необходимый элемент словаря в теоретическом аспекте стал анализироваться относительно недавно, но в словарях с достаточно подробно разработанными статьями такие лексикографические единицы «занимают значительное место и, возможно, даже превосходят количественно вокабулы»⁸. Подобный материал состоит в основном из межъязыковых идиом (1) и абсолютно свободных словесных конструкций (2). Первые представляют собой неотъемлемый составной элемент переводного словаря, несущий необходимую языковую информацию. Так, в «Немецко-русском словаре» под ред. А. А. Лепинга и др. (М., 1968) в статье *Schach* приводится и свободное сочетание *Schach spielen*, которое имеет идиоматический (лексико-грамматический) перевод «играть в шахматы» (аналогично переводятся на русский язык и соответствующие словосочетания татарского и башкирского языков), то есть является межъязыковой идиомой. Абсолютно свободные фразы также могут быть приведены в словарной статье в интересах пользующихся этим пособием. Так, в «Узбекско-русском словаре» под ред. С. Ф. Акабировой и др. (М., 1959) в статье *бошламоқ* приводится, в частности, фраза *гап бошламоқ* с синонимичными переводами «начинать разговор, приступать к разговору, затевать разговор». Свободная фраза может дополнять и уточнять лексикографическую характеристику слова в его различных значениях. Такого сочетание *үзсүз сүт* 'снятое молоко' в статье *үзсүз* в «Азербайджанско-русском словаре» под ред. А. А. Оруджева (Баку, 1962)⁹.

Вопрос о затронутом объекте двуязычной лексикографии — одно из совершенно неразработанных звеньев как прикладной, так и теоретической лексикографии тюркских языков.

Рассмотрение собственно идиоматики (то есть единиц заромбовой части) с точки зрения запросов переводной лексикографии, осуществленное в целом с учетом достиже-

⁷ Но нередко такие фразы, будучи только иллюстративным компонентом словарной статьи, составляют в словарях и избыточный материал.

⁸ В. П. Берков. Вопросы двуязычной лексикографии. Л., 1973, стр. 115.

⁹ Такие межъязыковые лексикографические единицы, называемые иногда просто словосочетаниями, в тюркско-русских (и русско-тюркских) словарях часто объединяются под шапкой «фразеология». Подобное терминопотребление в известной степени правомерно, в частности, потому, что межъязыковые идиомы как таковые не относятся к собственно идиоматике, ибо с точки зрения только исходного языка, то есть во внутриязыковом аспекте, они представляют собой именно свободно образуемые словосочетания и фразы.

ний тюркского языкознания соответствующего периода (в основном 60-х годов), сосредоточено в подразделе «Фразеология как объект словаря»¹⁰. Ввиду невозможности охватить в рамках монографии весь комплекс вопросов идиоматики автор осветил данную тему лишь в наиболее общих ее чертах. Верно охарактеризовав ключевые, основополагающие проблемы данной отрасли языкознания, автор выделяет, в частности, «синтаксические фразеологизмы» (это в основном идиомы-предложения) и приходит к выводу о целесообразности подачи их «в особой части фразеологического раздела словарной статьи» (стр. 224). А идиомы-словословия рассмотрены здесь как «предмет последующего, заключительного раздела фразеологической части словарной статьи» (там же). Это значит, что конкретная лексикографическая основа решения вопроса еще раз доказывает несостоятельность распространенной в свое время чисто лексикологической трактовки, согласно которой идиомой (по другой терминологии: фразеологической единицей) считается оборот, выражающий только понятие и выступающий только членом предложения. Общую мысль данного подраздела желательно было бы только несколько развить в том смысле, что некоторая часть идиом не обладает признаком образности, то есть не является образительной, яркой, живой. Таковы, например, татарско-башкирские идиомы-омонимы *туры килу* I в значении «приходиться, прийти; быть вынужденным» и *туры килу* II в значении «встретиться» и др. (это выражение многозначно). Эмоциональным содержанием, составляющим необходимый ингредиент семантики образного выражения, они обладают лишь в той мере, в какой оно свойственно русским словам, приведенным здесь в качестве их переводов-толкований.

В шестом разделе, посвященном омонимии, обобщенно рассмотрен и довольно успешно интерпретирован ряд важных и сложных практических вопросов, которые имеют самые различные теоретические трактовки и убедительного ответа на которые действительно «нет и за пределами тюркского языкознания» (стр. 230).

В подразделе лексико-грамматических омонимов, образованных конверсией, дается в целом обоснованное теоретико-грамматическое объяснение данного явления и удачное лексикографическое решение вопроса.

Справедливо критикуя тех составителей словарей, которые «несколько перестарались и возвели в разряд конверсии явления,

которые к ней отношения не имеют» (стр. 269), автор сосредоточил свое внимание на вопросе об именах существительных, которые, выступая в качестве начальной компонента в изафетных конструкциях типа татарско-башкирского *эдэбият институты* 'институт литературы', могут быть переданы также и русскими именами прилагательными: тот же пример может быть переведен как «литературный институт». В этой позиции слово *эдэбият* 'литература', «полностью сохраняющее свое категориальное значение существительного» (стр. 344), как часть речи не обретает даже окказиональной грамматической полифункциональности, а лишь выступает (аналогично несогласованному определению в русском языке) в синтаксической функции определения, что справедливо отмечено на стр. 382. По досадному недоразумению, здесь «составители словаря усматривают значение прилагательного, исходя исключительно из возможности перевода на русский язык именем прилагательным» (стр. 37). Особо значимым представляется общее решение данного вопроса в лексикографическом аспекте (в частности, практические рекомендации автора, см. страницы 281—283 и др.). Но в теоретическом плане интерпретация данного вопроса нам представляется не до конца последовательной. Усматривая среди явлений конверсии две «четко очерченных ее градаций» (стр. 345), А. Юлдашев пишет, что подобное существительное «все-таки конвертируется в прилагательное». Ссылаясь на случай типа *ой ашы* 'домашний обед', автор заключает, что «его едва ли можно безоговорочно считать существительным» (стр. 271), хотя сам же признает, что семантика слова определяется «и ее грамматической характеризованностью» (стр. 277). А с этой точки зрения подобное слово может быть квалифицировано только как существительное. Короче, отмеченное выше перенесение некоторых понятий и положений межъязыкового аспекта на внутриязыковую может быть ошибочно истолковано и подхвачено составителями-практиками, работающими в области одноязычной лексикографии.

В подразделе генетически родственных лексических омонимов одной и той же части речи автор, основываясь на результатах изучения специальной литературы и анализе современных словарей, устанавливает следующие существенные признаки подобных омонимов: 1) изолированность слова в квалифицируемом значении от всей системы других его значений; 2) принадлежность квалифицируемого значения к разряду свободных значений, то есть способность слова выступать в данном значении в качестве полнокровной лексической единицы независимо от системы других его значений и от условий своей реализации; 3) социальная осознанность обоих предыдущих фактов.

¹⁰ Как и в публикациях большинства современных отечественных лингвистов, термин «идиоматика» и «фразеология» употреблены А. Юлдашевым в качестве дублетов (ср. заголовок данного подраздела и терминопотребление автора на страницах 170—171, 223 и др.).

В третьем подразделе рассмотрена омонимичность служебных слов, образованных от полнозначных, в частности, дано лексикографическое решение этого вопроса.

Последний из основных разделов книги (седьмой), озаглавленный «Основные принципы выделения и лексикографирования значений слов», является логическим продолжением и дополнением предыдущей ее части. Здесь правильно отмечены и на должном научном уровне рассмотрены характерные семантические особенности лексики тюркских языков со словарной точки зрения. Ценность данного раздела, как и всей работы, заключается прежде всего в том, что это первая попытка (см. стр. 339—341 и др.) интерпретировать вопросы семантики с лексикографических позиций в общетюркологическом масштабе.

Автор подчеркивает, что лексикографы крайне мало занимаются обобщением и популяризацией своего богатейшего опыта, а также анализом недостатков, снижающих научный уровень и практическую полезность выполняемой ими поистине огромной работы, что «многие достижения в этой области остаются незамеченными и, что хуже всего, с большим трудом входят в обиход, в то время как некоторые устарелые и даже явно неверные принципы лексикографирования значений и функции слова по традиции осуществляются в словарях гораздо более широко и последовательно» (стр. 341). Он предварительно анализирует и описывает те сопряженные явления, уяснение которых необходимо для разработки основной темы. Так, в подразделе «Разработка грамматических значений и функций слова» выделены рубрики о принадлежности слова к той или иной части речи, несовпадении парадигм слова с правилами формообразования, категории рода, о служебных функциях знаменательного слова и др. Вполне логичен и правомерен, в частности, вывод о необходимости сведений об управлении глаголов и послелогов. Данный вопрос в сущности является еще новым как для тюркско-русских словарей, так и для их теории. «Поэтому велика и практическая необходимость лексикографической информации об этих свойствах слов — ведь таких сведений нигде нет, и пользующийся словарем фактически лишен возможности навести справку о них в каком бы то ни было лингвистическом источнике» (стр. 354).

Данные выводы сделаны по вопросу об отражении категории глагольных видов русского языка в переводных словарях тюркских языков. В частности, автор резюмирует, что правомерность рассмотрения в словаре только одного из двух компонентов видовой пары весьма проблематична, ибо соотносительные глаголы совершенного и несовершенного видов «как лексические единицы не могут заменять друг друга» (стр. 359).

Следующий подраздел содержит довольно подробный анализ условий становления,

развития и функционирования различных типов лексических значений. Главное внимание уделено явлениям полифункциональности и многозначности, характерным для тюркского слова. Глубоко разработана специальная рубрика по лексикографической квалификации полисемантической лексики, а соответствующие выводы удачно реализованы в подрубике «Обусловленные значения слов». Теоретическое решение данного вопроса тюркской лексикографии имеет большое значение прежде всего потому, что им почти совершенно не занимались, ибо «разработка обусловленных значений в словаре остается по-прежнему едва ли самым уязвимым местом в лексикографической квалификации семасиологии слова» (стр. 382).

Автором выделены два типа обусловленных значений: «морфологически закрепленные» и «остальные значения, проявляемые лишь в определенном лексическом окружении» (стр. 389). Особую важность имеют примерные разработки соответствующих словарных статей, наглядно демонстрирующие своевременность и ценность решения рассмотренного вопроса.

В восьмом разделе рассматриваются стилистические особенности слова и его значений как объекта словаря, приведен краткий обзор специальной литературы, изложены выводы автора, обобщающие его наблюдения над современными словарями, даны также необходимые практические рекомендации.

В заключение рецензии отметим тот положительный факт, что в каждом разделе книги уделено должное внимание истории научной разработки соответствующего вопроса и указана основная литература.

Хотя в редакционной аннотации и говорится, что книга обобщает опыт современной тюркской лексикологии и лексикографии, историко-обзорный раздел этого труда выходит далеко за пределы указанного периода, охватывая даже некоторые рукописные источники и отдельные архивные материалы.

В целом ценность исследования А. А. Юлдашева заключается прежде всего в решении или постановке тех задач, которые выдвигаются «самим развитием современной лексикографии» (стр. 362). Это первый опыт настольного пособия для составителей тюркско-русских, а отчасти и одноязычных тюркских словарей. В той мере, в какой толковый словарь составляет базу для переводного, в этой работе рассмотрен и разработан ряд вопросов одноязычной лексикографии (см. страницы 363—364, 366, 375 и др.). Поэтому ее выводы представляют определенный интерес и для создателей толковых словарей тюркских языков.

В книге вскрыты возможности лексикографического аспекта рассмотрения многих теоретических проблем, вовсе не затрагивавшихся в других областях тюркского язы-

кознания. Иными словами, эта книга свидетельствует о том, что лексикографическая практика как один из существенных аспектов объективного решения целого ряда лингвистических проблем представляет в свою очередь базу для более глубокой теоретической интерпретации многих вопросов лексикологии, идиоматики, грамматики, стилистики, теории перевода и др.

Это ценное исследование видного ученого-тюрколога не только теоретически обобщает успехи, достигнутые в области тюркской лексикографии, не только помогает разре-

шению затронутых вопросов, но и представляет собой первый серьезный шаг в область теории от эмпирического и прагматического осмысления проблем двуязычной лексикографии. Что же касается отдельных слабостей работы, отмеченных выше, то они объясняются прежде всего нерешенностью и неразработанностью многих проблем в данной области, обойти которые исследователь, взявший на себя решение столь важной задачи, не вправе.

Г. Х. Ахунзянов, З. Г. Ураксин

Ә. З. АБДУЛЛАЕВ. МУАСИР АЗЭРБАЙЧАН ДИЛИНДӘ ТАБЕЛИ МҮРӘККӘБ ЧҮМЛӘЛӘР

БАКЫ, «МААРИФ» НӘШРИЯТЫ, 1974

Книга проф. А. З. Абдуллаева «Сложноподчиненные предложения в современном азербайджанском языке» вышла вторым изданием. Впервые она была издана десять лет тому назад и все это время служила ценным пособием для студентов-филологов и молодых научных работников-языковедов при изучении ими сложного предложения. Новое издание переработано автором и дополнено главой «Формирование и эволюция сложноподчиненного предложения».

Проблема сложноподчиненного предложения как в общем языкознании, так и в тюркологии всегда служила предметом острых дискуссий. В первом издании книги автор проанализировал материалы этих дискуссий и, основываясь на фактах азербайджанского языка, определил свою позицию в данном вопросе.

Однако полемика сторонников и противников высказанной автором рецензируемой книги точки зрения в тюркологической литературе продолжается по сей день. Следует заметить при этом, что большинство ученых высказывается в пользу научной концепции А. З. Абдуллаева. Среди последних много исследователей сложноподчиненных предложений в различных тюркских языках, что еще раз подтверждает оправданность позиции, занятой автором.

Во втором издании А. З. Абдуллаев излагает свое отношение к вновь высказанным в теоретической литературе последних лет суждениям, расширяет и углубляет свои прежние выводы.

В книге приводятся новые примеры, проясняющие семантические оттенки прилагательных предложений и раскрывающие не только структурную гибкость сложноподчиненных предложений азербайджанского

языка, но также их выразительные возможности, смысловое богатство.

Глубокая трактовка проблемы формирования сложноподчиненного предложения дана в последней, упомянутой выше, главе, дополняющей новое издание. Хотя автор и опирается прежде всего на факты азербайджанского и других тюркских языков, теоретическая сторона вопроса вовлекает его в общелингвистическую дискуссию о генезисе сложноподчиненного предложения. Поэтому выводы А. З. Абдуллаева представляют большой интерес и для исследователей проблемы сложноподчиненного предложения в языках других систем.

Два пути генезиса сложноподчиненного предложения, хорошо известные в языкознании (распространение члена простого предложения и детерминирование компонента сочинительной связи), подверглись в книге тщательному научному анализу как с точки зрения логики и методологии лингвистического исследования, так и в плане привлечения убедительных исторических фактов и диалектных данных. Предложенные автором формулы одноядерных и двуядерных синтаксических структур вполне согласуются с общей закономерностью исторического развития динамической модели сложноподчиненного предложения в тюркских языках.

В разделе «Упрощение сложноподчиненного предложения» также исследуется генезис сложного предложения. Здесь прослеживаются тенденции развития структуры сложноподчиненного предложения, выдвигаются новые вопросы, освещается процесс изменений типов предложений и делаются важные выводы не только общетюркологического, но и общелингвистического характера. Особый интерес представляет сужде-

ние автора о базе языкового мышления, предопределяющей процесс упрощения. Заслуживает внимания справедливая оценка той роли, которую играет при этом принцип экономии языковых средств. Автор указывает также на восхождение мысли по спирали к более высокому уровню грамматической абстракции, к более тонкой дифференциации грамматических элементов, выражающих различные категориальные признаки и модальные отношения. Таким образом, проблема генезиса сложноподчиненного предложения освещается в книге с учетом явления обратной связи, в соответствии с законом отрицания отрицания: простые предложения — сложноподчиненное предложение — простое развернутое предложение.

Примечательно, что возникновение союзных средств рассматривается автором как составная часть процесса развития сложноподчиненного предложения. В этой связи обстоятельно излагается вопрос о природе союза *ки*, раскрывается его этимология и анализируются семантические особенности. Очевидно, такое повышенное внимание к этому союзу связано с его исключительной ролью в образовании самых различных типов сложноподчиненных предложений. Вместе с тем нельзя не отметить, что всесторонний анализ союза *ки*, стоящий несколько особняком в общей архитектонике книги, был бы, возможно, более уместен в специальном исследовании.

Автор последовательно касается вопроса о взаимоотношениях гипотаксиса и партаксиса подчинения и сочинения в общем русле синтаксической эволюции сложного предложения. Им выдвигаются веские доводы в пользу первичности сочинительных конструкций и высказываются убедительные соображения о возможных путях перехода от сочинительной связи к подчинительной. В книге дано также аргументированное опровержение точки зрения тех исследователей, которые отрицают участие сочинительных конструкций в формировании отдельных типов сложноподчиненных предложений.

Языковеды, отрицающие возможность перехода от партаксиса к гипотаксису в связи с неспособностью сочинительных союзов развиваться в подчинительные и выражать таким образом подчинительность, вероятно, упускают из виду специфику функционирования морфологических и синтаксических категорий. В этом вопросе А. З. Абдуллаев исходит из внутренней логики развития синтаксического строя каждого языка. В основе его модели двоядерного сложноподчиненного предложения как раз лежит закономерность подобной трансформации, то есть несомненным следует признать то, что сложноподчиненное предложение возникло после сложносочиненного.

Вообще в связанной речи или тексте существует смысловая связь между самостоятельными предложениями, как простыми, так и сложными. В противном случае не

было бы целостного повествования, излагаемые события не были бы связаны причинностью и последовательностью, и речь превратилась бы в набор разрозненных фраз. Развитие речевого мышления обязательно предполагает существование такой исторической стадии, в которой смысловая связь простых элементарных форм высказывания осуществлялась бы линейным соположением их в речевой цепи. Подобно функциональным значениям древних морфем, это соположение первоначально имело в смысловом отношении, очевидно, столь же синкретичный характер. Можно только предполагать, что наиболее ранним симптомом усиления дифференциальной синтаксической связи между смежными простыми предложениями было изменение их ритмико-мелодической структуры. Так образовались бессоюзные сложносочиненные предложения. В дальнейшем, наряду с возрастанием роли градуальной интонации и интонационной зависимости одного предложения от другого, в целях достижения логико-смысловой конкретности возникла необходимость в дискретных морфологических средствах синтаксической связи. В результате появились союзные предложения — сложносочиненные и сложноподчиненные, причем грани между ними на ранних стадиях формирования синтаксической связи союзного типа, разумеется, не были столь жестко очерчены. Подлинное их разграничение наступило лишь после подкрепления более тесных и обязательных логико-семантических взаимоотношений компонентов при гипотаксисе специализированными формальными средствами подчинительной синтаксической связи. Если интонация сложносочиненного предложения предполагает однонаправленную согласуемость компонентов, то интонация сложноподчиненного предложения характеризуется двусторонней зависимостью: не только первый компонент регулирует второй, но и второй влияет на первый. Это существенное логико-семантическое различие обобщенного характера находит свое выражение в первую очередь в размежевании соответственных грамматических средств. Формирование сложноподчиненного предложения требует для интеллектуального синтеза компонентов в сложное целое более высокого уровня энергетических и стронтельных ресурсов. Корпус «здания» сложноподчиненного предложения возводится уже не из однородных и равнозначных «кирпичей», а из разнородных, различной величины «блоков», с использованием прокладок из «кирпичей» простых и сложносочиненных предложений.

К достоинствам работы следует отнести и то, что не только для данной теоретической главы, но и для всех остальных глав книги, содержащих конкретный научный анализ синтаксических структур и семантических особенностей прагматичных предложений, характерно проникновение в сущность анализируемых фактов, убедительное

раскрытие логической необходимости и закономерного характера развития синтаксических явлений.

Проблема сложноподчиненного предложения как одна из узловых в языкознании продолжает оставаться весьма актуальной по сей день и в тюркологии, являясь предметом острой полемики между учеными. Ценность рецензируемой книги заключается как раз еще и в том, что в ней обстоятельно и глубоко освещаются по существу все спорные теоретические вопросы сложноподчиненного предложения на уровне современного языкознания.

И еще одна примечательная особенность книги: это строгое соблюдение принципа историзма как одного из важнейших принципов диалектической логики, что оправды-

вает привлечение к исследованию языковых фактов различных памятников, обращение автора к образцам народно-поэтического творчества, умелое использование материалов других тюркских языков в сравнительно-историческом плане. Благодаря историзму автору удалось проследить также роль художественной литературы и периодической печати во введении в употребление и преобразовании предложений в функционально-стилистических целях.

Второе издание книги А. З. Абдуллаева «Сложноподчиненные предложения в современном азербайджанском языке» представляет собой ценное монографическое исследование сложной лингвистической проблемы.

Т. Гаджиев

«STUDIA TURCICA»

EDIDIT L. LIGETI. AKADEMIAI KIADO. BUDAPEST, 1971

Рецензируемый сборник был издан в связи со 100-летием основания кафедры тюркской филологии будапештского университета. В него включено около 40 статей по различным вопросам тюркологии и алтаистики, написанных учеными Англии, Венгрии, ГДР, Италии, Польши, Советского Союза, США, Турции, Финляндии, Франции, ФРГ, Чехословакии, Японии.

Сборник открывается статьей венгерского ученого Ж. Какук¹ «100 лет преподавания тюркской филологии в будапештском университете». Исследование в области тюркской филологии начинается в Венгрии, как пишет автор, со времен османского господства. В числе первых европейцев, переведших турецкие тексты на латинский язык, автор называет Мурада и венгерского серба Георгиевича. Переводил турецких поэтов на венгерский язык и сам писал стихи на турецком языке (1552—1556 гг.) известный венгерский поэт-лирик Валентин Баласи.

С первой половины XIX века стали изучаться языковые и другие контакты между турецким и венгерским народами. Здесь следует назвать Жана Реписку, впервые начавшего обучать студентов будапештского университета турецкому, персидскому языкам и санскриту. Реписка занимался также сбором и интерпретацией исторических источников на турецком и венгерском язы-

ках. Дело Ж. Реписки продолжил его талантливый ученик Армин Вамбери, с именем которого связано основание кафедры тюркологии.

А. Вамбери занимался в основном изучением старо- и нововосточных языков. Одним из первых он исследовал язык и литературу древних тюрков Средней Азии и создал «Этимологический словарь тюркских языков». А. Вамбери выпустил также на немецком языке работу «Древнеосманский язык», содержащую весьма интересные тексты на османском и азербайджанском языках.

Значительное место в статье отведено деятельности другого известного венгерского тюрколога Ж. Тюрн. В 1903 г. вышли его книги «Памятники турецкого языка до начала XIV века», «Диалектология османских тюрков», а несколько позднее и «История турецкого театра». Ж. Тюрн занимался также переводами с турецкого на венгерский язык и изучал османско-венгерские историко-литературные связи. После А. Вамбери и Ж. Тюрн следует назвать имя крупнейшего венгерского тюрколога Ю. Немета, начавшего свою деятельность на кафедре тюркологии в 1914 г.

В 1930 г. под руководством Ю. Немета был создан Институт тюркской филологии. Ю. Немец подготовил целую плеяду талантливых ученых — Джозефа Блашковича, Чарльза Цегледи, Яноша Экмана, Георга Дьёрфи, Тибора Халашн-Кун, Лайоша Лигети, Дениса Шинора и др.

Диапазон научных интересов Ю. Немета весьма широк. Он заложил основы сопо-

¹ В данной рецензии-аннотации, так же как и в самом рецензируемом сборнике, после фамилий венгерских ученых города не указываются.

ставительного изучения венгерского и тюркских языков, исследовал рунические памятники, найденные в долине Таласа, и турецкие лексические заимствования в венгерском языке. Много лет посвятил Ю. Немет исследованию куманского языка, прежде всего памятника «Кодекс Куманикус». Ю. Немет создал четырехтомный труд по турецкому языку, опубликовал турецкие стихи Валентина Баласа, занимался исследованием диалектов балканских тюрков. В настоящее время Ю. Немет готовит к печати труд, посвященный историческим памятникам венгерских тюрков. По его инициативе и под его руководством составлена библиография советской тюркологии.

Далее Ж. Какук дает краткую характеристику научной деятельности известных венгерских тюркологов — Луи Фекете и Лайоша Лингетти, отмечая, что в настоящее время венгерские тюркологи работают в трех направлениях: 1) тюркские заимствования в венгерском языке, 2) письменные памятники кыпчаков и 3) документы венгерско-турецких экономических связей².

Статья П. Аалто (Хельсинки) посвящена тюркско-иранским контактам в доисламскую эпоху. Автор указывает на существование в древности связей между скифами, сарматами и различными тюркскими племенами. По мнению П. Аалто, ряд слов чувашского языка подтверждает существование контактов между древними тюркоязычными и ираноязычными племенами. Так, например, название напитка «кумыс», имевшее в санскрите форму *suṅā*, а в «Авесте» — *huṅā*, сохранилось в германских языках как имя прилагательное *suug*, по мнению автора, этимологически связанное с исконно тюркским *суга*, чувашским *səga* 'пиво', а тюркское *tāna*, чувашское *tāna* ~ *tāna* 'теденек' этимологически восходит к санскритскому *dheṇa*. Чувашское *sək-le* 'грузить', тюркское *jūk* 'груз', по мнению П. Аалто, восходят к авестийскому и санскритскому *jugā* 'ярмо'. Автор указывает также на соответствие между тюркским *toṅak* 'сыр' и авестийским *tūiṅja* 'сырный', прослеживает этимологическую связь между компонентом *kaṅ* 'крепость, город' в образованиях типа *Shupashkar* 'Чебоксары', *Murkar* и древнеперсидским словом **kaṅa* 'семья', 'стая', 'толпа'.

В статье отмечается стилистическое сходство между текстами древнетюркского памятника в честь Кюль-Тегина и древнеперсидского памятника *Naxš-i Rostam*. Ав-

тор считает, что древнетюркское *jabu* соответствует среднеперсидскому *jaṅga*, являющемуся производным от *jam-* 'вести', 'руководить'.

Древнетюркское *šadaput* (из памятника в честь Тоньюкука) сравнивается с древнеперсидским **šatarati*, а слово *šad*, как утверждает автор, связано с среднеиранским *šād* 'шах' или авестийским *xšaeta* 'глава'.

Основываясь на сходстве лексических значений и фонетической близости, П. Аалто находит много общих слов в древнетюркском языке, с одной стороны, и в древнеиранском, кушанском, согдийском, тохарском — с другой.

Д. Барци в своей статье рассматривает звуки *š* и *č* в протовенгерских словах, заимствованных из тюркских языков. Как пишет автор, З. Гомбоц считал, что не только венгерские слова, в которых представлен *s* (-š), но также большая часть слов, содержащих *cs* (-č), принадлежит к протовенгерскому пласту тюркских заимствований, и поэтому было бы весьма рискованно включать в группу команно-печенежских заимствований слова, лишенные характерных особенностей чувашского языка.

Предположение, согласно которому следовало бы, основываясь на чувашском *s*, отнести к старочувашскому, а также общетюркскому языку все венгерские слова тюркского происхождения, имеющие *s* (-š) вместо тюркского *č*, по мнению автора, ничем не оправдано.

Автор статьи считает, что фонетическое соответствие тюркского *č* и венгерского *s* (-š) не следует квалифицировать как тюркскую фонетическую эволюцию. Решение данной проблемы может быть найдено в истории самого венгерского языка.

По мнению Д. Барци, в протовенгерском были две аффрикаты. В связи с этим в статье предлагается двоякое решение: 1. Тюркский *č* был идентичен протовенгерскому *č'*, который позже развился в *s* (-š); в таком случае современный венгерский *s* происходит от более древнего *č*, что доказано Константином. 2. Тюркский *č* был идентичен протовенгерскому *č'*, и тогда *č* вполне мог дать *cs* в венгерском.

Одно и то же слово иногда дает оба варианта: как *kis*, так и *kicsiny* 'маленький' восходят к тюркскому *kiči*.

В статье отмечается, что тюркский *č* в венгерском языке во всех позициях дает *cs* чаще, чем *s*. Автор приводит многие тюркские слова, заимствованные венгерским языком.

Н. А. Баскаков (Москва) в статье «Природа и функциональное значение связки в составе предложения в тюркских языках» приходит к выводу, что предложение как выражение акта предикации является всегда процессным, содержащим категории модальности и времени. Процессный признак выражается либо спрягаемой формой глагола, либо формально выраженной связкой (для настоящего времени допустима и ну-

² О развитии и современном состоянии венгерской тюркологии см. также: Ю. Немет. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии. — «Вопросы языкознания», 1963, № 6; *ею же*. Общие проблемы тюркского языкознания в Венгрии. — Там же, 1964, № 6; Ж. Какук. Тюркологические исследования в Венгрии. — «Советская тюркология», 1974, № 1.

левая связка). Связка представляет собой любую временную полную или редуцированную форму причастия вспомогательного глагола, структурно относящегося к предыдущему имени.

Структура так называемого именного сказуемого со связкой — это вербализованный комплекс, состоящий из имени и неотторжимой от него основы вспомогательного глагола, вместе с которой данный комплекс составляет аналитическую глагольную основу. В составе именного сказуемого в качестве именной его части может выступать и глагольная функциональная форма, также образующая в сочетании со связкой лексическое единство.

Основами вспомогательного связочного глагола при имени в «именных сказуемых» являются для настоящего времени глаголы $\ddot{a}g\text{-}||\text{er}\text{-}||\ddot{a}g\text{-} \sim \ddot{a}\text{-}||\text{e}\text{-}||\ddot{a}$ ($\ddot{a}g\ddot{u}r$) 'быть', $t\ddot{u}g\text{-}$ 'являться', 'представлять собой', 'жить'; для прошедшего времени — тот же глагол $\ddot{a}rd\ddot{u}$, $erd\ddot{u}$, $ed\ddot{u}$, $id\ddot{u}$; для будущего времени — глагол $bol\text{-}||bul\text{-}||ol\text{-}$.

В статье *Л. Базена* (Париж) дается этимологический анализ слова **angyurt*. Как известно, Г. Дёрфер во втором томе своей работы «Тюркские и монгольские элементы в новоперсидском языке» специально рассматривает слово *аңуурт* (под № 563). Л. Базен отмечает, что в тюркских языках формы этого слова восходят к двум типам *аңуу* и *аңуу*, в монгольском же — только ко второму типу, то есть к *аңуу*. Автор считает, что форма слова *аңу*, встречающаяся и в «Диване» Махмуда Кашгари, является исконно тюркской, форма же *аңу* и ее варианты, зафиксированные лишь в восточных и северных ареалах тюркского языкового сообщества, могли быть заимствованы из монгольского, ибо только там встречается прототип **аңуу*.

Упомянув предположение Дж. Гамильтона о том, что диалектное различие в формах *аңу* и *аңу* в тюркских языках существовало еще в X веке, автор заключает, что в связи с этим нет никакого смысла рассматривать первую форму как заимствованную из монгольского.

Л. Базен приходит к выводу, что монголы заимствовали слово *аңуурт* 'рыжая утка' из тюркских языков. Затем уже оно перешло из монгольского в тунгусский, маньчжурский и другие языки, как это предположил Г. Дёрфер.

Темой статьи *Г. Биджари* является исследование аллегорических произведений великого азербайджанского поэта XVI века Физули. Автор подвергает подробному филологическому анализу произведения поэта «Гашиш и вино», «Семь чаш», «Беседа плодов» и «Здоровье и болезнь».

В работе *Дж. Блашковича* (Прага) исследуются турецкие источники, содержащие слово *kuruc*. Автор отмечает, что слово *kuruc* встречается в венгерской исторической литературе в значении «воин». В венгерских письменных источниках данное

слово бытует в форме *curucz*, в словацких же источниках оно имеет форму *kuruc*. В чешских и словацких словарях это слово зафиксировано лишь в XIX в. в значении «бунтарь», «повстанец».

В турецкой исторической литературе *kuruc* впервые появилось в работе о Тёкелли, которого турки считали королем курсов, или курсов. Турки же это слово заимствовали из исторических хроник Силахдара Мехмед Ага, бывшего историографом при дворе турецкого султана в конце XVII—начале XVIII в. Силахдар указывает, что *kuruc*||*kuruc* в греческом означает «грабитель», «разбойник». В турецких же источниках словом *kuruc* (*kurs*, *krus*) называли венгерских повстанцев. Из турецких исторических источников явствует, что венгерские повстанцы сами называли себя *куруцами*, турки же воспринимали данное слово в значении «разбойник». Освободительное движение куруцев в XVII в. было направлено против тиета Габсбургов.

Происхождение венгерского *kuruc* не совсем ясно. Некоторые предполагают, что оно заимствовано из немецкого и восходит к *grutze* 'крестоносец'. Однако этимологи единодушно утверждают, что это слово восходит к латинскому *curx*. Основываясь на замечании Силахдара о греческом происхождении слова, автор считает, что гипотетически его можно связать со словом *kursan* 'пират', вошедшим в турецкий язык через арабское *qursān*, которое в итальянском языке в форме *corsaro* также означает «пират». Возможно, что турецкие формы *kuruc*, *kuruc* связаны с греческим словом в значении «воин». Далее автор статьи приводит отдельные фрагменты текстов на венгерском и турецком языках, где встречается рассматриваемое слово, и дает их переводы на немецкий язык.

А. Бодроглигети в статье «Грамматика мамлюкско-кыпчакского языка», в частности, отмечает, что последние двадцать пять лет тюркской филологии отмечены интенсивным изучением грамматического строя тюркских языков в плане историческом и дескриптивном. Большинство новонайденных или опубликованных письменных источников принадлежит к среднетюркскому периоду развития тюркских языков, многие из них относятся к древнеанатолийскому и чагатайскому языкам. В последние два десятилетия внимание тюркологов привлекали кыпчакский язык и язык хорезмских тюрок. Все это сделало необходимым создание среднетюркской грамматики, учитывающей все известные науке документы. При этом следует иметь в виду, что среднетюркский период развития языка охватывает семь столетий, а поэтому необходима публикация всех литературных памятников, относящихся к этому времени, с их грамматическим и лексическим анализом.

По мнению А. Бодроглигети, язык кыпчакских тюрок является важной вехой в истории развития тюркских языков. Автор

отмечает, что литературный кыпчакский язык впервые возник в Золотой Орде в середине XIV в. Это был язык хорезмских тюрков, испытавший на себе сильное персидское влияние. Кыпчакский язык мамлюкского королевства конца XIV века отличался от древнеанатолийского языка и языка хорезмских тюрков. А. Бодроглигети сообщает, что грамматика мамлюкско-кыпчакского языка составлена им на основе четырех письменных памятников: «Kitāb-ī Gulistān biṭ-turki», «Kitāb Bajtaratu'l-vāzih», «Munjatu'l-guzāt», «Iršādu'l-mulūk va's-sālātīn». Автором дается сжатый анализ фонетической, морфологической и синтаксической структур мамлюкско-кыпчакского языка на основе названных памятников. Отдельно исследуется и лексика.

А. Бомбачи (Неаполь) в своей статье «Мужья принцессы Hsien-Li Bilgā» рассматривает китайскую эпитафию на надгробии тюркской принцессы и в этой связи затрагивает проблему древнейших тюркско-китайских связей.

Надгробный камень с эпитафией тюркской принцессе был найден в конце прошлого столетия в древней столице Танской династии Хэнань. Эпитафия содержит жизнеописание дочери Мочжо Кагана (или Капган Кагана), правителя восточных тюрков с 691 по 716 гг.

Впервые эпитафия была опубликована китайским ученым Лу Хсин-Юаном. В дальнейшем она изучалась Ф. Хиртом, П. Пельо, Э. Шаванном. Ею интересовался и китайский ученый Ван Куо-вей. Исследователи на основании эпитафии и других исторических документов стремились уточнить имена принцессы, ее мужей, а также отдельные детали их биографий. А. Бомбачи после критического обзора суждений своих предшественников высказывает весьма оригинальные и достаточно обоснованные предположения по данному поводу, в частности, он выступает против мнения Лу, идентифицирующего Ашиде Ми-ми с первым мужем принцессы Ашина Ху-лу. Много внимания уделяет А. Бомбачи установлению имени второго мужа принцессы и самого факта замужества. На основе анализа начальных иероглифов китайского текста эпитафии *chien jan hsien-li p'i-chia* автор статьи высказывает предположение, что принцессе звали Hsien-Li Bilgā.

Ныне покойный Дж. Клосон (Лондон) выступил в сборнике со статьей «Некоторые замечания о письменном памятнике Тоньюкука». Автор отмечал, что во всех изданиях рассматриваемого памятника (В. В. Радлова, Х. Н. Оркуна, С. Е. Малова, П. Аалто, Р. Жиро, Т. Текина) содержатся ошибки, и поэтому ни одно из них не является вполне удовлетворительным. В. В. Радлов транскрибирует имя человека, в честь которого составлен памятник, как *Tonjukuk*, С. К. Кляшторный — *Tunjoquq*, Дж. Клосон же предлагает *Tuñoquq* или *Tuñoqoq*.

Автор статьи впервые делит памятник на одиннадцать глав.

В первой главе говорится о детстве и юности Тоньюкука, и Дж. Клосон, опираясь на данные памятника и других источников, делает попытку определить год рождения Тоньюкука.

Во второй главе описывается неудавшееся восстание. По сообщению Лю Мао-цая, тюрки в 679 г. восстали и объявили каганом Нишуфу. Однако в 680 г. последний был убит, а в 681 году было подавлено и само восстание.

Третья глава повествует об увенчавшемся успехом восстании Эльтериша. Китайские источники сообщают об участии Тоньюкука в этом восстании.

Четвертая глава посвящена событиям, предшествующим миграции из Иньшаня, в пятой — говорится о миграции к Отюкенской черни. Рассматривая эту главу, автор особо останавливается на анализе сочетания *qiguja: Qordanta*. Последнее слово В. В. Радлов транскрибировал как *Qurdaп*, но не пытался определить его значение. Другие исследователи эти два слова связывают этимологически и переводят как «на Западе к западным». Дж. Клосон предлагает перевести их так: «на Западе к хотанам». Далее автор указывает, что исследователи этого текста были введены в заблуждение необычным порядком слов в 15-й строке. Поэтому они ставили точку после *udyzutm*, предполагая, что спрягаемая форма глагола должна находиться в конце предложения. В памятнике же иногда предложение продолжается и после глагольного сказуемого. В связи с этим Дж. Клосон предлагает следующий перевод последнего предложения: «Я вел (людей) вверх по реке Онгин с их рогатым и вьючным скотом». (Ср. у С. Е. Малова: «Пройдя реку Кек Онг, провел к лесу Отюкэн. По реке Тогле пришли огузы с рогатым, вьючным скотом»).

В шестой главе говорится о покорении огузов.

Седьмая глава посвящена набегу на Шантунг. По сообщению Лю Мао-цая, в 693—706 гг. Мочжо (Капган Каган) совершил двадцать четыре набега на Китай. Дж. Клосон считает, что третье предложение в 19-й строке переведено неверно: *Usu: nbu: ntatu: jurtda: jatu: qalu:r arti:*. Разные исследователи по-разному читали первые два слова и считали, что они обозначают месторасположение *jurtda* 'лагерь'. Т. Текин перевел это предложение так: «Не будучи в состоянии выспаться, он (каган) остался в лагере». По Дж. Клосону, *jurtda* — это «руины лагеря». Два первых слова похожи на имя и титул какого-то китайского военачальника. Исходя из этого, автор статьи предлагает такой перевод: «*Wu Hsin-rên* (?), та-ту был покинута мертвым на руинах своего лагеря».

В восьмой главе говорится о покорении киргизов в 710 году. Автор считает, что де-

вятое слово из 25-й строки обычно переводится ошибочно. [Ср. у Т. Текина: «Я дал (воинам) согреть свои спины»; у С. Е. Малова: «Я приказал остановиться (тыловым) лагерем»]. Автор транскрибирует данное слово в виде *cuqaqlatdum* и предлагает такой перевод: «Я выбрал (подходящий) момент», или «Я определил место встречи», что представляется менее вероятным.

В девятой главе речь идет о походе против оноков (западных тюрков) и тюргшей, предпринятом одновременно с покорением киргизов.

В десятой главе рассказывается об экспедиции к Железным Воротам. Автор статьи подробно анализирует 45-ю строку памятника и останавливается на следующих за словосочетанием *İpāl Haḡaḡa* шести или семи буквах, не поддающихся расшифровке.

Одиннадцатая глава повествует о подвигах Эльтериш кагана и о том, как служил ему и его наследникам Тоньююк. Слово в 53-й строке автор предлагает читать *oḡurtdum* 'я установил', а не *uḡartdum* 'я возвысил'.

К. Цегледи выступает в сборнике со статьей «Псевдо-Захария Ритор о кочевниках», в которой, в частности, отмечается, что большое значение для изучения истории прото-булгар и хазар имеет «Приложение» неизвестного автора к сокращенному сирийскому переводу утраченной греческой «Церковной Истории» Захарии Ритора. В «Приложении», опубликованном И. Марквартом в 1903 году, упоминается ряд этнических имен, чтение которых по настоящее время остается спорным.

В «Приложении» говорится, что севернее Месопотамии находятся пять христианских стран — *Персармения*, *Гурзан* (Иберия), *Арран* (Кавказская Албания), *Сисаган* и *Базгун*. Последняя располагается на территории гуннов от моря до Каспийских ворот. Язычники *бургар* живут за Каспийскими воротами. В «Приложении» названы и тринадцать кочевых племен. Автор статьи предлагает следующее чтение названий этих племен: *onogur*, *ogur*, *saḡir*, *burgar xu(r)turgur*, *aḡar*, *ḡasir*, *(i)di(r)mar*, *saru(r)gur*, *barsilq(?)*, *xwalis*, *aḡdel*, *eḡtalit*. Географические названия приводятся им в среднеперсидской интерпретации, например, название Албании — в форме *Alvanḡ'*, название провинции, известной у армян как *Siunik*, — в форме *Sisagan*.

Автор высказывает предположение, что «Приложение» не является полностью оригинальным памятником и этнические имена, приводимые в нем, взяты сирийским автором из византийских источников через посредство среднеперсидского языка. В византийский же источник имена огуров, аваров, савиров попали из работы Прискуса Ритора, который, описывая события 463 г., упоминал эти и ряд других племен. Далее К. Цегледи обстоятельно пишет об источниках, из которых автор мог заимствовать

эти этнические имена, дает фонетическую интерпретацию каждого из них.

Статья Я. Экмана (Лос-Анджелес) посвящена восточнотюркским переводам Корана. Автор выдвигает предположение, что моделью для первого тюркского перевода Корана послужил первый персидский его перевод.

Первый дошедший до нас перевод Корана на восточнотюркский язык — язык тюрков Центральной Азии, то есть караханидов, был осуществлен в 1333 г. в эпоху правления илханида Абу Саида (1317—1336). Переписал его Мухаммед ибн Хаджи Даулат шах. Список хранится в Стамбуле. В этом переводе весьма мало использовано арабских и персидских слов. В нем, например, вместо слов *Qur'ān*, *āya*, *Rabb*, *iblis*, *tu'min* соответственно употребляются исконно тюркские слова *oquu* 'Коран', *bālgū* 'стих', *idi* 'господь', *jāk* 'дьявол', *kirtū-pūgli* 'правоверный' и т. д. По предположению автора, данный список переписан с экземпляра, выполненного в XI в. в восточной части караханидской империи, вероятно в Кашгаре.

Второй список перевода Корана хранится в Манчестере. В нем приводятся как арабский оригинал, так и его персидский и тюркский переводы. В одних случаях тюркский перевод соответствует арабскому оригиналу, но отличается от персидского перевода, в других — соответствует персидскому переводу, но отличается от оригинала, в третьих — отличается и от того, и от другого.

Далее Я. Экман анализирует переводы списков, хранящихся в Ташкенте (переписан в XIII в.), в библиотеке Сулеймание в Стамбуле (переписан в 1363 г., на языке хорезмских тюрков), в Ленинграде (найден в г. Карши, место и время написания пока не установлены). Автор приводит отдельные фрагменты из текста Корана и их английский перевод.

Г. Фехер-младший в своей статье «Новые данные о турецкой компании 1543 г.» сообщает новые сведения о войне, которую вели турки в 1543 г. Автор анализирует «Сулейманнаме» Матраки Насуха, посвященное описанию жизни и деятельности Сулеймана Великого с момента прихода его к власти (1520 г.) и до самой смерти (1551 г.). Г. Фехер подробно останавливается на том томе «Сулейманнаме», в котором описываются события 1542—1543 гг., в частности, поход турецкой флотилии под командованием Барбаросы Хайреддин-паша, дошедшей до Тулона, для оказания помощи французам. Во второй части этого же тома говорится о захвате турками венгерского города Секешфехервар 3 сентября 1543 г.

Автор статьи отмечает, что в работу Матраки Насуха включен целый ряд выполненных самим автором миниатюр, представляющих большую научную ценность

для изучения событий 1543 г., ибо ими датируется время вторжения турецких войск в тот или иной населенный пункт на территории Венгрии.

А. фон Габен (Ангер, ФРГ) посвятила свою статью жилищам древних тюрков — юртам с решетчатым остовом. Автор отмечает, что древние тюрки в понятие *äy* включали не только само жилище, дом, но и предметы быта, размещавшиеся в служивших им жильем палатках, легко переносившихся с места на место. Неизвестно, однако, использовали ли тогда тюрки, подобно монголам, решетчатый остов или конструкции с двухскатной крышей. Ибн Фадлан сообщает, что, находясь в 922 г. к северо-западу от Усть-юрта, он встретил отгузов. Их жилища были изготовлены из шерсти с войлочным куполом. Каркас таких жилищ составляли ремни из конской или бычьей кожи. Впрочем, Э. В. Тоган, основываясь на других источниках, пишет, что и хазары жили в шатрах. Иногда шатры устанавливались на телегах. Однако сомнительно, чтобы хазары могли пользоваться юртой с решетчатым остовом.

Автор сообщает, что в Турфане найдены четыре изображения круглых хижин, относящихся к XI—XII вв. Широкие и высокие, они покрыты соломой. Лю Мао-цай отмечает, что китайцы в IX в. переняли шатры у северных народов. Еще в 756 г. конструкция шатра с решетчатым остовом была известна китайцам. В жаркое время года крышу шатра покрывали соломой, а зимой войлоком. Все это позволяет предположить, что палатки с решетчатым остовом были известны древним тюркам.

В статье Д. Дёрфи «Восстание в Коппани», в частности, говорится о том, что после смерти правителя Гезы (997 г.) к власти пришел его сын Вайк, нареченный при крещении Стефаном. Против последнего сразу же правителем Коппани было поднято восстание. Однако дошедшие до нас об этом сведения полны противоречий. Автор статьи сопоставляет данные источников и высказывает свои суждения об исторических событиях того времени.

Т. Халаши-Кун (Нью-Йорк) в статье «Неидентифицированные средневековые поселения в Южной Венгрии» останавливается на названиях населенных пунктов в Южной Венгрии (или «Зоны I», как именуется Южная Венгрия в венгерской историографии), входившей определенное время в состав Османской империи.

Автор отмечает, что установление названий местностей и их местонахождения в Южной Венгрии сопряжено со значительными трудностями. Здесь требуется скрупулезное изучение соответствующих османских налоговых книг (*defter*). Автор считает, что эти дефтеры содержат важные данные. По ним, например, можно установить: а) второе название (*nam-i diğer*) той или иной деревни, которое может быть либо средневековым, либо современным назва-

нием данного поселения; б) в случае же совпадения названий нескольких деревень ее местонахождение уточняется либо соответствующим определением (*Dolna* 'Нижняя', *Sredna* 'Средняя', *Gorna* 'Верхняя'), либо добавлением названия близлежащей деревни, либо же, наконец, указанием на окрестности другой деревни (*pezd-i* 'около', *maa 'c'*, *der hudud-i* 'в зоне', *der jed-i* 'рядом', *tabejn* 'между' и т. п.).

В статье Г. Хазан (Берлин) прослеживается историческое развитие личных окончаний в османско-турецком языке, в частности: аффикса первого лица единственного числа. Письменные памятники турецкого языка позволяют реконструировать следующие формы окончания первого лица единственного числа: 1) { *men* }, 2) { *ven* }², 3) { (j) *İn* }², 4) { *vEm* }², 5) { (E)*m* }², 6) { *vEnİn* }², 7) { *Um* }². Позже все эти формы развиваются в *um||it* и ее варианты *um||it*.

А. Хорват свою статью посвятила исследованию торговли скотом в венгерском городе Сольнок в период турецкого господства. В XV—XVI веках Венгрия вела торговлю крупным рогатым скотом с Австрией, Германией, Моравией и Венецией. Главным торговым пунктом был древний портовый город Сольнок на реке Тиссе, захваченный турками в 1552 г. Статья охватывает период с 1558 по 1575 г., в ней подробно говорится и о таможенных пошлинах.

Д. Калди-Надь анализирует в своей статье роль системы *Timar* в сельскохозяйственном производстве Венгрии. Автор, в частности, пишет, что султан Сулейман, захватив в 1541 г. Буду, установил, что земельный участок отныне не будет являться абсолютной собственностью его владельца, ибо вся земля принадлежит государству. После этого все имения бывшей венгерской феодальной знати перешли в собственность османской казны. В статье говорится о сборе османской казной налога с владений венгерских феодалов, о последствиях, которые имело в экономическом и социальном развитии страны введение новой налоговой системы, и особенностях последней.

В заключение автор пишет, что система *Timar* пагубно сказалась на аграрном, экономическом и социальном развитии Венгрии в XVI—XVII вв. и других территорий, находившихся под турецким господством.

В статье С. Г. Кляшгорного (Ленинград) «Руническая надпись из Восточной Гоби» описывается так называемый Чойренский памятник и подробно говорится о двух тамгах первой строки надписи. Автор сообщает, что надпись состоит из 72 знаков, расположенных в 6 строках. Некоторые знаки в начале первой строки, а также в начале и конце шестой повреждены. Затем приводятся транскрипция и перевод надписи на русский язык.

В статье Э. Коркмаз (Анкара) дается ответ на вопрос: кто переводчик *Qābūs-nāme*

и Marzubān-nāme? Автор отмечает, что анатолийско-турецкая литература с момента своего зарождения включала наряду с оригинальными произведениями и переводы с персидского и арабского языков. Например, «Qābūs-nāme», написанное на персидском языке в 1082 г., было переведено по указанию Сулейман-шаха (1368—1386), правителя Гермияна, на турецкий язык. Оригинал «Marzubān-nāme», созданный в X веке на древнем диалекте Табаристана (Северного Ирана), не сохранился; до нас дошла лишь его персидская версия. Это произведение, так же как и «Калила и Димна», состоит из басен и носит этико-политический характер. Исследования показывают, что «Marzubān-nāme» также был переведен на турецкий язык по указанию Сулейман-шаха.

После распада анатолийско-сельджукской империи в Западной Анатолии возникло Гермиянское княжество со столицей в Кутахья (1300—1428 гг.). Это княжество, пользовавшееся в свое время большим политическим влиянием, проявляло заботу о развитии литературы, особенно в эпоху правления Сулейман-шаха и его сына Якуп-бека. Именно к этой эпохе относится творчество известных классиков Шейхоглу, Ахмедн, Ахмед Дан, Шейхи. Однако имена переводчиков названных выше памятников до сих пор не были установлены. Известны два списка «Марзубаннаме» — берлинский и варшавский. У первого, датированного 1445 годом, утрачено начало. Варшавский список относится к 1485 году. В списках нет указаний на переводчиков. А. Зайончковский и Ж. Дени считали, что переводчик «Марзубаннаме» остается неизвестным.

Однако проведенные исследования показывают, что между текстами переводов «Марзубаннаме» и «Кабуснаме» и произведениями известного поэта XIV века Шейхоглу, жившего в период правления Сулейман-шаха, имеется языковое и стилистическое сходство. Исходя из этого, автор статьи делает вывод, что переводчиком обоих произведений был не кто иной, как Шейхоглу Садруддин, ученик Мас'уда ибн Ахмеда.

Статья К. У.-Кехальми посвящена исследованию трех древних названий ружейного ремня, которые были распространены в Средней Азии, а именно: saḡdaq, qurluq и keš.

В статье И. Лауде-Циргаукас (Сизтл, США) «Узбекские матримониальные формы обращения» разбираются случаи употребления личных местоимений второго лица единственного и множественного числа в качестве обращения, особенно между мужем и женой. Автор отмечает, что при непосредственном обращении муж и жена, как правило, друг друга по имени не называют. Если у них есть дети, то обращение выражается словами otasi, dadasi, adasi 'отец

его' или opasi, ajasi, ajisi 'мать его'. Супруги могут называть друг друга даже именами старшего или младшего ребенка Ahmed+žon, Nabiba-xop. Пожилые супруги называют друг друга соответственно čol+im 'мой седой', kampir+im 'моя старуха'.

В случае косвенного обращения муж и жена по возможности избегают употребления слов eg+im 'муж мой' или hotin+im 'жена моя'. В зависимости от обстоятельств они могут употреблять формы üyüngiz 'сын ваш', akaŋgiz 'старший ваш', kelin+ingiz 'невестка ваша' или uj+dakilar 'домочадцы' и т. п.

Л. Лигети в своей статье ставит ряд проблемных вопросов в связи с вариантами переводов памятника «Säkiz jüktäk jaŋuq» на уйгурский, монгольский и китайский языки.

Этот памятник, являющийся одним из основных книг буддизма, должен был по определенным дням прочитываться по нескольку раз (три или семь раз). Уйгурский вариант памятника, состоящий из трех фрагментов, хранится в Киото и был опубликован Хенед Тору в 1915 г.

Исследованием фрагментов памятника, хранящихся в Ленинграде, занимается Л. Ю. Тугушева. Уйгурский вариант перевода памятника имеется также в Британском музее в Лондоне и в Берлине. По мнению автора, берлинский вариант памятника представляет больший интерес. Некоторые фрагменты его опубликованы В. Бангом, А. фон Габен и Рахмети Аратом. Автор подробно останавливается на ошибках издания В. Банга, считая, что последнее весьма далеко от оригинала. По существу это новый вариант памятника, занимающий важное место в истории уйгурской литературы.

Сопоставляя берлинский, ленинградский и лондонский варианты памятника, автор приходит к выводу, что они переписаны в разное время, а именно: в IX—X и XII—XIV вв., и характеризует каждый из этих вариантов.

Анализируя монгольский вариант «Säkiz jüktäk jaŋuq», автор статьи приходит к выводу, что хотя уйгурский перевод и был осуществлен раньше, однако монгольский вариант был переведен не с него. По мнению автора, в переводе памятника на монгольский участвовали и уйгурские переводчики, хорошо знавшие уйгурский, монгольский, тибетский, китайский и другие языки.

По мнению автора, перевод памятника на монгольский язык был осуществлен с китайского оригинала, также в свою очередь имевшего два варианта. На основе сопоставления уйгурского и монгольского вариантов памятника с китайскими автор приходит к заключению, что уйгурский перевод сделан с первого, а монгольский — со второго китайского варианта. Л. Лигети высказывает предположение, что и китайские варианты памятника являются переводом, по-видимому, с санскрита.

В статье Л. Лоринца сопоставляются между собой монгольский и древнетюркский эпосы. У монголов героический эпос с главным героем Baatar и образами многоглавых чудовищ Мангуса или Мангадчая возник в XIV—XVII вв. Наряду с множеством общих элементов в монгольском и алтайско-тюркских языках много общего и в эпосах носителей этих языков. Герои алтайско-тюркских эпосов часто носят монгольские имена. Например, в героическом эпосе «Altaj-buĉaj» имена Erben-ĉeĉen, Dvagan-ĉeĉen, Ful-gerĉi, в эпосе «Alyp-manaĉ» имена Erke-Koo, Kjulor-bij, в героическом эпосе «Kökin-êrkej» имена Boro-teltej, Anĉimergen, Djelbis-sokor, в героическом эпосе «Ak-tojĉi» имя Altyn-topĉu.

Монгольский буддизм внес в алтайско-тюркский героический эпос элементы буддизма, что нашло свое отражение прежде всего в именах Erglik-bij, Uĉ-Kurbustan и т. п.

Происхождение ряда имен в алтайско-тюркских эпосах остается невыясненным. В эпосе «Altaj-buĉaj» действуют два враждующих между собой героя Агапай и Сагапай. Автор считает, что они восходят к Агуай и Сируай из монгольского эпоса.

По мнению автора, монгольский эпос оказал наряду с языковым и культурное влияние на тюркские народы Средней (внутренней) Азии.

Э. Мандоки в своей статье дал анализ 117 песен татар Добруджи. Тексты их были записаны автором в 1969 г. от татарских жителей деревни Оногур. Текст песен приводится с параллельным переводом их на французский язык.

В сборник включена статья Ю. Немета «Этнические тюркские имена с тотемическим происхождением». Автор отмечает, что в тюркоязычных памятниках сохранилось много элементов тотемизма. Самым ценным литературным с тотемическим содержанием памятником урало-алтайских народов является легенда о соколе (tugul), посвященная периоду правления династии Арпад в Венгрии. Автор приводит отдельные фрагменты из легенд и поясняет значение имеющихся в них слов тотемического содержания. Ю. Немет отмечает, что сами венгры тоже называют птицу из легенды tugul (изображена на гербе Венгрии). Племя Арпад называлось также Tugul. Автор приходит к выводу, что слово tugul до XIII века употреблялось в значении названия племени, после XIII века — как собственное мужское имя, а в дальнейшем — и как название местности. По мнению Ю. Немета, слово tugul||toĝrul этимологически восходит к глаголу toĝra- 'резать', 'разрезать на куски'.

Автор считает, что хотя тотемизм и существовал у древних тюрков, но он не носил у них системного характера; древнетюркские

государственные формации никогда не носили имен тотемического содержания. Однако древние тюрки употребляли тотемические имена, подчас не поддающиеся объяснению.

Статья Д. Пауса посвящена этимологическому анализу этнического слова оуиг. Автор рассматривает различные значения данного слова: оуиг 'время', 'счастье', 'возможность' и т. д. Данное слово в форме глагола оуига- употреблялось в значении «встретить», «достичь», «соединить».

На основе анализа многочисленных значений слова оуига- и его производных автор заключает, что семантическое развитие значений «встреча — случай — благоприятный случай — успех — счастье» вполне закономерно.

Во второй части статьи автор говорит о слове оуиг как о названии народа, племени, отмечая, что многие языковеды переводят оуиз как «владеющие стрелами». Таким образом, основу слова составляет оу 'стрела', элемент же r||z одни исследователи считают аффиксом диминутива, другие — древним аффиксом множественного числа.

Далее Д. Паус отмечает, что имя Оуига- производное от глагола оуига-, по Махмуду Кашгари означает «лагерь». Слово Оуига в «Диване» Махмуда Кашгари имеет также значение названия тюркского племени. Автор усматривает семантическую связь между значениями «племя», «народ», «встреча» и «сборище». В доказательство правомерности развития значения «собираться», «сборище» в названии народа, племени автором приводятся другие примеры, а именно Elteriĉ 'собирающий народ', где ter- является глаголом со значением «собирать». Д. Паус, судя по всему, не считает возможным этимологически связывать название народа оуиз со словом оу 'стрела'.

В статье М. К. Палло дается этимологический анализ венгерских глаголов *gyűl* 'загораться' и *gyújt* 'зажигать'. В начале статьи автор отмечает, что происхождение этих очень древних глаголов неясно, хотя морфологически их можно сравнить с глаголами *súl* 'трудно дышать', 'утонуть' и *fojt* 'утопить', 'задушить' финно-угорского происхождения. Вначале Э. Бабос, затем Ж. Тюри в оставшемся неизданным «Венгерско-тюркском сравнительном словаре» эту глагольную пару этимологически связывали с тюркским jak- 'сжигать'. По мнению Э. Бабоса, элемент *t* в составе глагола *gyujt* — протовенгерский, тогда как, по мнению А. Рона-Таша, он является показателем каузатива в тюркских языках. При чем А. Рона-Таш связывает *gyujt* с чувашским *sut*-<тюрк. *jakt- 'зажигать'. Автор статьи считает, что глагол jak- в тюркских языках принадлежит к ряду *jaŋ-*, *jat-, jaq-, jaš-, jal-, где корнем является *ja-. М. К. Палло отмечает, что глагол *jal*- уже с давних времен имел фонетические варианты *jyl*-~*jol*-~*jul*-, на что в свое время

указывал и А. Вамбери. В тюркских языках представлено также слово *jula* 'факел', восходящее к глаголу *jul-*. Таким образом, в статье высказывается мысль о том, что венгерские глаголы *gyúl* и *gyújt* имеют тюркское происхождение.

Я. Рейхман (Варшава) в статье «Чувашский *salugaј* = соловей» сообщает, что данное слово содержится в небольшом словаре Альбина Коона. По своей форме оно похоже на исконно тюркское, однако в чувашском языке «соловей» называется *šärčäk*. В других же тюркских языках употребляется либо *sanduvač*, либо *bülbül*. В названный словарь включены черемисские, удмуртские и чувашские слова. Туда вошел и целый ряд слов, заимствованных в эти языки из русского. Несмотря на то, что *salugaј* формально похоже на тюркское слово, Я. Рейхман считает, что оно является русским заимствованием и восходит к русскому «соловей», где *o* перешло в *ǰ*.

Статья А. Рона-Таш посвящена анализу чувашских гуттуральных смычных в ауслауте. Прототюркский конечный *-q*, как отмечает автор, имеет двойной репрезентант в современном чувашском языке: 1) *-x*: *oq* 'стрела' ~ чув. уха, *tul(aq)* 'сирота' ~ *täläx*, *äy (aq)* 'луна' ~ *yuax* и т. п.; 2) нуль звука: *adaq* 'нога' ~ *uga*, *qonaq* 'гость' ~ *xäna* и т. п. Ситуация с *-k* та же самая: 1) *-k*: *ëšik* 'дверь' ~ *aläk*, *bel(ik)* 'талія' ~ *piläk* и т. п.; 2) нуль звука: *ö:zek* 'сердцевина' ~ *vaga*, *ingek* 'корова' ~ *ëpe* и т. п. Звонкий гуттуральный смычный исчезает: *buzay(u)* 'теленки' ~ *paui*, *sybaу* 'жребий' ~ *šäpa* или *küdeg* 'зять' ~ *këgü*, *älig* 'пятьдесят' ~ *allä* и т. п.

Автор отмечает, что некоторые моносиллабические непроемные слова в чувашском языке становятся диссиллабическими.

Конечный *-x/-k* сохранился в чувашском также в тюркских заимствованиях: *јараq* 'шерсть' → *јурах*, *ëšek* 'осел' → *išek* и т. п.

Конечный звонкий взрывной исчезает и образуется дифтонг *u*: *say-* 'дойти' ~ *sullšäv-*, *toy-* 'рожать' ~ *tu||täv-* и т. п.

Следовательно, чувашские репрезентанты таковы:

прототюрк. $\underset{<}{-k}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{чуваш. } \underset{<}{x} < \underset{<}{k} \\ \text{чуваш. нуль } < \underset{<}{u} < \underset{<}{\gamma} < \underset{<}{g} \end{array} \right.$
прототюрк. $\underset{>}{k}$	
прототюрк. $\underset{>}{-g}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{чуваш. } \underset{>}{k} \\ \text{чуваш. нуль } < \underset{>}{u} < \underset{>}{\gamma} < \underset{>}{g} \end{array} \right.$
прототюрк. $\underset{>}{g}$	

Иначе говоря, некоторые глухие взрывные становятся звонкими и затем развиваются так же, как их звонкие корреляты.

Затем автор останавливается на анализе монгольских гуттуральных взрывных, переходящих в конечной позиции в *γ* или *g*:

Монг.	Тюрк.	Чуваш.
<i>turuγ</i>	<i>turuq</i>	<i>tärgäx</i>
<i>čečeg</i>	<i>čäčäk</i>	<i>šäska</i>

Приводятся примеры и на следующие соответствия:

Прототюрк. k/q	Монг. k/q	Чуваш. k/x
<i>kök</i>	<i>köke</i>	<i>kävak</i>
<i>erik</i>	<i>erke</i>	<i>iräk</i>
<i>saq-</i>	<i>saki</i>	<i>syx-</i>

А. Рона-Таш предполагает, что после *r* и *l* глухой гуттуральный сохраняется, например в *serke, sirqan, sürkei, talqan*. Автор считает, что здесь имеют место «ротацизм» и «лабдаизм».

r_1	$\left\{ \begin{array}{l} \text{Тюркский } r \\ \text{Чувашский } r \\ \text{Монгольский } r \end{array} \right.$	l_1	$\left\{ \begin{array}{l} \text{Тюркский } l \\ \text{Чувашский } l \\ \text{Монгольский } l \end{array} \right.$
r_2	$\left\{ \begin{array}{l} \text{Тюркский } z \\ \text{Чувашский } r \\ \text{Монгольский } r \end{array} \right.$	l_2	$\left\{ \begin{array}{l} \text{Тюркский } š \\ \text{Чувашский } l \\ \text{Монгольский } l \end{array} \right.$

В статье Э. Шютца рассматриваются турецкие произведения Еремии Челеби. Автор подчеркивает значение памятников, написанных неарабским шрифтом, для изучения исторической фонетики тюркских языков. Затем подробно описываются жизнь и деятельность Еремии Челеби Кемюрчяна (1637—1695), писавшего не только на армянском, но и на турецком языке. Ему принадлежат, в частности, переводы на турецкий язык Нового завета и отдельных частей Ветхого завета. В статье приводятся два письма Еремии Челеби на турецком языке с переводом их на немецкий и подробным фонеморфологическим анализом текста.

В сборнике опубликована статья А. Щербака (Ленинград) «Замечания о тексте и языке „Та'ашшук-наме“». Это произведение, принадлежащее перу Сиди Ахмеда, написано в 1435—1436 гг. в подражание «Мухаббат-наме» Хорезми. В статье отмечается, что в поэме нет языковых фактов, позволяющих провести грань между ее языком и староузбекским XV—XVI вв., затем дается краткая характеристика фонетики, морфологии и лексики памятника.

Э. Тенишев (Москва) в статье «К истории тюркского условного наклонения» пишет, что условное наклонение, образующееся в большинстве современных тюркских языков с помощью аффикса *-sall-sä*, обозначает: а) осуществимое условие, б) невыполнимое условие, в) предположительный случай. Дав сжатый анализ условной парадигмы, автор заключает, что условный формант почти во всех тюркских языках представляет собой открытый слог (только в якутском языке — закрытый с конечным *ч*), и справедливо ставит вопрос о генетическом родстве якутского *-tag* с древнетюркским *-saq*. В орхоно-енсейских памятниках условная

форма имеет деепричастный характер. Впоследствии на протяжении ряда веков парадигма условного наклонения развивалась двумя путями: а) -sa||-sā+аффикс сказуемости, б) -sa||-sā+аффикс принадлежности. По мнению автора, второй тип возник в XI—XII вв. и к XV веку стал единственным. Из современных языков только якутский сохраняет древнюю парадигму условной формы.

В статье С. Тезджана (Геттинген, ФРГ) и П. Циме (Берлин) даны четыре фрагмента тюркско-турфанского текста из берлинской коллекции в транскрипции и с переводом на немецкий язык. Примечания к тексту носят лексико-грамматический характер. К статье приложено фотофаксимиле анализируемых фрагментов.

Э. Трыарский (Варшава) свою статью посвятил исследованию польско-печенежских контактов. Автор отмечает, что связи печенегов с поляками изучены в основном в политическом плане. Эти связи рассматривались либо в рамках истории Киевской Руси, либо как элемент экспансионистской политики Болеслава I Храброго (992—1025). Отношения между печенегами и Болеславом были дружественными, о чем говорит и то, что основную часть польского войска при нападении на Киев составляли печенеги. Автор считает, что военное искусство, заимствованное печенегами у арабов и византийцев, было усвоено также славянами, в том числе и поляками. В конце статьи автор упоминает ряд населенных пунктов Польши, в названиях которых нашли отражение древние польско-печенежские связи.

И. Вашари выступает со статьей «Kām, раннее самосеое название Енисея». Верхняя часть Енисея по сей день носит название Kām, встречающееся и в древнетюркских памятниках. Что слово Kām в древнетюркских памятниках обозначает Енисей, со времен В. Томсена никем не оспаривалось. В статье отмечается, что kām в памятниках встречается дважды, причем в обоих случаях приводится и название племени čik. В китайских же источниках слово kām зафиксировано за два века до древнетюркских памятников и содержит указание на то, что в междуречье A-fu и Chien лежит страна Chi-ku. Последнее слово является вариантом транскрипции названия *киргиз*. A-fu может быть идентифицировано с рекой Абакан, а Chien — с Kām. Автор считает, что у Джувайни название района قەم كەچكەك Qam-kābčik состоит из Qam, идентичного Kām (хотя употребление Джувайни буквы каф необязательно), и Kābčik, идентичного Kāmčik (левый приток Енисея).

Переходя к этимологии слова Kām, автор отмечает, что Kām в южносибирских тюркских языках, носители которых жили в верховьях реки Kām, означало «река». Следовательно, слово kām принадлежит к древней и многочисленной категории гидро-

нимов со значением «река», «вода» и т. д. Однако слово kām||kām со значением «река» сохранилось лишь в карагасском и тувинском языках, тогда как в других тюркских языках оно не встречается. В связи с тем, что полная тюркизация этих языков завершилась лишь в XIX веке и они содержат значительный самодийский субстрат, автор считает, что kām является южносамодийским заимствованием и поэтому должно существовать или иметь соответствия в финно-угорских языках.

Э. Васс выступил со статьей, посвященной исследованию истории финансового управления вилайета Буда XVI в. В статье говорится о налогах, взимаемых турецкой администрацией в вилайете Буда после захвата его турками в 1541 г.

Нобуя Ямада (Осака, Япония) анализирует в своей статье ряд терминов меры и веса, содержащихся в уйгурских документах и отражающих социальное и экономическое положение средневекового уйгурского общества.

В первом разделе статьи рассматриваются слова šuу и kīgi. Последнее слово первоначально обозначало название сосуда, затем употреблялось для обозначения меры емкости; позднее оно приобрело значение меры площади. Автор приводит пример, в котором kīgi является не единицей емкости, а названием меры (сосуда). Šuу также первоначально означало единицу емкости, а затем приобрело значение меры площади.

Во втором разделе анализируются слова tāmbin и qar. Tāmbin||tāmpin||tānpin является единицей меры количества жидкости. Не предлагая своей этимологии и выражая сомнение относительно связи между монгольским tūmpin 'таз' и tāmbin, автор обращает внимание читателя на слово tim в «Диване» Махмуда Кашгари. Слово qar переводится им как «мех». Н. Ямада считает, что qar и tāmbin первоначально были названиями сосудов, а затем приобрели значения единиц измерения количества жидкости.

В третьем разделе рассматривается выражение iki bay. Данное словосочетание в одном из уйгурских письменных памятников встречается в форме iki iki bay. В. В. Радлов полагал, что здесь слово iki ошибочно написано дважды. По мнению же автора статьи, iki iki bay может быть интерпретировано как 2×2 bay. Соответственно ālig iki baylıq böz 'пятнадцать две связки ткани' (С. Е. Малов), jüz iki baylıq 'сто два пакета' (В. В. Радлов), '102 связки' (А. Лекко) автор исправляет на «50×2 связки» и «100×2 связки».

В четвертом разделе дан анализ слов tang и batman. В этой связи автор polemизирует с В. В. Радловым и А. Лекком, затем указывает на ошибки В. В. Радлова при чтении и транскрибировании (USp, № 70), уточняя перевод соответствующего отрывка.

Слова *tang* и *batman* в уйгурских документах употребляются в сочетании с *käbäz* 'хлопок'. Поэтому автор заключает, что как *tang*, так и *batman* могли служить единицами веса.

В заключение следует отметить, что рецензируемый сборник, разнообразный и богатый по содержанию, ярко и наглядно демонстрирует направление, в котором развивается мировая тюркология. Достоинством

подобных сборников является и то, что они прекрасно служат весьма полезному делу — координации и кооперированию усилий ученых, работающих в одной или в родственных областях. Без этого в современных условиях не может быть обеспечено успешное развитие ни одной науки.

В. И. Асланов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ОНОМАСТИКИ

10—12 декабря 1974 г. в Бухаре состоялась Республиканская конференция на тему «Актуальные проблемы среднеазиатской ономастики», посвященная 50-летию образования Узбекской ССР и Коммунистической партии Узбекистана. В конференции, организованной Министерством просвещения Узбекской ССР, Бухарским государственным педагогическим институтом им. С. Орджоникидзе и Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР, приняли участие историки, филологи, этнографы, географы из Алма-Аты, Ангрена, Ашхабада, Баку, Брянска, Бухары, Горно-Алтайска, Душанбе, Казани, Карши, Киева, Ленинграда, Львова, Махачкалы, Майкопа, Москвы, Нукуса, Самарканда, Ташкента, Тюмени, Ургенча, Ферганы, Фрунзе, Элисты и Якутска, а также преподаватели и студенты Бухарского пединститута, работники загсов Бухарской области.

После вступительного слова ректора Бухарского пединститута *Д. Н. Намазова* участников конференции приветствовал первый секретарь Бухарского обкома партии *Т. М. Муртазаев*.

На пленарном заседании руководитель группы ономастов при Институте этнографии им. Миклухо-Маклая Академии наук СССР *В. Н. Никонов* отметил достижения среднеазиатской ономастики, а также стоящие перед ней задачи, подчеркнув, в частности, необходимость анализа глубинных процессов антропонимии, например исследование домусульманского слоя антропонимии Средней Азии, этнонимии, космонимии, теонимии. Важными проблемами являются также изучение географии имен, картографирование, статистический анализ и др.

А. В. Суперанская (Москва) выступила на пленарном заседании с докладом «Пути и методы ономастических исследований».

Работа конференции проходила по следующим секциям: «Теоретические проблемы ономастики», «Антропонимия» (русская, узбекская, тюркская и разных народов: корейцев, таджиков, лезгин, греков, согдий-

цев и др.), «Топонимия» (узбекская, тюркская и др.), «Этнонимия и другие отрасли ономастики», «Поэтическая ономастика». Всего на пленарных и секционных заседаниях было прочитано 102 доклада.

Основное место было отведено докладам по тюркской ономастике, в последнее время интенсивно развивающейся. В частности, узбекской антропонимии был посвящен доклад *А. Исаева* (Самарканд) «К изучению узбекской антропонимии». Антропонимия начала развиваться в узбекском языке знания лишь в последние два десятилетия.

А. Исаев вкратце охарактеризовал этнографические условия появления «семейных прозвищ» в результате традиционного табу (запрещение невесте называть родственников мужа их собственными именами). Эти прозвища широко распространены в казахском языке и часто встречаются у носителей джекающих говоров узбекского языка (Нурата, Джизак).

Э. Ю. Уразов (Ургенч) в докладе «Имена, прозвища и фамилии узбеков Хорезмского оазиса» отметил, что домусульманская антропонимия в письменных памятниках не сохранилась. Однако источниками для сбора материалов могут служить фольклорные, диалектные памятники более позднего (мусульманского) периода — деловые записи (юридические, торговые письма из архива Хивинского ханства и др.), дающие представления о тюркской антропонимии Северного Хорезма, где преобладали кыпчакские элементы (фонетические признаки). Сложный этногенез обусловил появление в антропонимии этого региона арабского, персидского и монгольского наслоений.

Доклад *Р. И. Могилевского*, *З. А. Аликулова* (Самарканд) был посвящен аббревиатурам — именам собственным в узбекском языке.

По мнению докладчиков, явление усечения и сокращения собственных имен уходит корнями в глубокую древность: например, *Мухаммадали* → *Мухаммад*, *Ташмухаммайд* → *Ташмаг*, *Амирзода* → *Амир*. Появ-

ление в 20—30-х гг. таких аббревиатурных имен в узбекской антропонимии, как *Владлен* и *Вил* (от Владимир Ильич Ленин), *Ленмар* (Ленин, Маркс), *Дамир* (Да здравствует мир) и т. п., тесно связано с именами собственными великих людей и с понятиями, бытующими в речи узбеков.

Р. Кунгуров (Самарканд) в докладе «Имена собственные с аффиксами субъективной оценки в узбекском языке» подчеркнул, что модалные отношения говорящего выражаются при помощи интонации, удлинения гласных, а также аффиксов *-ча*, *-чак*, *-ак*, аффиксоидов *-джон*, *-гуль*, *-бика*, *-джоним* и т. д., которые, присоединяясь к антропонимам, передают значения уменьшительно-ласкательности, усилительности, уничижительности.

А. Н. Седловская, выступившая с докладом «Антропонимия уйгуров (проживающих в Средней Азии и Казахстане)», отметила, что различное этническое окружение, в котором живут уйгуры Ферганской долины и Семиречья, обуславливает и отличительные особенности их антропонимии. Так, уйгуры Ферганской долины, живя в тесном контакте с узбеками, вступают с ними в браки, перенимают их обычаи, заимствуют имена собственные. Уйгуры Семиречья в этом смысле в большей степени самобытны, хотя в некоторых населенных пунктах они и живут, близко соприкасаясь с представителями различных народов. В уйгурской антропонимии можно выделить пласты: собственно уйгурский, тюркский, арабский, персидский и сложившийся в результате современного уклада жизни.

Проблемы якутской антропонимии рассматривались в докладе *Н. Г. Самсонова* (Якутск) «Антропонимы г. Якутска (XX в.)». Изучение собственных имен в Якутии только начинается, издана пока только одна статья о якутских прозвищах. Архивные документы позволяют привлечь антропонимические материалы лишь начиная с 1909 г., то есть со времени появления первых гражданских записей. После принятия якутами христианства наиболее употребительными именами стали *Алексей*, *Михаил*, *Иван*, *Семен*, *Анна*, *Анастасия* и др. После Великой Октябрьской социалистической революции и позже, в 30-е годы, стали популярными имена: *Юбилей*, *Адлер*, *Амур*, *Большевик*, *Октябрион*, *Идея*, *Люция*, *Эла*, *Смена*; иностранные: *Альберт*, *Робензон*, *Флора*, *Эсмеральда*; в 40-е годы: *Алмаз*, *Гранит*, *Барий*, *Меркурий*, *Юпитер*, *Альфа*, *Бетта*, *Ария*, *Новелла*; в 50-е — *Валерий*, *Владимир*, *Георгий*, *Александр*, *Галина*, *Ирина*, *Любовь* и др. В настоящее время наиболее употребительными стали имена *Андрей*, *Ирина*, *Светлана*, *Марина* и реже — *Агратина*, *Варвара* и др.

Интересные сведения по антропонимии алтайцев сообщила *Н. И. Шатинова* (Горно-Алтайск) в докладе «Личные имена у алтайцев». По обычаю алтайцев, имя по-

ворожденному давалось главой семьи или первым, вошедшим в юрту после рождения ребенка. Того, кто нарекал именем младенца, угощали специально приготовленной головой барана. Пережитки матриархата, скотоводческого уклада ведения хозяйства нашли отражение в антропонимии алтайцев, в которой бытовали имена-табу, имена-обереги, имена-обманки, произносившиеся вслух только в исключительных случаях. Не было четкого разграничения между мужскими и женскими именами, однако именем *Динди* ('бусы') называли только женщин, а *Малта* ('топор') — только мужчин.

В первой половине XIX века начинается усиленная христианизация алтайцев, и с этого времени меняется их именник, вводятся в употребление русские и интернациональные имена.

В 60-е гг. XX в. возникает тенденция возвращения к исконно алтайским именам, которых после 1969 г. зафиксировано 66 процентов. Кроме того, распространяются такие имена, как *Анвар*, *Карим* и другие (бытующие на Кавказе и в Средней Азии), ранее здесь не встречавшиеся.

Доклад *Б. Чарьярова* и *С. Атанязова* (Ашхабад) был посвящен диалектным особенностям туркменской ономастики. Территориальная разобщенность отдельных групп туркменского народа в прошлом, различия в хозяйственной жизни, соседство с разными народами обусловили формирование диалектных (фонетических, морфологических, семантических и лексических) особенностей туркменского языка и его антропонимии. Докладчики остановились на различных ритуалах при наречении именем новорожденного, в том числе на обычае нарекать младенцев именами представителей старших поколений семьи, и особенностей этого обряда у носителей диалектов *теке*, *емрели*, *ёмуг*, *карадашлы*, *нохур*; на существовании настоящих или ложных имен у племен *теке* и *ёмуг* и др.

Чувашской антропонимии было посвящено сообщение *Л. В. Даниловой* (Ташкент) «Языческие и мусульманские женские имена чувашей Башкирской АССР». Сложные женские имена обычно образуются при помощи аффиксов: исконно чувашского *-ни* (*Эрнепи*, *Хёрни*, *Саврани*), общетюркских *-нике* (*Хёрнике*, *Сарнике*), *-слу/-сулу* (*Эрнеслу*, *Пинеслу*), арабских *-камал-йамал* (*Хайямал*, *Миньякамал*), *-нисса* (*Кельнисса*), *-сере* (*Кельсере*) и др. В нескольких населенных пунктах, жители которых к началу XX в. приняли мусульманство, под влиянием татарского языка преобладают антропонимы арабского происхождения, например: *Хатире* (от *Хагир*), *Сейейте* (от *Зубайда*), *Сейнен* (от *Зайнаб*) и др.

Антропонимия киргизского языка получили освещение в выступлении *Ш. Жапарова* (Фрунзе). Различаются антропонимы по названиям городов (*Уфабек*, *Таш-*

кентбек, Фрунзебек), сёл (Аксубек), гор (Памирбек, Тяньшаньбек) и т. д. Собранные автором на территории Киргизии антропонимы были подвергнуты в докладе лингвистическому, историческому и этнографическому анализу.

Татарской антропонимии, восходящей к древним этнонимам и топонимам, посвятил свой доклад Р. Г. Ахметьянов (Казань). Докладчик привел татарские личные имена (большей частью XVIII—XIX вв.), восходящие к этнонимам и топонимам крупных объектов или омонимичные им. В докладе были сделаны методические выводы (на основе этимологизации аналогичных антропонимов), предпринята попытка этимологизации личных имен и прозвищ, восходящих к этнонимам и топонимам, например: *Узбек, Ногайбек, Кумык, Саладыр, Мзыгыл* и др.

Тематика докладов, сделанных на заседаниях секции «Топонимии», была обширной и разнообразной. Проблемы среднеазиатской топонимии рассматривались в докладе Х. Хасанова (Ташкент) «Основные принципы передачи географических названий Узбекистана на русский язык», содержащем практические рекомендации по правописанию среднеазиатских топонимов на русском языке. Эти рекомендации разрабатываются Топонимической комиссией при Президиуме Верховного Совета Узбекской ССР. В частности, предлагается вместо ранее принятого *Ханки* писать *Ханка*, вместо *Шафрикан* — *Шафиркан*, *Кенимех* — *Канимех*, *Зеравшан* — *Зарафшан*, *Беговат* — *Бекабад*, *Ахса* — *Ахсы* и т. д.; сложные топонимы, содержащие в своем составе компоненты: *-куль, -дарья, -су, -кудук, -ата, -баш, -сай, -булак, -тугай, -зар, -тау/таг/даг, -тепа, -кум, -мазар, -мачит, -чинар, -терек, -таш, -кала, -гаран, -куприк, -кутан, -кент, -абад, -аул* и др., рекомендуются писать слитно.

М. Мирзаев (Бухара) в докладе «К топонимии районов и отдельных кишлаков Бухарской области» отметил, что первые топонимы Бухары, одного из центров древнего оазиса Средней Азии, упоминаются в источниках, датированных X в. Из 900 существующих названий кишлаков 90 процентов возникло в древности и содержит интересные сведения по истории и этнографии народов и племен, населявших территорию Бухарской области. Так, многие названия кишлаков даны по родоплеменным названиям (*Ургут, Кенегес, Дурмен, Найман* и др.), по названиям народов и народностей (*Араб, Таджики* и др.), по историческим событиям (*Шахривайран*), профессиям населения (*Камонгарон, Заргарон, Гилмгарон* и др.), сословиям (*Беклар, Ходжилляр, Муфтилар* и др.). Имеются названия кишлаков, указывающие на рабское положение жителей (*Кул, Истамзар, Гадоилар*).

Древнетюркским географическим названиям Средней Азии был посвящен доклад

С. К. Караева (Ташкент) «„Худуд ал-алам" и древнетюркские названия Средней Азии». Труды арабских географов донесли до нас многие древние топонимы. В анонимном памятнике X в. (982—983 гг.), написанном на персидском языке и известном под названием «Худуд ал-алам» («Пределы мира»), или «Рукопись Туманского», дана географическая характеристика Средней Азии. Здесь встречаются тюркские слова: *арт*, обычно входящее в названия горных цепей и означающее «нагорье, гора, горный перевал» (*Афрачарт, Тангазарт*), *илақ/айлақ* 'пастбище', *Чадақал* (соврем. *Чатқал*), *Абрылығ* (соврем. *Аблық*), *Итлығ* и др. Интерпретация локализации и идентификация географических названий, приводимых в этом памятнике, являются насущной задачей топонимистов.

В докладе А. Маггаиева (Фергана) «Древнетюркские и диалектные элементы в узбекских топонимах (на материале письменных памятников узбекского языка XIX в.)» на основе анализа материалов ряда письменных памятников была дана краткая историко-этимологическая интерпретация таких топонимов, как *Балықлы, Арық, балык, Көкәрчинли, Ясқа, Қайыр* и др.

М. Т. Агламова (Ташкент) в своем докладе «Структурно-грамматическое изучение узбекских топонимов» остановилась на характеристике лингвистических особенностей топонимов. В докладе были раскрыты основные структурные модели простых, сложных и составных топонимов. Аффиксы *-ли, -лик, -чи, -кор, -ма, -ча* во многих работах рассматриваются как топонимообразующие. По мнению же М. Т. Агламовой, вначале появляется новое слово, а затем оно становится названием топонимического объекта.

Сложные топонимы отличаются от сложных слов рядом признаков, в частности смысловым единством. Обычно топонимы состоят из двух, трех и более компонентов. М. Т. Агламова считает, что к сложным топонимам следует относить состоящие из двух, а к составным — из трех и более компонентов, так как чем больше компонентов содержит топоним, тем сложнее семантические и грамматические связи между ними.

С. И. Зинин (Ташкент) в докладе «История изучения микротопонимии Ташкента» изложил принципы, на основе которых, по его мнению, должен быть составлен словарь микротопонимов Ташкента.

На заседаниях секции «Теоретические проблемы ономастики» речь шла в основном об унификации и систематизации терминов ономастической системы. Оживленную дискуссию вызвало выступление Е. Подольской «Об образовании ономастических терминов».

На секции «Этнонимия и другие области ономастики» было представлено всего несколько докладов. В докладе М. Ф. Мамедова (Баку) «Об этнопонимах Ленкоран-

ской низменности Азербайджанской ССР» анализировались тюркские этнопонимы (*Сугаит, Джурат, Халадж, Гаргар, Булгар* и др.), местные тюркские этнонимы (*сабиры, тануры, таль*). Опираясь на труды древних и современных историков, докладчик высказал ряд соображений о расселении предков удин, ныне проживающих в селениях *Нидж* и *Варташен*. Для подтверждения своих выводов докладчиком были привлечены также этнографические, лингвистические и антропологические данные.

А. Б. Булатов (Казань) выступил с двумя докладами. В докладе «Названия узбекских родов и племен» последние сопоставляются им с древнетюркскими названиями, существовавшими до нашествия монголов (XI—XIII вв.). Сопоставительный их анализ с названиями племен каракалпаков, казахов, башкир позволил автору прийти к выводу, что из 106 названий 28 были известны до XIII в., а 60 процентов имеют местное происхождение.

Во втором докладе «Зоонимы XI—XVI вв. как ценный источник ономастики» А. Б. Булатов на убедительных примерах показал, что в основу некоторых топонимов, антропонимов и этнонимов легли названия ряда птиц. В то же время сопоставление на-

званий птиц в XI—XVI вв. с современными выявляет особенности развития зоонимов. Следует отметить, что некоторые исчезнувшие из тюркских языков зоонимы сохранились в других нетюркских языках. Автором составлена таблица зоонимов, подвергшихся фонетическому и морфологическому изменениям, например, название птицы *чомга* 'нырок', у Махмуда Кашгари *чомок*, башк. *чомгош*, чув. *чъмкӓс*.

На заключительном пленарном заседании была принята резолюция конференции. В резолюции, в частности, было рекомендовано издать учебное пособие по ономастике для студентов, опубликовать материалы конференции и поставить вопрос о создании общества ономастов.

Конференцией было признано необходимым обратиться в соответствующие директивные организации Узбекистана и других республик Средней Азии с настоятельной рекомендацией не изменять без особой надобности названия топонимических объектов и населенных пунктов, ибо в них нашло свое отражение историческое прошлое населявших данную территорию племен и народов.

Л. В. Данилова

PERSONALIA

ФАТТАХ АБДУЛЛАЕВИЧ АБДУЛЛАЕВ

(К 60-летию со дня рождения)

60-летие со дня рождения и 35-летие научной и научно-педагогической деятельности видного узбекского ученого-тюрколога, доктора филологических наук, профессора Фаттаха Абдуллаевича Абдуллаева отмечалось научной общественностью Ташкента в 1974 году.

Ф. А. Абдуллаев родился 16 января 1914 г. в г. Авлиёата (нынешний Джамбул). После окончания Педагогического техникума им. А. Икрамова в Каттакургане он в 1933 г. поступил в ЛИФЛИ (с 1937 г. филологический факультет Ленинградского университета). Здесь в числе его педагогов были известные востоковеды и тюркологи И. Ю. Крачковский, И. И. Мещанинов, Е. Э. Бертельс, А. А. Фрейман, Н. К. Дмитриев. Ф. А. Абдуллаев изучил здесь арабский и персидский языки, получил хорошую тюркологическую и общезыковедческую подготовку. В 1939 г. Ф. А. Абдуллаев возвращается в г. Ташкент и поступает на работу в Ташкентский государственный педагогический

институт им. Низами, где работает (1939—1944 гг.) преподавателем на кафедре узбекского языка.

В 1946 году Ф. А. Абдуллаев успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Арабизмы в узбекском языке». В последующие годы ему поручается заведование кафедрой узбекского языка Наманганского учительского института, а затем Хорезмского педагогического института.

Хорезмский период наиболее плодотворный в научной деятельности ученого. В эти годы он собрал богатый языковой материал и опубликовал работы: «К истории изучения хорезмских говоров узбекского языка», «Некоторые фонетические особенности ургенчского говора», «К вопросу классификации хорезмских говоров», монографии «Хорезмские говоры узбекского языка» (1961), «Фонетика хорезмских говоров» (1967).

В 1961 году Ф. А. Абдуллаев защитил докторскую диссертацию на тему «Фонетика хорезмских говоров».

С 1957 г. ученый работает в системе Академии наук Узбекской ССР и одновременно ведет преподавательскую работу в Ташкентском педагогическом институте им. Низами и в Ташкентском государственном университете им. В. И. Ленина. В настоящее время он заведует сектором сравнительного изучения тюркских языков Института языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР.

Круг научных интересов Ф. А. Абдуллаева исключительно широк. Им успешно разрабатываются проблемы фонетики, диалектологии, словосочетаний и многие другие.

Ф. А. Абдуллаев — автор монографических исследований «Арабизмы в узбекском языке», «В. И. Ленин о языке» и упомянутой выше «Фонетики хорезмских говоров». Им написано около 80 научных работ по вопросам диалектологии, лексикологии, фонетики, истории и грамматики узбекского языка.

Много времени и сил Ф. А. Абдуллаев отдает подготовке научных кадров. Он — член ряда ученых советов и член редколлегии журнала «Ўзбек тили ва адабиёти».

Ф. А. Абдуллаев плодотворно работает и в области художественного перевода. Им переведены на узбекский язык стихи Омара Хайяма, туркменского поэта Кемине, рома-

ны Б. Кербабаева «Решающий шаг» (1952), «Небит-Даг» (1962), «Рассказы» Дж. Лондона (1956) и др.

Ф. А. Абдуллаев находится в расцвете творческих сил. Нет сомнения, что **ученый** еще многое сделает для развития советской тюркологии.

И. А. Исмаилов, К. А. Шарипова

АЮБ ГУЛЯМОВИЧ ГУЛЯМОВ

(К 60-летию со дня рождения)

В 1974 году исполнилось 60 лет доктору филологических наук, профессору Аюбу Гулямовичу Гулямову, крупному лингвисту-узбековеду.

А. Г. Гулямов родился в 1914 году в городе Ташкенте в семье шорника. В 1932 году он окончил рабфак имени Покровского, а в 1936 году — факультет языка и литературы Вечернего педагогического института. По окончании аспирантуры он в 1940 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Определение в узбекском языке». В 1957 г. А. Г. Гулямов защитил докторскую диссертацию на тему «Проблемы исторического словообразования узбекского языка».

Уже первая монография А. Г. Гулямова «Определение в узбекском языке», опубликованная в 1940 году на узбекском и русском языках, своим глубоким научным содержанием привлекла внимание языковедов-тюркологов. Проф. А. К. Боровков об

этом труде писал: «Работа чрезвычайно актуальна... Исследование очень интересно и оригинально... Впервые в узбекской грамматической литературе вопрос об определении получает подробное и систематическое освещение». Высокую оценку работе дали и другие видные тюркологи.

В 1944 г. вышла из печати монография А. Г. Гулямова «Категория множественного числа в узбекском языке». В ней показаны способы выражения идеи множественности, говорится об арабских и персидских показателях множественности в узбекском языке и т. д. Существенное влияние на развитие узбекского языкознания оказала монография «Ударение в узбекском языке» (1947 г.), высоко оцененная критикой.

В настоящее время в производстве находится монография А. Г. Гулямова «Проблемы исторического словообразования в узбекском языке» (25 п. л.) и завершается работа над книгой «Материалы для этимологического словаря узбекского языка».

Профессором А. Г. Гулямовым опубликовано более пятидесяти научных работ, помимо рецензий, газетных и журнальных статей, а также программ по различным предметам.

Большие заслуги принадлежат А. Г. Гулямову и в области создания учебников для средних и высших учебных заведений республики. В 1940 г. был издан его учебник по узбекской грамматике для техникумов, в 1943—1944 гг. — школьный учебник «Грамматика узбекского языка», написанный им в соавторстве с А. К. Боровковым, З. М. Магруфовым и Т. Ш. Шермухамедовым. Второй учебник перендавался вплоть до 1950 года.

А. Г. Гулямов участвовал в составлении академической грамматики современного узбекского языка. В соавторстве с проф. М. Аскаровой он написал учебное пособие для университетов и педузов по курсу «Современный узбекский язык» (издавалось в 1960 и 1965 гг.).

Много сил отдает А. Гулямов подготовке высококвалифицированных научных кадров.

Он возглавляет кафедру узбекского языкознания Ташкентского государственного университета имени В. И. Ленина. Под его руководством подготовлены и защищены 20 кандидатских и 5 докторских диссертаций.

А. Г. Гулямов выполняет и большую общественную работу. Он является председателем Секции языкознания в Министерстве высшего и среднего специального образования Узбекской ССР, членом Топонимиче-

ской комиссии Верховного Совета Узбекской ССР и ряда ученых советов.

А. Г. Гулямов награжден Почетными грамотами Верховного Совета Узбекской ССР, Союза журналистов СССР и Верховного Совета Каракалпакской АССР.

Коллеги и ученики А. Г. Гулямова желают ему здоровья и успехов в его научной деятельности.

А. Рустамов

ХРОНИКА

АББАС СИХХАТ

(В связи со 100-летием со дня рождения)

Общественность республики широко отметила 100-летие со дня рождения выдающегося азербайджанского поэта и просветителя Аббаса Сиххата.

Аббас Сиххат Мехтизаде родился в 1874 г. в г. Шемахе, в семье обедневшего духовного лица.

В школе Аббас Сиххат изучил арабский и фарсидский языки и познакомился с произведениями азербайджанской и восточной классической литературы. Позднее он овладел также русским и французским языками.

Получив в Тегеране медицинское образование, он в 1901 году возвратился в родную Шемаху. К этому времени относится сближение поэта с великим азербайджанским революционным сатириком М. А. Сабиром.

Первая русская революция 1905 года, всколыхнувшая всю империю и пробудившая общественную активность народов, населявших ее окраины, оказала глубокое влияние и на формирование мировоззрения молодого Аббаса Сиххата.

Литературное творчество Аббаса Сиххата отличалось широтой интересов и многообразием форм. Он писал стихи, прозу, драматические произведения, создал несколько учебников, выступал с научными и публицистическими статьями.

Вся деятельность Аббаса Сиххата была неразрывно связана с судьбой родного народа. Творчество поэта было пронизано обостренным чувством любви к родине, к ее людям, к ее природе. Отразив в высокохудожественных произведениях мечты и чаяния своего народа, Аббас Сиххат создал художественные образы, выражавшие не только национальные, но и общечеловеческие черты и стремления.

Аббас Сиххат прославился также и как отличный переводчик русской и зарубежной классической литературы. Им переведены на азербайджанский язык многие произведения И. А. Крылова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. Островского, М. Горького, Н. Бараташвили, А. Церетели, А. Абеляна, В. Гюго, Гёте, Альфреда де Мюссе и других выдающихся писателей.

В связи со 100-летием со дня рождения Аббаса Сиххата Институтом литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР была проведена юбилейная научная сессия.

Сессию вступительным словом открыл член-корреспондент Академии наук Азербайджанской ССР М. Дж. Джафаров. С докладом, посвященным неизвестным сатирическим произведениям поэта, выступил К. Тальбзаде. О значении просветительской деятельности Аббаса Сиххата, философских основах его мировоззрения, идейных особенностях творчества говорили в своих докладах А. Мирахмедов, М. Агимиров, А. Ибадоглы и другие.

Юбилейная научная сессия была проведена и филологическим факультетом Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова. Сессию открыл М. Д. Пашаев. С докладами выступили Х. Алимйрзоев — «Поэт-гражданин», А. Заманов — «А. Сиххат и Сабир», Т. Гаджиев — «Язык А. Сиххата», Ш. Курбанов — «А. Сиххат и русская литература».

Юбилейные вечера, посвященные 100-летию со дня рождения Аббаса Сиххата, состоялись в Центральном лектории республиканского общества «Знание» и в Республиканской клинической больнице имени М. Мир-Касимова.

Большой литературный вечер был проведен Азербайджанским обществом дружбы и культурной связи с зарубежными странами совместно с республиканским Юбилейным комитетом и Музеем азербайджанской литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР.

Дважды юбилей Аббаса Сиххата отмечался в Азербайджанском педагогическом институте им. В. И. Ленина. Здесь состоялась тематическая научно-теоретическая конференция и был проведен литературно-художественный вечер.

В честь юбилея А. Сиххата состоялись литературно-музыкальные вечера в Азербайджанском государственном педагогическом институте русского языка и литературы им. М. Ф. Ахундова, в медицинском училище и в библиотеке, носящих имя Аббаса Сиххата, во многих средних школах города Баку и районов республики.

Музей азербайджанской литературы им. Низами подготовил юбилейную передвижную выставку.

Торжественные юбилейные литературные вечера были проведены на родине поэта в г. Шемахе, в городах Кировабаде и Нахичевани. На вечерах выступали известные ученые-филологи и писатели республики.

Празднование 100-летия со дня рождения Аббаса Сиххата в Азербайджане завершилось в Баку торжественным юбилейным вечером, состоявшимся 27 декабря 1974 года в Доме актера им. А. М. Шарифзаде. Вечер был организован Союзом писателей Азербайджана совместно с Республиканским театральным обществом. Вечер открыл поэт *Ахмед Джамиль*, с докладом о жизни и творчестве Аббаса Сиххата выступил председатель республиканского Юбилейного комитета проф. *К. Тальбзаде*. Поэт *Касум Касумзаде* прочитал стихотворение, посвященное А. Сиххату. Поэт *Имран Сеидов* ознакомил собравшихся со своими переводами стихов Аббаса Сиххата на русский язык.

На вечере выступили также народный артист СССР *М. Мамедов*, д-р мед. наук *Р. Джавадов*, академик Академии наук Азербайджанской ССР *А. Эфендизаде*, д-р филол. наук *А. Заманов* и племянник поэта проф. *М. Мехтиева*.

Вечер завершился концертом мастеров искусств Азербайджана, читавших произведения Аббаса Сиххата и исполнявших романсы и песни, написанные на его стихи.

В. Арзуманов

«СИНТАКСИС ГАГАУЗСКОГО ЯЗЫКА В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ»

6 июня 1974 г. на заседании Ученого совета восточного факультета Ленинградского государственного университета состоялась защита диссертации старшим научным сотрудником сектора тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР **Покровской Людмилой Александровной** на тему «Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Основная цель, поставленная в диссертации, заключалась в выявлении и анализе специфики синтаксического строя гагаузского языка, отличающей его от синтаксиса других тюркских языков. В диссертации впервые дается систематическое описание структуры простого и сложного предложения гагаузского языка (часть I) и исследу-

ются особенности его синтаксиса (часть II). Исследование проведено на основе сравнения генетического, типологического и ареального аспектов языкового материала, то есть путем сопоставительного анализа данных гагаузского языка с соответствующими данными: а) других тюркских языков, главным образом огузской группы, б) соседних неродственных языков (болгарского, русского, молдавского), с которыми гагаузский язык находится в длительных контактах, в) балкано-турецких и гагаузских диалектов, из среды которых исторически выделился язык гагаузов Молдавии и Украины. В диссертации разработана и применена методика исследования синтаксических изменений в контактирующих языках на основе системы средств выражения синтаксических отношений как определяющих элементов структуры предложения. В соответствии с этой методикой синтаксические особенности гагаузского языка исследуются в трех разделах: 1) морфолого-синтаксические средства (формы слов), 2) лексико-синтаксические средства (служебные слова), 3) порядок слов. Функциональный анализ целого ряда гагаузских грамматических

форм глагола и имени, союзов и союзных слов, порядка слов в определенных синтаксических конструкциях позволил проследить процесс развития внутривидовых изменений в синтаксисе гагаузского языка и вскрыть общие закономерности, лежащие в основе проникновения в гагаузский язык иноязычных синтаксических моделей.

Официальные оппоненты — член-корреспондент АН СССР А. Н. Кононов, д-р филол. наук, проф. С. Н. Иванов, д-р филол. наук, проф. А. З. Абдуллаев, а также авторы письменных отзывов на диссер-

тацию и ее автореферат дали высокую оценку исследованию диссертанта.

Ученый совет отметил, что диссертация содержит ряд новых положений и выводов, представляющих значительный интерес для тюркологии и общей теории языковых контактов.

Члены Ученого совета единогласно проголосовали за присуждение Л. А. Покровской ученой степени доктора филологических наук.

А. П. Векилов

«ПУТИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КАЗАХСКОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЭМЫ»

28 октября 1974 г. на заседании Общественного совета по филологическим наукам Академии наук Казахской ССР состоялась защита диссертации «Пути и проблемы развития казахской советской поэмы», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук старшим науч-

ным сотрудником Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР Нарымбетовым Абдулхамитом Кубановичем.

Диссертация А. К. Нарымбетова является первой капитальной, обобщающей работой, посвященной исследованию жанра поэмы в казахской советской литературе.

В диссертации прослеживается сложный процесс становления и развития жанра поэмы в казахской литературе. На основе всестороннего глубокого анализа казахских поэмов, созданных в советское время, диссертант раскрывает закономерности развития казахской советской поэмы, а также индивидуальные творческие особенности казахских поэтов, создавших замечательные образцы произведений этого жанра.

А. К. Нарымбетов обстоятельно анализирует такие проблемы, как высокая идейность и художественное мастерство, традиции и новаторство, партийность и народность, диалектическое единство национального и интернационального в казахских поэмах.

Казахские поэмы А. К. Нарымбетов исследует, сопоставляя их с произведениями этого жанра в литературах братских народов СССР, что позволяет автору раскрыть общие особенности и закономерности развития жанра поэмы и его национальное своеобразие в современной казахской литературе.

Официальные оппоненты — заслуженный деятель науки Казахской ССР, д-р филол. наук И. Т. Дюсенбаев, д-р филол. наук, проф. Т. Н. Нуртазин, д-р филол. наук, проф. З. А. Ахметов, — а также выступившие на защите заслуженный деятель науки Казахской ССР, член-корреспондент Академии наук Казахской ССР М. К. Каратаев, член-корреспондент Академии наук Казахской ССР Г. Г. Мусабаяев, д-р филол. наук А. Т. Тажибаев, кандидаты филол. наук А. Т. Турбеков и Г. Т. Абетов дали высокую оценку исследованию А. К. Нарымбетова.

Члены Ученого совета проголосовали за присуждение А. К. Нарымбетову ученой степени доктора филологических наук.

Б. И. Искаков

«ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ БУЛГАРСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ»

9 декабря 1974 г. на заседании Объединенного ученого совета Московского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени Государственного педагогического института имени В. И. Ленина состоялась защита диссертации на тему «Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках», представленной доцентом кафедры общего языкознания этого института **Добродомовым Игорем Георгиевичем** на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Официальными оппонентами на защите выступили академик А. Н. Ковонов, член-корреспондент Академии наук СССР О. Н. Трубачев, д-р филол. наук А. С. Львов, положительно оценившие работу и высказавшиеся за ее опубликование.

Диссертация посвящена малоизученным древним славянско-тюркским связям и дает

в этимологическом аспекте обобщенную картину болгарских заимствований в славянских языках. В своем исследовании автор пользуется главным образом фонетическим критерием этимологизации. Им рассматриваются такие особенности болгарского языка, как ротацизм, ламбдаизм, шоканье и другие. В диссертации обстоятельно разработан новый ценный материал, необходимый для подготовки исторической фонетики тюркских языков.

Диссертация, в которой автор выступает не только как тюрколог, но и как славяновед, последовательно рассматривающий языковые явления с позиции сравнительно-исторического языкознания, представляет несомненный интерес также для славистов. В этой связи уместно, в частности, отметить, что И. Г. Добродомов решительно отвергает предположение, будто тюркизмы русского языка связаны главным образом с таттаро-монгольским периодом истории Руси.

Исследование выполнено с привлечением богатейшего фактического материала.

Ученый совет высказался за присуждение И. Г. Добродомову ученой степени доктора филологических наук.

Г. Ф. Одинцов

«РАЗВИТИЕ И НОРМАЛИЗАЦИЯ ТУРКМЕНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ»

23 декабря 1974 года на заседании Ученого совета Отделения общественных наук Академии наук Туркменской ССР состоялась защита диссертации на тему «Развитие и нормализация туркменского литературного языка в советскую эпоху», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук за-

ведующим сектором культуры речи Института языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР **Тачмурадовым Тагангельды**.

В диссертации исследуется, с точки зрения языковых норм, общий процесс развития

лексики, грамматического строя, графики, орфографии и орфоэпии туркменского литературного языка за последние пятьдесят лет.

Работа содержит детальный анализ изменений, которые произошли в функциональном развитии и проявились в нивелировке различных структурных элементов туркменского литературного языка за годы Советской власти. На убедительных примерах автор доказывает, что за короткий исторический срок туркменский язык из языка бытового общения, устного народного творчества и классической дореволюционной поэзии превратился в полифункциональный, развитый и нормализованный литературный язык, имеющий наддиалектный характер. Такой прогресс стал возможным благодаря наличию благоприятных объективных условий для сознательного внешнего воздействия на нормализацию языка.

Туркменский литературный язык в процессе развития обогатился за счет лексических заимствований из своих диалектов и других контактирующих языков. В работе раскрывается положительная роль в этом русского языка, под влиянием которого в туркменском языке появились также новые грамматические конструкции и фонетические явления.

Большое место в диссертации отведено характеристике ряда нерешенных и спорных вопросов нормализации туркменского литературного языка. Требуют дальнейшего уточнения и разработки некоторые вопросы словоупотребления, функционирования морфологических форм, орфографии и произношения. Автор дает конкретные рекомендации по всем этим вопросам.

Работа выполнена на обширном фактическом материале, почерпнутом из самых различных источников.

Выступившие на защите в качестве официальных оппонентов заслуженный деятель науки Туркменской ССР, член-корреспондент Академии наук Туркменской ССР З. Б. Мухамедова (Ашхабад), член-корреспондент Академии наук Казахской ССР А. Т. Кайдаров (Алма-Ата), д-р филол. наук, проф. М. Ш. Рагимов (Баку) и неофициальный оппонент академик Академии наук Туркменской ССР П. А. Азимов дали высокую оценку диссертации.

Ученый совет высказался за присуждение Т. Тачмурадову ученой степени доктора филологических наук.

О. Назаров

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>А. Н. Баскаков</i> (Москва). Отражение научно-технической революции в родственных языках, обслуживающих различные общественные формации	3
<i>М. М. Хусаинов</i> (Москва). О природе словообразовательных моделей	10
<i>М. Мураталиев</i> (Фрунзе). Сложносочиненное и сложноподчиненное предложение в киргизском языке	20
<i>Х. М. Есенов</i> (Алма-Ата). Причастный оборот в казахском языке	26
<i>К. Намазов, Т. Ходжаев</i> (Самарканд). О видах косвенной речи в современном узбекском языке	33
<i>Х. Г. Нигматов</i> (Ленинград). Соотношение частей речи в восточно-тюркском языке XI—XII вв.	41

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

<i>М. И. Трофимов</i> (Кызыл). Об оформлении вокализации русизмов в современном уйгурском языке	57
---	----

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

<i>Х. Курбатов</i> (Казань). Свободный стих	67
---	----

АНТРОПОНИМИКА

<i>Г. Ф. Саттаров</i> (Казань). Отчества и категория вежливости-почтительности в современной татарской антропонимии	80
---	----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>М. Ш. Ширалиев</i> (Баку). О несостоятельных этимологиях некоторых слов и аффиксов тюркских языков	87
---	----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Б. В. Лукин</i> (Ташкент). Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период	90
<i>Э. Н. Наджип</i> (Москва). «Гагаузско-русско-молдавский словарь»	92
<i>Г. Х. Ахунзянов, З. Г. Ураксин</i> (Уфа). А. А. Юлдашев. Принципы составления тюркско-русских словарей	93
<i>Т. Гаджиев</i> (Баку). Э. З. Абдуллаев. Мүасир Азәрбајҹан дилнидә табели мүрәккәб чүмләләр	99
<i>В. И. Асланов</i> (Баку). «Studia Turcica»	101

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Л. В. Данилова</i> (Ташкент). Актуальные проблемы среднеазнатской ономастики	112
---	-----

PERSONALIA

<i>И. А. Исмаилов, К. А. Шарипова</i> (Ташкент). Фаттах Абдуллаевич Абдуллаев	116
<i>А. Рустамов</i> (Ташкент). Аюб Гулямович Гулямов	118

ХРОНИКА

<i>В. Арзуманов</i> (Баку). Аббас Сиххат	120
«Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении»	121
«Пути и проблемы развития казахской советской поэмы»	122
«Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках»	123
«Развитие и нормализация туркменского литературного языка в советскую эпоху»	123

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>A. N. Baskakov</i> (Moscow). Reflection of scientific-technical revolution in relative languages serving different public formations	3
<i>M. M. Khusainov</i> (Moscow). On the nature of word-building models	10
<i>M. Murataliyev</i> (Frunze). The complex and compound sentences in the Kirghiz language	20
<i>Kh. M. Esenov</i> (Alma-Ata). Participial construction in Kazakh language	26
<i>K. Namazov, T. Khodjayev</i> (Samarkand). On the types of indirect speech in modern Uzbek language	33
<i>Kh. G. Nigmatov</i> (Leningrad). Correlation of parts of speech in eastern-turkic language in the XI—XII centuries	41

LANGUAGES IN CONTACT

<i>M. I. Trofimov</i> (Kizil). On the vocalization of Russian borrowings in modern Uyghur language	57
--	----

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

<i>Kh. Kurbatov</i> (Kazan). Vers Libre	67
---	----

ANTROPONYMICS

<i>G. F. Sattarov</i> (Kazan). The patronymics and category of politeness in modern Tatar antroponymic	80
--	----

DISCUSSIONS

<i>M. Sh. Shiraliyev</i> (Baku). On groundlessness of etymology of some words and affixes in the turkic languages	87
---	----

REVIEWS

<i>B. V. Lunin</i> (Tashkent). Biobibliographical dictionary of native turkologs	90
<i>E. N. Nadgip</i> (Moscow). «Gagaus-russian-moldavian dictionary»	92
<i>G. Kh. Akhunzyanov, Z. G. Uraksin</i> (Ufa). A. A. Juldashv. Principles of composition of turkic-russian dictionaries	93
<i>T. Gadgiyev</i> (Baku). Э. З. Абдуллаев. Мүасир Азербайжан дилиндә табели мүрәккәб чүмлаләр	99
<i>V. I. Aslanov</i> (Baku). «Studia Turcica»	101

SCIENTIFIC LIFE

- L. V. Danilova* (Tashkent). Actual problems of middle-Asia onomastics 112

PERSONALIA

- I. A. Ismailov, K. A. Sharipova* (Tashkent). Fattah Abdullayevich Abdullayev . . . 116
A. Rustamov (Tashkent). Ayub Gulyamovich Gulyamov 118

CHRONICLE

- V. Arzumanov* (Baku). Abbas Sihat 120
«Syntax of the Gagaus language in comparative lights» 121
«The way and problems of development of Kazakh soviet poem» 122
«Problems of studying Bulgar lexical elements in Slovenian languages» 123
«Development and normalization of turkmen language in the soviet period» . . 123
-
-

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*
Корректоры *А. Е. Сорокина, Э. Я. Алиева*

Рукописи не возвращаются

Сдано в набор 29/XI 1974 г. Подписано к печати 19/III 1975 г. ФГ 01579. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 7140. Тираж 3910. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал

1 руб.

Индекс
70927